

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»,
ЕГО ИЗДАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

На пороге XIX в., в 1800 г., вышло первое издание «Слова о полку Игореве» — лучшего из произведений древней русской литературы, произведения, проникнутого самой нежной и самой сильной любовью к родине, овеянного теплотой лирического чувства и скрепленного пафосом гражданственности. Значение этого «благоуханного цветка» (В. Г. Белинский) русской литературы безмерно велико еще оттого, что он стоит в начале того сложного развития литературы, которое впоследствии, с XIV в., привело к образованию трех братских народов: русского, украинского и белорусского. «Слово» как бы отмечено печатью тех самых качеств, которые с течением веков определили собой лучшие стороны литературы этих народов. На заре древнерусской литературы оно свидетельствует уже о творческих способностях братских народов, о самобытности истоков их культур и служит как бы символом их единства.

Рукописный список «Слова» был найден в начале 90-х годов XVIII в. известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным.

Текст «Слова» находился в сборнике древнерусских произведений светского

содержания. Кроме «Слова», сборник заключал в себе «Хронограф», летопись, называвшуюся «Временник; еже нарицается летописание русских князей и земля Русская», «Сказание об Индийском царстве», повесть об Акире Премудром и «Девгениево деяние».

А. И. Мусин-Пушкин приобрел сборник через своего комиссионера в числе других рукописей у бывшего архимандрита упраздненного в 1788 г. Спасо-Ярославского монастыря Иоиля.

Первое, очень краткое сообщение о «Слове» было сделано известным поэтом того времени Херасковым в 1797 г. во втором издании его поэмы «Владимир»¹. Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Н. М. Карамзин в октябрьской книжке за 1797 г. журнала «Spectateur du Nord», издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге.

С рукописи «Слова» сняты были копии, одна из них², предназначавшаяся для Екатерины II, до нас дошла. В 1800 г. «Слово» было издано Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве со своими учеными друзьями: А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантышем-Каменским и историком Н. М. Карамзиным — тремя лучшими знатоками древнерусских ру-

¹ Херасков М. М. Творения, ч. II, 1797, с. 300—301.

² Впервые издана П. П. Пекарским в приложении к т. 5 «Записок Академии наук» (1864). Более точно издана П. К. Симони в

XIII т. «Древностей Московского археологического общества» (1890). Фотографии см. также в издании: «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова». Под ред. Н. В. Водовозова. М., 1954.

А. И. Мусин Пушкин
Художник Ж. Б. Лампи. 1794 г. Эрмитаж.

кописей того времени¹. В 1812 г. сборник, включавший «Слово о полку Игореве», сгорел в московском пожаре в доме Мусина-Пушкина на Разгуляе. В доме Мусина-Пушкина погибли и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая пергаментная Троицкая летопись самого начала XV в., которой широко пользовался Карамзин при создании «Истории Государства российского».

¹ Воспроизведения мусин-пушкинского издания 1800 г. (фотомеханически): в издании А. С. Суворина (1904), М. и С. Сабашниковых (1920), в кн.: «Слово о полку Игореве» (серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950), в издании «Слова о полку Игореве» (серия «Библиотека поэта», Л., 1952) и в украинском издании «Слово о полку Игореве» (Державне Видавництво художньої літератури, Київ, 1952). Описание сохранившихся экземпляров первого издания «Слова о полку

Сгорела и большая часть экземпляров первого издания «Слова».

Нас не должно удивлять, что «Слово о полку Игореве» дошло до нас в единственном списке. В единственном списке сохранилось и «Поучение Владимира Мономаха» начала XII в., и «Повесть о Горе Злочастии» XVII в. В единственном списке долгое время было нам известно и «Слово о гибели Русской земли» XIII в.; только недавно была найдена еще одна рукопись этого замечательного произведения².

В 1813 г., уже после того как рукопись «Слова» вместе со всем богатым собранием древностей А. И. Мусина-Пушкина погибла в московском пожаре 1812 г., известный археолог К. Ф. Калайдович писал А. И. Мусину-Пушкину: «Я желал бы знать о всех подробностях несравненной песни Игоревой. На чем, как и когда она написана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано? Также и о первых ее переводах, о коих я слышал от А. Ф. Малиновского».

Ответ А. И. Мусина-Пушкина на это обращение К. Ф. Калайдовича является и до сих пор наиболее важным документом для истории открытия и издания «Слова», но, к сожалению, далеко не полным и не ясным. Вот что писал в 1824 г. К. Ф. Калайдович по этому поводу: «Что касается до вопросов: на чем, как и когда писана Песнь Игорева? где найдена? и кто был участником в переводе и издании оной? — послушаем са-

Игореве» и всех материалов, связанных с первым изданием, а также полную публикацию всех этих текстов см. в кн.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

² Малышев В. И. «Житие Александра Невского» (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге). — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — «ТОДРЛ»), т. V. М.—Л., 1947.

мого графа, который на сие отвечал мне декабря 31, 1813 года, следующее: на чем и когда писана? — Писана на лощеной бумаге, в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века. — Где найдена? — До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель Словесности: по уничтожению штата, остался в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием хронограф, в конце найдено Слово о полку Игореве. — О прежних переводах и кто был участником в издании? — Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением оныя Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было разобрано, но я не был переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки подобной кн. Щербатову, который, разбирая грамоту Новгородцев к Ярославу, напечатал в оной между прочего (что надеюсь вам известно): «по что отъял еси поле, заячь и Миловцы?»¹ По переезде же моем в Москву, увидел я у А. Ф. Ма-

М. М. Херасков.
Гравюра Н. Соколова с оригинала Ф. Кюнеля.

линовского, к удивлению моему, перевод мой очень в неисправной переписке и, по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Бантыша-Каменского, решился обще с ними сверить предложение с подлинником и, исправя с общего совета, что следовало, отдал в печать»².

Не удовлетворенный неясным характером этого письма, К. Ф. Калайдович вновь обращался к А. И. Мусину-Пушкину с просьбой точнее определить характер письма рукописи и назвать лиц, видевших рукопись «Слова», но не получил ответа: к этому времени уже возникли подозрения скептиков, начались разговоры о подделке рукописи, и А. И. Мусин-Пушкин, не понимавший научного

¹ Надо было: «заячьими ловцы» (Д. Л.).

² Калайдович К. Ф. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. Ив. Му-

сина-Пушкина. — «Записки и труды Общества истории и древностей при Московском университете», ч. II, 1824.

значения вопросов К. Ф. Калайдовича, увидел в них, очевидно, все то же недоверчивое отношение к нему лично и, может быть, задетый этим, предпочел молчать по существу.

До сих пор многое остается неясным. Прежде всего неясно время открытия «Слова». Очевидно, что покупка «Слова» состоялась не ранее 1788 г., так как в письме А. И. Мусина-Пушкина ясно говорится о том, что покупка была сделана у Иоила после упразднения ярославского Спасо-Преображенского монастыря, которое и произошло в 1788 г. Вряд ли она была совершена до назначения А. И. Мусина-Пушкина на оберпрокурорский пост в 1791 г., до того как он вообще стал заниматься собиранием рукописей.

Однако рукопись «Слова» была приобретена не позднее 1792 г., так как существовало мнение, основанное, впрочем, на предании, что исторические и филологические примечания (к изданию Мусина-Пушкина) писал известный тогдашний критик Болтин, умерший 6 октября 1792 г. То, что рукопись «Слова» была приобретена не позднее 1792 г., доказывает и косвенное указание на знакомство со «Словом» в статье П. А. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве дум российских» в февральском номере журнала «Зритель» за 1792 г.¹

Сличение екатерининской копии и издания 1800 г. наглядно показывает, как много не понимали первоначально в «Слове» из-за естественной для конца XVIII в. неосведомленности в истории русского языка или отсутствия палеографических знаний. То, что сейчас кажется нам простым и ясным в «Слове», не было «узнано» его первыми издателями, нагромоздившими на текст «Слова», и без того испорченный переписчиками,

свои собственные ошибки прочтения, свидетельствующие вместе с тем и о добросовестности издателей как археографов: они предпочитали оставлять текст «темным», чем произвольно его «просветлять».

Явное непонимание текста «Слова» заметно во многих местах первого издания, где неправильно разделены или слиты слова текста (в подлиннике, по свидетельству А. И. Мусина-Пушкина, слова были писаны в сплошную строку).

Так, например, в первом издании «Слова» напечатано отдельно «къ мети», «по скочи», «затвори въ Дунаю», «сице и рати», «мужа имъ ся», «по морию, по сулию» вместо «къ мети», «поскочи», «затворивъ Дунаю», «сицеи рати», «мужаимъся», «поморию, посулию». Непонятные им слова первые издатели «Слова» писали иногда с прописных букв, предполагая, что это собственные имена.

Так получилось в интерпретации издателей: «Шеломянем» — село в Переяславской области (с. 10 первого издания); «Кощей» — якобы собственное имя половца (с. 22); «Урим» (вм. «у Рим») — якобы один из воевод или соратников Игоря (с. 27); «Чага», отождествленная с Кончаком (с. 28), и др. Наконец, первые издатели «Слова» оставили вовсе без перевода такое ясное для нас место, как: «великому Хръсови влъком путь прерыскаше» (с. 36).

Не только в деталях, но и в самом общем его содержании «Слово» не было понято ни его издателями, ни их современниками. Литературная среда конца XVIII — начала XIX в. стремилась обнаружить в «Слове» по преимуществу соответствия своим собственным предромантическим вкусам. В «Слове» искали

¹ Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». — «ТОДРА», т. V. М.—Л., 1947, с. 135—136. См. также

указанную выше книгу Л. А. Дмитриева «История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

оссианизм¹, сведения о древних народных «бардах» и т. п.². Вместе с тем нравственно-патриотическое содержание «Слова» оставалось совершенно нескрытым. «Словом» гордились как произведением, свидетельствующим о существовании своеобразной поэтической культуры на Руси в XII в. Восторженное отношение вызывало упоминание в «Слове» Бояна, в котором современники видели прежде всего певца типа шотландских бардов; привлекали внимание отзвуки язычества в «Слове» и приметы существования на Руси собственного Олимпа богов. Однако патриотические призывы автора «Слова», его теплое чувство родины не находили еще отзвуков; не были поняты и все типично русские особенности формы «Слова» — ее соответствие русской народной поэзии, летописи, произведениям древней русской литературы.

Во многом не поняли «Слово» его ближайшие издатели Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский — скрупулезные, педантично честные и аккуратные архивисты³.

Вскоре после первого издания были открыты веские подтверждения подлинности «Слова о полку Игореве». К. Ф. Калайдович открыл в псковском пергаментном Апостоле 1307 г. приписку, оказавшуюся переделкой одного места в «Слове о полку Игореве»⁴.

Н. М. Карамзин
Гравюра К. Лоришон с оригинала
К. В. Лапиша.

А. С. Пушкин, занимавшийся переводом «Слова», но не успевший закончить своей работы, верно почувствовал связи «Слова» с устной народной поэзией. Вслед за Пушкиным эти народные основы «Слова» были тщательно изучены М. А. Максимовичем.

¹ Сочинения легендарного воина и певца кельтов Оссиана, жившего, по преданиям, в III в. н. э. в Ирландии, были якобы открыты, а на самом деле сочинены Дж. Макферсоном в середине XVIII в. Их особенности — меланхолический характер, мечтательность, лиризм — были в большой моде в конце XVIII и начале XIX в.

² Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947.

³ Соловьев А. В. Екатерининский список и первое издание «Слова». — В кн.: Соловьев А. и Яковсон Р. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954.

⁴ «Сего же лета бысть бой на Русьской земли Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех, которы и веди скорятишася человеком». Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣди челоуѣкомъ скратишася».

Слово о полку Игореве Игоря сына Святислава внука Ольгова.

Нелъпо ли ны бѣшеть братіе, казати старымъ словесы трзюмъ повѣстий о полку Игореве, Игоря Святиславича. Казати речесть пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію болю. Болнъ бо вѣщій, аще помъ лоташе пѣскъ тлорити, то растекашеться мислю по древу, сырми валомъ по земли, шивимъ орломъ по дъ облаки. Памяшеть бо рѣкъ перилъ времени зоблицъ. Могоа пѣщашеть 10^{мъ} сополотъ на стадо лебедей. Который дотекаше та предъ пѣскъ полше, старомо Ярославъ, драбромъ Митидапу, иже зарпти Редю предъ пѣски Косорбъ-слыми, красномъ Романомъ Святиславичемъ. Болнъ же братіе не 10^{мъ} сополотъ на стадо лебедей пѣщаше, не спохъ вѣща прѣсто на вѣщая страны вѣщаше, опи же сами

Постепенно «Слово» оказалось окружено широкой исторической перспективой. Получили верное истолкование политические идеи «Слова», его смысл. Объяснились многие явления языка «Слова», казавшиеся непонятными в конце XVIII — начале XIX в.

¹ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Сост. В. П. Андрианова-Перетц. М.—Л., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. Сост. О. В. Давыдова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под ред. и со вступ. статьей С. К. Шамбинаго. М.,

Копия с рукописи «Слова»,
сделанная для Екатерины II.

«Слово» изучалось литературоведами, поэтами, лингвистами и историками¹.

«Слово» переводили В. Жуковский, А. Майков, Л. Мей и многие другие русские поэты.

Не было ни одного крупного русского ученого-филолога, который не писал бы о «Слове».

«Слово» стало фактом русской науки и русской литературы XIX—XX вв.: интерес к «Слову» стимулировал занятия русской литературой XI—XIII вв., историей русского языка и палеографией.

Поэтические элементы «Слова» отразились в русской поэзии и в русской прозе на протяжении полутора столетий².

Всего в исследовательской литературе насчитывается более 700 работ о «Слове». Оно было переведено на большинство западноевропейских языков (французский, английский, немецкий, голландский, датский, венгерский, итальянский) и на все славянские (чешский, болгарский, словенский, сербский). Дорогие, великолепно исполненные и тщательно комментированные издания «Слова», вышедшие в странах народной демократии, говорят о напряженном к нему интересе.

В Советском Союзе изучение «Слова» было особенно плодотворным для усвоения его идейного содержания и

1940; Л. А. Дмитриев. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований, 1938—1954. М.—Л., 1955.

² Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии.— «Учен. зап. ЛГУ». Серия «Филологические науки». Л., 1948, вып. 13.

исторической основы (работы акад. Б. Д. Грекова¹, М. Д. Приселкова² и др.). Был тщательно изучен язык «Слова» (в работах акад. С. П. Обнорского³, Л. А. Булаховского⁴, Н. М. Дылевского⁵, В. Л. Виноградовой⁶,

А. Н. Котляренко⁷). Составляется полный словарь «Слова»⁸. Было тщательно исследовано соотношение «Слова» и «Задонщины»⁹, внимательно изучена историческая обстановка создания «Слова»¹⁰.

¹ Акад. Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время.— «Историк-марксист», 1938, кн. 4.

² Приселков М. Д. «Слово о полку Игореве» как исторический источник.— «Историк-марксист», 1938, кн. 6.

³ Акад. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

⁴ Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка.— В сб.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

⁵ Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным.— В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962.

⁶ Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии.— Там же.

⁷ Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л., 1966.

⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. М.—Л., 1965, вып. 1; Л., 1967, вып. 2; 1969, вып. 3; 1973, вып. 4.

⁹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л., 1966.

¹⁰ Акад. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Он же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

XII века

«Слово о полку Игореве» с гениальной силой и проникновенностью отразило главное бедствие своего времени — отсутствие политического единства Руси, вражду князей между собой и, как следствие, слабость ее обороны от все усиливавшегося нажима кочевых южных и восточных соседей Руси.

Причиной разъединения Руси были развивающиеся феодальные отношения. Образуется множество феодальных «полугосударств»-княжеств, враждовавших между собой, оспаривавших друг у друга владения. Единое в X — начале XI в., древнерусское государство в XII в. распадется окончательно.

Этот распад древнерусского государства был вызван новыми экономическими и политическими условиями, создавшимися в связи с ростом производительных сил в местных феодальных центрах: феодальное дробление закономерно вызывалось развитием изолированных и замкнутых хозяйств — княжеских, боярских или церковных. Каждое из этих хозяйств было вполне самостоятельным комплексом угодий, группировавшихся вокруг двора феодала. Экономические связи между отдельными хозяйствами были слишком слабы. Поэтому рост этих отдельных хозяйств усиливал разделение, вел к экономическому, а затем и политическому дроблению Руси, начавшемуся уже в первой половине XI в., при Ярославе Мудром.

Первой обособилась Полоцкая земля, оставшаяся во владении Изяслава — сына Владимира Святославича от его

первой жены, полоцкой княжны Рогнеды. Впоследствии это повело к нескончаемым междоусобным войнам между полоцкими князьями и остальными русскими князьями — потомками Ярослава Мудрого. Всеслав Полоцкий всю жизнь воевал с сыновьями Ярослава, и эта вражда всеславичей и ярославичей продолжалась и во второй половине XII в., спустя столетие, вызвав в «Слове» гневную обличительную тираду: «Ярослави вси внуце и Всеслави (т. е. потомки Ярослава и потомки Всеслава)! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени (обе стороны признайте себя побежденными). Уже бо выскочите изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья за землю Рускую, на жизнь Всеславию».

Смерть Ярослава Мудрого вызвала дальнейшее разделение Русской земли. По завещанию Ярослава его старший сын Изяслав получил Киев, следующий, Святослав, — Чернигов, Всеволод — Переяславль, Игорь — Владимир Волынский, Вячеслав — Смоленск. В конце XI в. Черниговское княжество окончательно закрепляется за сыном Святослава Ярославича — Олегом и его потомством.

Это обособление Черниговской земли и закрепление ее за потомством Олега Святославича явилось таким же трагичным, как и закрепление Полоцкой земли за потомством Всеслава. Олег Святославич всю жизнь враждовал с Владимиром Мономахом, а впоследствии раздоры потомства Олега — ольговичей — и потом-

ства Мономаха — мономаховичей — наполняют своим шумом весь XII и первую половину XIII в. Автор «Слова о полку Игореве» прозвал этого Олега Святославича Олегом Гориславичем, правильно указав в нем одного из тех князей, от которых «сѣяшется и растяшеть усобицами» Русская земля.

Обособление отдельных земель как наследственных княжеских владений было признано при Владимире Мономахе, на Любечском съезде князей в 1097 г.: «Каждо да держит отчину свою» (пусть каждый владеет землею отца).

Решение Любечского съезда, признавшего разделение Русской земли, не привело, тем не менее, хотя бы к временному соглашению князей и тотчас было нарушено. Один из князей — Василько Тербовольский — был вероломно схвачен двумя другими и ослеплен. Начались княжеские раздоры. Призывая к единению, народ киевский обратился к Владимиру Мономаху со словами: «Молимся, княже, тебе и братома твоима, не можете погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собою, погани (язычники — половцы) имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомъ, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Призыв народа к единению был на устах у каждого поколения русских людей, в каждом княжестве, в каждом городе.

Галичина, Рязань, Смоленск, Владимир Волынский, Владимир Залесский, Ростов, Новгород — все эти областные центры решительно стремятся к политической самостоятельности, уходят из орбиты влияния слабеющего киевского «золотого стола», замыкаются в своих эгоистических местных интересах, вступают в борьбу друг с другом, князья про малое говорят «се великое» и погрязают в бесконечных братоубийственных войнах. Отходят в прошлое времена полити-

СЛОВО

ПѢСНЬ

О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а) О ПОХОДѢ ИГОРЯ,
ИГОРЯ СЫНА СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
СВЯТЬСЛАВАЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.
ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не дѣлоли ны бѣше тѣ, брати, налетѣ старыми сло-
веси трудныхъ повѣстий о
плѣку Игоревѣ, Игоря Святѣславовича! на-
сти же ся тѣдѣ лѣснѣ ло
Прѣлѣтѣи нѣмѣ, братцы, на-
чѣть древнѣмъ слоговѣмъ при-
скорбную повѣсть о походѣ
Игоря, сына Святославова!
начѣть же сѣю пѣснь по бы-
тѣмъ того времени, а не по

(а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1131 года; во Сызванѣхъ Крещенъ нареченъ Георгиемъ; женился въ 1184 году на Князѣхъ Кюпренскихъ, дочери Князя Крещана Владимировича Галицкаго. Въ 1185 году нѣмѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя нѣмѣ сыновей.

«Слово о полку Игореве».

Первая страница текста издания 1800 г.

ческого единства и внешнего могущества Руси.

Междоусобная борьба князей была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью. Кыпчаки, а по-русски половцы, народ тюркского происхождения, заняли степи между Волгой и Днепром еще в середине XI в. Они представляли собой такую мощную военную силу, что не раз грозили самому существованию Византийской империи. Последняя в борьбе против половцев не раз обращалась за помощью к русским князьям.

Русским князьям иногда удавалось одержать крупные победы над половцами, однако внезапные набеги половцев разоряли мирное население русских сел и городов. Половцы уничтожали сельское хозяйство, грабили города, избивали и угоняли в рабство жителей. Быстрая степная конница не знала естественных преград на чрезвычайно растя-

А. Ф. Малиновский.
Гравюра А. Фролова с оригинала Ф. Попова.

нутых южных и юго-восточных границах Руси — открытых, доступных, трудно оберегаемых. Бескрайнее «дикое поле», «страна незнаема» в приливах и отливах степных кочевников готова была поглотить многочисленные очаги русской культуры. Волны степных набегов разбивались о стойкое сопротивление отдельных княжеств. Часть половцев оседала на пограничных землях и под именем «ковуев» и «своих поганых» (т. е. своих язычников) постепенно попадала под мирное влияние русской культуры. Но раздоры русских княжеств были удобны для новых вторжений. Князья призывали половцев себе в помощь, расшатывая тем самым веками слагавшееся здание русской независимости.

Так эпоха феодальной раздробленности, естественная в историческом развитии всех народов, неожиданно приоб-

рела остры, трагический характер из-за страшной половецкой опасности.

Вся беспокойная и тревожная деятельность русских князей была отражением противоречий своей эпохи. Было бы наивным представлять себе, что феодальные распри русских князей были обусловлены только их личной неуживчивостью, их ограниченностью. Среди русских князей — героев «Слова о полку Игореве» — мы знаем многих, отличавшихся выдающимися способностями и образованием, умевших порой подняться и до осознания общерусских интересов в целом, но в силу исторических причин редко удерживавшихся подолгу на этой общерусской точке зрения!

Одна из самых характерных фигур эпохи — Рюрик Ростиславич — «буй Рюрик» из «Слова о полку Игореве». Это был беспокойный и деятельный, по своему блестящий князь XII в. Предприимчивый и смелый, гостеприимный и запальчивый, «мудролюбивый» и непостоянный, Рюрик провел всю свою жизнь в походах на половцев и в феодальных распрах, сражался и за Русь, и за свои личные интересы. Семь раз добивался он киевского «золотого стола» и дважды добровольно его уступал своим побежденным соперникам. Несколько раз Рюрик являлся инициатором походов соединенных сил русских князей против половцев, но в 1203 г. подверг Киев вместе с половцами такому страшному разгрому, который по последствиям уступал только его опустошению ордами Батыя. Он был одним из образованнейших людей своего времени и обладал закаленной в боях дружиной. По его инициативе был составлен летописный свод 1200 г., сохранивший в своем составе Киевскую летопись XII в. — одну из лучших по своим литературным достоинствам, по языку, богатую событиями, полную деталей княжеского и дружинного быта — звона оружия, чести и славы Руси. Летопись эта читается ныне в

Ипатьевской летописи за годы 1118—1200. До страсти преданный искусству, Рюрик, по выражению летописи, имел «любовь несытну о зданьих». Его зодчим и личным другом был знаменитый «художник» Петр Милонег. В 1205 г. Рюрик был насильно пострижен в монахи Романом Мстиславичем Волынским. В том же 1205 г. Рюрик сбросил с себя монашескую рясу и в последний раз стал киевским князем. В 1210 г. он, по-видимому, добровольно уступил киевский стол Всеволоду Черному, а умер в 1215 г. на княжении в Чернигове.

Не менее интересен и другой князь, к которому обращается автор «Слова» с призывом «прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти», — Всеволод Юрьевич Суздальский по позднему прозвищу «Большое гнездо». Это был незаурядный политический деятель своего времени, один из самых сильных князей Руси XII — XIII вв. По словам летописца, Всеволод «много мужествовав и дерзость имев на бранех показав»; «сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изыде слух его (прошел слух о нем)». Всеволод вел неустанную борьбу с боярством за укрепление княжеской власти. Его боялись и слушались прочие русские князья: князья-соседи и князья далекой южной Руси. Он первым из владимирских князей принял титул «великого князя» и стремился утвердить за Владимиром Залесским значение центра Руси. Обстроил Владимир замечательными зданиями, «не искав мастеров от немец». При нем был построен во Владимире княжеский дворец с придворным Дмитриевским собором, знаменитым своими каменными скульптурными украшениями, и расширен Успенский собор.

Любопытен и другой князь, к которому также обращался автор «Слова», — тесть Игоря, Ярослав Осмомысл. Он был князем богатого Галичского княжества и вел постоянную борьбу с местным, очень сильным галичским боярством.

Его княжение казалось могущественным для всех соседних стран, однако он не раз принужден был смиряться перед собственным боярством. Его любовницу Настасью бояре сожгли на костре. Его любимого сына от Настасьи бояре после смерти Ярослава выгнали из Галича. Этот князь «один худою своею головою ходя, удержал всю Галичскую землю». Он принимал у себя византийского императора Андроника Комнина, который по возвращении велел в построенном им дворце написать сцены из своей прошлой жизни и, между прочим, различные эпизоды охоты на зубров («туров») во время пребывания у Ярослава. Летописец так характеризует Ярослава Осмомысла: «бе же князь мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях и славен полкы».

Но, может быть, самой любопытной фигурой на горизонте Руси конца XII в. был Роман Волынский — «буй Роман» «Слова о полку Игореве». Это был отважный и неутомимый князь, хозяин и устроитель своих владений. Упорной борьбой он добивается соединения наследственного Владимиро-Волынского княжества с богатым соседним Галичским княжеством. Он пренебрегает Киевом, обращая, в конце концов, Киев в окраинный форпост своих сильных галицко-волынских владений. Твердой рукой сдерживает он распад юго-западной Руси и направляет главные удары против могучего галичского боярства. «Не передавивши пчел, меду не есть», — говорил он о боярах и уничтожал одних из них в открытой борьбе, других — хитростью, не стесняясь прибегать к обману. Он наводил ужас на окрестные народы: половцев, литву, ятвягов и поляков. Его именем, говорилось в народе, половцы пугали своих детей. Летопись пишет о нем, что он устремлялся на «поганых», как лев, сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, проходил через землю их, как орел, храбр же был, как

Н. Н. Бантыш-Каменский.
Художник Н. Аргунов. 1811 г. Эрмитаж.

тур. Только один Владимир Мономах мог сравниться с ним в победах над половцами. Первый же поход Романа на половцев, по словам византийского историка Никиты Хониата, заставил их спешно покинуть пределы Византии, где они угрожали самому Константинополю. Завоевая окрестные земли, он переустраивал их хозяйственную жизнь. Он заставил побежденных литовцев расчищать леса под пашни, корчевать лес и заниматься земледелием. Литовцы много лет спустя говорили о нем: «Роман, Роман, худым живешь, Литвою орешь». Имя Романа было хорошо известно во всех европейских странах. Его послов видели в Константинополе. Его богатые пожертвования попали даже в саксонский монастырь св. Петра в Эрфурте, где находился крупный центр международной торговли. Он приютил у себя византийского императора Алексея III Ангела после изгнания его крестоносцами из Константинополя. Западноевро-

пейские источники постоянно называют его «королем Руси». Русские летописи называют его «самодержцем всея Руси» и «царем». Папа Иннокентий III предлагал ему королевскую корону при условии признания его власти, но Роман отверг его предложение. Он погиб при походе в Польшу 19 июля 1205 г. Польские средневековые историки приписывали ему намерение завоевать Люблинские земли. О его смерти так записано во французской хронике XIII в.: «Король Руси, по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию... по воле божьей убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле». Польский хронист XV в. Длугош говорит, что Лешко и Конрад в благодарность за победу над Романом посвятили алтарь в краковском соборе святым Гервазию и Протасию, в день памяти которых был убит Роман. Таково было впечатление от смерти этого неукротимого и могущественного князя.

Менее ясно выступает по летописи главный положительный герой «Слова» — князь Святослав Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода Святославичей. Святослав Всеволодович провел бурную жизнь. В 1141 г. он получил в княжение Туров. Затем до 1146 г. княжил во Владимире Волынском. Вскоре затем в Северной земле несколько лет деятельно поддерживал Святослава Ольговича — отца Игоря Святославича в его борьбе с мономаховичами. Тогда, по видимому, и установилось у Святослава нежное отеческое отношение к Игорю. После смерти Изяслава Мстиславича Святослав получил в княжение от Ростислава Мстиславича Туров и Пинск. С 1158 по 1164 г. Святослав княжил в Новгороде Северском, откуда перешел на княжение в Чернигов. В 1174 г. он осаждал Киев. Во время смут во Владимире Суздальском после смерти Андрея Боголюбского Святослав поддерживал

его брата Всеволода Юрьевича и Михалку. С 1180 г. Святослав надолго утвердился в Киеве, но владел только Киевом. Остальные города киевского княжества были подчинены Рюрику Ростиславичу. Совместно с Рюриком Святослав организовал несколько объединенных походов русских князей на половцев, из которых особенно удачным был тот самый поход 1184 г., в котором не успел принять участие Игорь Святославич (см. стр. 43). Возрастающему влиянию Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского Святослав пытался оказать сопротивление, но безуспешно. Умер Святослав в 1194 г. Данные исследования выстроенного Святославом в Чернигове Благовещенского собора позволяют говорить о своеобразной школе зодчества Святослава Всеволодовича, воскресившей архитектурные традиции единой Руси XI в.

Итак, во времена создания «Слова о полку Игореве» на Руси не было недостатка ни в энергичных и способных князьях, ни в самых попытках восстановить единство Руси.

Беда Русской земли заключалась в том, что деятельность этих князей не была согласована, князья по-разному понимали свои задачи, стремясь в первую очередь к укреплению своего княжества; вместе с тем на каждого из князей, стремившихся к единству Руси, при-

ходило до десятка князей, забывавших все и вся ради достижения эгоистических целей, головой пробивавших дорогу к киевскому «золотому столу». Необходим был отрезвляющий голос, чтобы вернуть лучших из русских князей к сознанию патриотического долга и согласовать их усилия.

На страже интересов всей Русской земли издавна стоял трудовой русский народ, неоднократно выступавший как инициатор обороны Руси. Когда в 1016 г. Ярослав, разбитый Святополком и Болеславом, прибежал в Новгород и собирался отправиться дальше за море, новгородцы иссекли лады Ярослава, собрали войско и сказали: «Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь». В 1068 г. Изяслав Ярославич был разбит половцами и прибежал в Киев; киевляне созвали вече на торговище и послали сказать князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними».

Если бы летописцы XII в. больше уделяли внимания простым людям Руси, они наполнили бы листы своих летописей многочисленными фактами аналогичных обращений горожан и крестьян к своим князьям с тем же призывом «постеречи земли Русьския».

Как мы увидим в дальнейшем, выразителем идей объединения родной земли явился автор «Слова о полку Игореве».

ГЛАВА 3 КУЛЬТУРА РУСИ XII ВЕКА, ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» — не одинокий памятник русской культуры XII в. Как гениальное произведение оно органически выросло из своего времени, времени высокого уровня русской культуры XII в., было тесно связано с эпохой, как цветок — с почвой, с окружающим его светом, воздухом, растениями.

Рядом со «Словом о полку Игореве» поднимались его спутники — прекрасные создания русского зодчества конца XII в. — во Владимире, в Чернигове, в Новгороде, в Старой Ладогe, в Пскове. Рядом с автором «Слова» работали превосходные русские ремесленники, художники. «Слово о полку Игореве» родилось в обстановке повышенного интереса к художественному слову, в обстановке оживленной деятельности разнообразных местных литературных школ, в обстановке развития многих литературных жанров.

Две черты особенно ярко характеризуют культуру конца XI — начала XIII в. сравнительно с предшествующей культурой Руси X — первой половины XI в.: это обилие и своеобразие местных культур, отражение в русской культуре феодального дробления, и интенсивный рост народных основ русской культуры. Экономическая раздробленность Руси и связанное с нею политическое разъединение вели к замкнутости отдельных культурных миров. Однако размежевание Русской земли границами отдельных феодальных полугосударств-княжеств, обособленность их культур не могли

создать сами по себе качественных различий. Качественные различия отдельных областных культур, отличия в самом характере их возникали в связи с тем, что в каждом из феодальных полугосударств создавались свои собственные условия для развития культуры. Каждое из самостоятельных полугосударств отличается своей расстановкой классовых сил. Огромное значение приобретает вопрос, чьим интересам служит культура — князьям, боярству, купечеству, духовенству и т. д.

Между тем проникновение народных, местных черт в культуру верхов феодального общества сглаживает все эти областные различия. Творчество народных мастеров в Рязани и во Владимире, в Галиче и в Новгороде было в основе своей общим, очень сходным. Устное народное творчество, народные исторические и лирические песни были повсюду теми же. Русский язык, несмотря на диалектные различия, был понятен повсюду. И это в первую очередь обуславливало рост единства русской культуры.

Во все усложняющемся культурном развитии Руси растут областные различия, но растет и самобытная единая основа русской культуры.

Влияние деревянной народной архитектуры на каменную, влияние деревянной резьбы на скульптурные украшения храмов во Владимире и в Галиче, проникновение в живопись народных вкусов, проникновение в литературу устных форм русской речи — все это хотя и проявлялось в различных областях Руси по-

разному и поэтому внешне, казалось, усиливало областные различия, на самом же деле в конечном счете вело к росту элементов единства.

В результате тенденции единства возобладали над тенденциями дробления. Кем бы ни были заказчики, подлинными творцами культуры были непосредственные исполнители заказов: русские ремесленники, каменщики, строители и т. д., т. е. трудовое русское население. Именно от них, от исполнителей, шли технические изобретения, всякого рода новшества, все прогрессивное, самобытное и подлинно народное. Вкусы же заказчиков диктовались по преимуществу традициями и трафаретом, стремлением затмить пышностью соседей или подражать византийскому двору.

Вместе с тем и самое народное начало, которое вносится русскими мастерами в их искусство, не остается неподвижным — оно также развивается, растет, крепнет под влиянием роста производительных сил страны. Совершенствуется не только техника ремесла, но и грамотность широких масс населения. Письма, документы, написанные на бересте, начинают распространяться особенно широко¹. Надписи встречаются на многих бытовых предметах — на шиферных пряслицах², гончарных изделиях и т. д. Растет фольклор, растет общественная активность горожан и крестьянства. Тем самым создаются благоприятные условия для развития самобытности культуры Руси. Развитие этих самобытных черт в конце концов приведет к образованию национальных культур — одного из необходимых элементов складывающихся наций.

Меньше, чем в других областях, местные черты сказались в культуре Киева XII в. Киев в XII в. оставался центром

Русской земли — если и не реально, то, во всяком случае, идеально: его продолжали считать центром Русской земли даже и тогда, когда он фактически им перестал быть. Вместе с тем князья черниговские и смоленские, галицкие и владимирские приходят сюда, на киевский «золотой стол», со своими военными дружинами и дружинами строителей, со своим двором и летописцами. Князья то строят в Киеве свои здания, то жестоко его опустошают, перевозя из него в свои княжества предметы искусства и книги. Киев как бы находился в центре того нивелирующего движения, отчасти сглаживавшего областные различия, которое создавало непрерывное перемещение русских князей из одной области в другую.

Упадок политического значения Киева сказался прежде всего в архитектуре. В XII в. в Киеве и вокруг Киева строятся церкви значительно меньших размеров, чем во времена Ярослава, его сыновей и внуков.

Архитектурные формы этих церквей упрощены, богатое внутреннее убранство мозаиками исчезает, заменяясь более дешевыми фресками. Из многочисленных церквей этого времени известно немного: церковь Успения на Подоле в Киеве (1131—1132 гг.), церковь Кирилловского монастыря в Киеве (1140 г.) и некоторые другие, знакомые по фундаментам в раскопках археологов. Живопись Киева изучена еще слабее. В плохой сохранности дошли до нас фрагменты прекрасных фресок Кирилловского монастыря.

Зато значительно богаче представлено ремесло Киева. Раскопки археологов показали яркую картину разрушения Киева ордами татаро-монголов и выявили в нем ремесленные мастерские, кото-

¹ См.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1965.

² Грузик в виде кольца, надеваемый на веретено для веса и равномерности вращения при прядении.

рые уточнили наши представления о ремесленном производстве того времени¹.

В XI — XII вв. в Киеве развивается производство тончайших эмалей, требовавшее от русских мастеров исключительного искусства и художественного чутья.

По замечанию исследователя ремесла Древней Руси акад. Б. А. Рыбакова: «Как в эмальерном деле, так и в смежных с ним киевские мастера были выше своих западноевропейских современников (на Западе, например, не была еще известна техника пастилажа — накладки рельефного эмалевого рисунка на керамику, хорошо разработанная киевскими мастерами)»². Не имели себе равных русские мастера и в технике

зерни и скани³, в изготовлении тончайших литейных форм.

Как в Киеве, так и в других центрах русского ремесла, число которых непрерывно растет, количество ремесленных специальностей значительно увеличивается, достигая в некоторых городах шестидесяти. Совершенствуется техника ремесел. Увеличение массовости продукции разрушает первоначальную замкнутость ремесел. Пряслицы из розового шифера, изготовлявшиеся под Киевом в Овруче, распространяются по всей Русской земле — вплоть до далекой Ладоги. Часть русской ремесленной продукции вывозится в Западную Европу, например замки, известные в Чехии и в других странах как «русские замки».

¹ См.: Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958; т. 2. М.—Л., 1961.

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 396.

³ Скани — то же, что филигрань (ювелирное изделие из тончайшей металлической нити). Зернь — ювелирное изделие с применением мелких припаянных дробинки.

Василий Великий.
Деталь мозаики Софийского собора в Киеве.
XI в.

Богоматерь.
Деталь мозаики Софийского собора в Киеве.
XI в.

Пантелеймон.
Деталь фрески Софийского собора в Киеве.
XI в.

Развитие ремесла связано с развитием в нем самобытных, народных начал.

«В художественном отношении мир образов, созданных русскими мастерами, — пишет Б. А. Рыбаков, — представляет интереснейшую и своеобразную страницу в истории общеевропейского ремесленного искусства. В камне, в эмали, на серебре и кости русские мастера воплотили причудливую смесь христианских и архаичных языческих образов, сочетав все это с местными русскими мотивами и сюжетами»¹.

Еще отчетливее представляем мы литературу Киева этого периода, и в частности его летописание. В составе Ипатьевской летописи в пределах до 1200 г. дошел до нас Киевский летописный свод, созданный в Выдубицком подгороднем монастыре в честь киевского

князя Рюрика Ростиславича («буй Рюрика»). Он открывался «Повестью временных лет», составленной еще в начале XII в., продолжался соединенными в одно целое летописными записями, сделанными в Киеве (в Печерском и Выдубицком монастырях), в Чернигове и в Переяславе Южном, и заключался похвальным словом выдубицкого игумена Моисея в честь киевского князя Рюрика Ростиславича.

В Киевском летописном своде 1200 г. отразились многочисленные новые формы исторических произведений, впервые возникшие на русской почве именно в период феодальной раздробленности. В свод включены личные, семейные и родовые княжеские летописи.

В этих летописях отмечены главным образом события семейной и личной жизни князей: рождение детей, браки.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 521.

Музыкант.
Деталь фрески
Софийского
собора в Киеве.
XI в.

смерти, монашеские постриги, переменны княжения тем или иным князем и изредка походы.

Насколько предшествующее общерусское летописание XI в. было обширно по теме и по исполнению, настолько это княжеское летописание оказалось узким по содержанию и несложным по выполнению.

Однако в летописании княжеском — личном и семейном имеется положительная сторона: это интенсивность исторического самосознания, сознания исторической ценности личной деятельности. Нас поражает сейчас распространенность этой заботы об историческом отображении собственной деятельности. Такие княжеские летописи, как Игоря Святославича, или его отца Святослава Ольговича, или родовая летопись Ростиславичей смоленских, значительно

обогатили своим составом Киевскую летопись XII в.

Значительно обогатила Киевский свод и другая, новая форма исторического повествования, также возникшая в XII в., — жизнеописания князей. Одно из таких жизнеописаний — рассказ боярина Петра Борисовича¹ о киевском князе Изяславе Мстиславиче (под 1146—1154 гг. в Ипатьевской летописи) — составляет наиболее яркие страницы Киевского свода 1200 г. Он носит светский характер и с замечательной отчетливостью отражает княжеский быт XII в.

Наконец, в составе Киевского свода 1200 г. отразилась еще одна новая литературная форма исторического повествования, возникшая в связи с феодальными усобицами того времени: «это обличительные повести о княжеских преступлениях». Эти повести предназначались

¹ См. о нем: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 234—241; Рыба

ков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 277—306.

одной из враждующих сторон для того, чтобы служить своего рода обвинительными актами против другой. Они были типичны для периода наиболее острых феодальных усобиц. Это были своеобразные документы злодеяний, но документы, составленные в живой манере, с точно переданными речами действующих лиц, изящно написанные, насыщенные бытовыми подробностями, дышащие азартом княжеских усобиц, наполненные драматическими деталями. Составлялись эти повести обычно непосредственными участниками событий или их свидетелями, чтобы обвинить нарушителей мира и феодальных прав.

Одна из таких повестей включена в Киевский свод под 1175 г. — это повесть Кузьмища Киянина об убийстве Андрея Боголюбского. С поразительной силой психологического наблюдения рассказывает Кузьмище о том страхе, который испытывали убийцы перед тем, как ворваться в ложницу (спальню) князя. Испуганные, они возвращаются назад, спускаются в медушу (погреб для вин), подкрепляют силы вином и только после этого совершают убийство. Кузьмище повествует о бешеном сопротивлении князя. Князя хотели обманом заставить отворить дверь в спальню. Но князь догадался об обмане. Убийцы выломали дверь, и двое из них навалились на князя. В темноте князь подмял под себя одного из убийц, другой, предполагая, что повален князь Андрей, ранил своего товарища. Убийцы секли князя саблями и мечами и кололи копьями. Решив, что князь убит, они «трепещущи отъидоша». Затем одному из них показалось, что князь сошел с сеней. Они вернулись, зажгли свечи и нашли князя по кровавому следу. Тут только они завершили убийство. Другая повесть того же типа —

рассказ боярина Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимирки Галицкого (сохранилась неполностью под 1152 г.). Этот рассказ не менее ярок.

Благодаря столь разнообразному материалу Киевская летопись представляет собой одну из самых богатых летописей Древней Руси — и как исторический источник, и как литературное произведение, и как памятник русского литературного языка. Она носит в основном, как было сказано, светский характер и отражает рост самобытных черт русской литературы этого периода. Летопись осуждает князей — «наводчиков» половцев и нарушителей «крестного целования». Призыв «постеречи земли Русьския», «блюсти Русской земли», «за землю Русскую страдати» звучит в Киевской летописи в течение всего XII в.¹

Киевская литература в значительной степени создавалась не киевлянами. К их числу принадлежит знаменитый проповедник Климент Смолятич, литературная деятельность которого относится к 1140—1150 гг. Летопись так характеризует Климента: «бысть книжник и философ так, яко же в Руской земли не башеть». Из всех многочисленных произведений Климента сохранилось лишь единственное, обращенное к пресвитеру Фоме. В нем заключается мысль о допустимости символического толкования священного писания и связанных с этой манерой ораторских приемов проповеди. Послание это показывает наличие в XII в. споров о предпочтительности тех или иных литературных приемов и свидетельствует о существовании в это время различных литературных школ и рафинированной писательской культуры. Как видно из послания Климента, смоленский князь и пресвитер Фома обвинили Климента в излишнем пристрастии

¹ О Киевской летописи см.: Лихачев Д. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 173 и сл. (здесь же о летописании других областей, о ко-

торых будет идти речь в дальнейшем); Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы.—«ТОДРЛ», т. XII. М.—Л., 1949.

к Омиру (Гомеру), Аристотелю и Платону¹ и ставили ему в пример некоего Григория, который совсем просто вел свои беседы, не прибегая к авторитетам и иносказаниям.

На грани киевской литературы и литературы владими́ро-суздальской стоит замечательный памятник житийной литературы XII в. — Киево-Печерский патерик. Патерик этот представляет собрание рассказов об отдельных событиях, связанных с основанием Киево-Печерского монастыря, и об отдельных его деятелях. Рассказы эти полны бытовых подробностей, рисующих жизнь монастыря. В них отразились различные ремесла, которыми занимались печерские монахи, монастырская торговля (солью, хлебом) и монастырская политика. Чудеса происходят то в келье иконописца, то в пекарне, то у гробовщика. Один из монахов заставляет бесов вращать жернова и молоть пшеницу, другой — таскать в гору с берега Днепра бревно; пришедшие наутро возчики возводят на монаха крамолу, требуя платы денег по уговору (неустойку), подкупают судью, который берет их сторону, заставляя монаха платить возчикам: «Да помогут ти беси платити, иже тебе служат». Переплетающаяся с бытом фантастика придает рассказам занимательность и сюжетное разнообразие. В патерике упоминаются исторические события и исторические лица, сказывается и летописный стиль. В годы феодальной раздробленности патерик живо напоминал своим читателям об историческом прошлом родины, о Киеве XI в., способствуя тем самым сохранению идеи единства Русской земли².

Рассказами патерика увлекался впоследствии Пушкин, отмечавший в них «прелесть простоты и вымысла» (письмо к Плетневу от 12—14 апреля 1831 г.).

Только условно можно говорить о замкнутости культуры и другого древнего культурного центра Руси — Чернигова.

Черниговское зодчество XII — начала XIII в. представлено выдающимся памятником — собором Пятницкого монастыря (по-видимому, построенного «буи Рюриком» в начале XIII в.). Этот собор, разрушенный немецко-фашистскими захватчиками, обладал резко выраженными особенностями, обусловленными связью его с русской народной деревянной архитектурой. Ступенчатая конструкция сводов и общая пирамидальная композиция позволяют рассматривать Пятницкий храм как один из первых памятников того ярусно-повышенного типа, который в XV в. приведет к такой вершине русского средневекового зодчества, как храм Вознесения в Коломенском. Пятницкий храм — памятник вполне своеобразного и самостоятельного стиля.

Чернигов издавна был важным центром ремесла. Ремесло продолжает развиваться здесь и в XII и в начале XIII в. Замечательный памятник черниговского прикладного искусства — серебряная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича (умер в 1151 г.) с чеканной надписью по краям — живым свидетельством широкого гостеприимства этого «доброго и кроткого», по словам пристрастной к нему летописи, князя: «А се чара кня[зя] Володимирова Давы-

¹ О Клименте Смолятиче см.: Никольский Н. К. О литературных трудах Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1902.

² Издание Киево-Печерского патерика: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. — Перевод см. в кн.: М. Викторова. Киево-Печерский патерик по древним рукописям в переложении на современный русский

язык. Киев, 1870; Новейшее издание в кн.: «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков». Сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., 1957; «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. (Библиотека всемирной литературы).

дов[и]ча, кто из нее пь[еть], тому на здорье, а хваля бога своего и осподаря великого кня[зья]».

Литература Чернигова, по-видимому, была весьма своеобразной. В Чернигове несомненно велась летопись. Один из черниговских князей — Никола Святоша был авторитетным писателем своего времени. Однако от всей богатой литературы Чернигова сохранилось только одно произведение — «Слово о князех», написанное около 1175 г. Оно представляет собой по форме церковное «похвальное слово» на память перенесения мощей Бориса и Глеба. Однако ближайшим поводом для его создания послужило, по-видимому, столкновение между черниговским князем Святославом Всеволодовичем и новгород-северским князем Олегом Святославичем. «Слово о князех» призывает русских князей прекратить усобицы, перестать призывать половцев на Русскую землю: «Мы же и до слова не можем стерпети, а за малу обиду вражду смертоносную въздвижем и помощь приемлюще от злых человек на свою братию»; «постыдитесь враждующе на свою братию или на друзи единоверныя»¹.

В культуре Новгорода резко своеобразными чертами отразился его социальный строй. Установление в Новгороде во второй четверти XII в. «республиканской» политической государственной организации, во главе которой стала боярская верхушка, использовавшая в своих целях народное движение, привело к значительной демократизации новгородской культуры, помимо воли самого боярства.

Заметно иные, более демократические формы приобретает живопись и в особенности архитектура. Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. вырабатывает новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, укороченного

Дмитрий Солунский.
Деталь мозаики Михайловского Златоверхого
монастыря в Киеве. 1111—1113 гг.

храма, более упрощенного и уменьшенного в размерах, чем обширные княжеские соборы предшествующей поры.

В отличие от новгородских церквей княжеской постройки XI — самого начала XIII в., с резким делением молящихся на привилегированных, избран-

¹ «Жития Бориса и Глеба». Подгот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, с. 128 и 131.

ных и остальную массу, новые церкви не разъединяют молящихся и в этом смысле становятся демократичнее, обыденнее. В предшествующую пору князья строили церкви с великолепными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали богослужение только княжеская семья и приближенные, тогда как внизу помещалась остальная масса молящихся (например, Георгиевский собор в Юрьеве монастыре 1119 г.). Новые, возводимые со второй половины XII в. церкви боярско-купеческой постройки имеют скромные деревянные хоры служебного значения, а все молящиеся вместе стоят внизу. Храмы эти не многокупольные, как раньше, а однокупольные. Композиция фасадов проще.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается большим числом церквей этого типа — небольших, скромных, но встречавшихся на каждом шагу среди домов жителей. Церкви эти возводят то уличане (жители улицы), то архиепископ, купцы, бояре. Церкви объединяют вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители свое имущество во время пожаров, в них собираются братчины¹, около них устраиваются совместные пиры и т. д.

Новый характер построек настолько прививается, что в этом типе строят и сами князья в своей загородной резиденции на Рюриковом Городище. К новому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спас Нередица, варварски разрушенная фашистскими захватчиками. Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора на Рюриковом Городище и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в нее был изображен отец Александра Нев-

ского, новгородский князь Ярослав Всеволодович в русских княжеских одеждах. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески, и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти отца в 1246 г.

По сохранности своих фресок Нередица занимала совершенно исключительное место в ряду других церквей средневековья. Замечательной особенностью Нередицы была исчерпывающая полнота всей системы росписи. Изображения покрывали ее стены сплошь — в том числе и те ее нижние части, которые обычно в византийских храмах облицовывали мрамором. Под мрамор расписан в Нередице лишь самый нижний пояс.

В традиционную схему росписей церквей новгородские мастера внесли много своего. Так, например, на западной стене среди изображений мучений грешников в аду представлен богач, сидящий в огне, а перед ним сатана с сосудом в руке. Богач, показывая себе на язык, взывает к Аврааму, который изображен напротив с душой бедного Лазаря на лоне. «Отче Аврааме, — говорит богач, — помилуй мя и посли (пошли) Лазаря, да омочить пьрст свой в воде и устудить (остудит) ми язык: изъмагаю бо (ибо изнемогаю) в пламени семь», на что сатана подносит ему сосуд с огнем и говорит: «Друже богатый, испей горящаго пламени». В Византии эта композиция не известна.

В средневековое идеалистическое искусство живописи мастера Нередицы сумели внести элемент реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. Особенно сильно изображение Лазаря, воскрешенного из мертвых Христом: его изборож-

¹ *Братчина* — пиршество, устраиваемое за общий счет; здесь: организация пирующих,

т. е. собиравшихся вместе для пира (*братчина* от слова *брашно* — еда, пища).

Серебряные подвески. XII в.

денное морщинами лицо с опущенными веками — лицо «выходца с того света». В композицию Крещения внесены натуралистические детали: среди группы ожидающих крещения один скидывает через голову рубашку и запутался в ней, другой плывет в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

Новые особенности живописи XII — начала XIII в. отразились и в новгородских иконах этой поры. В них проникают черты народного искусства. Прежние аристократически идеализированные образы святых приобретают более славянские черты и более бытовой облик. В них меньше прежней строгости трактовки лиц. Особенностью новгородской живописи этой поры является пристрастие к ярким и чистым краскам — к киновари, красно-коричневой, синей, зеленой и желтой.

Широкое развитие ремесла в Новгороде XII — XIII вв. ярко характеризует известный сион¹ или «иерусалим», хранящийся в ризнице новгородского Софийского собора. По замечанию Б. А. Рыбакова, «художественные достоинства чеканной работы ставят этот сион в ряд первоклассных произведений русского средневекового искусства»².

В той же ризнице хранятся не менее известные два схожих между собой серебряных кратира³. Один из них, как об этом свидетельствуют надписи, сделан Братилой, а другой — Костой. Первый из них изготовлен, как это установлено Б. А. Рыбаковым, в конце XI — начале XII в., а второй в конце XII — начале XIII в. Оба кратира выполнены тончайшей чеканкой, свидетельствующей о высоком развитии ювелирного ремесла в Новгороде.

¹ Сион — сосуд сложной формы (обычно в форме церкви, возвышающейся на столбиках, опирающихся на блюдо).

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 294.

³ Кратир — кубок для смешивания вина с водой.

Золотые подвески с эмалью. XII в.

Установление нового политического порядка в Новгороде сказалось не только на изменении общего характера новгородского искусства, но и в письменности. Резко меняется летописание, которое отныне приобретает черты простоты, лаконизма, интереса к быту и известного демократизма стиля и языка, ставших обычными в новгородском летописании вплоть до XV в.

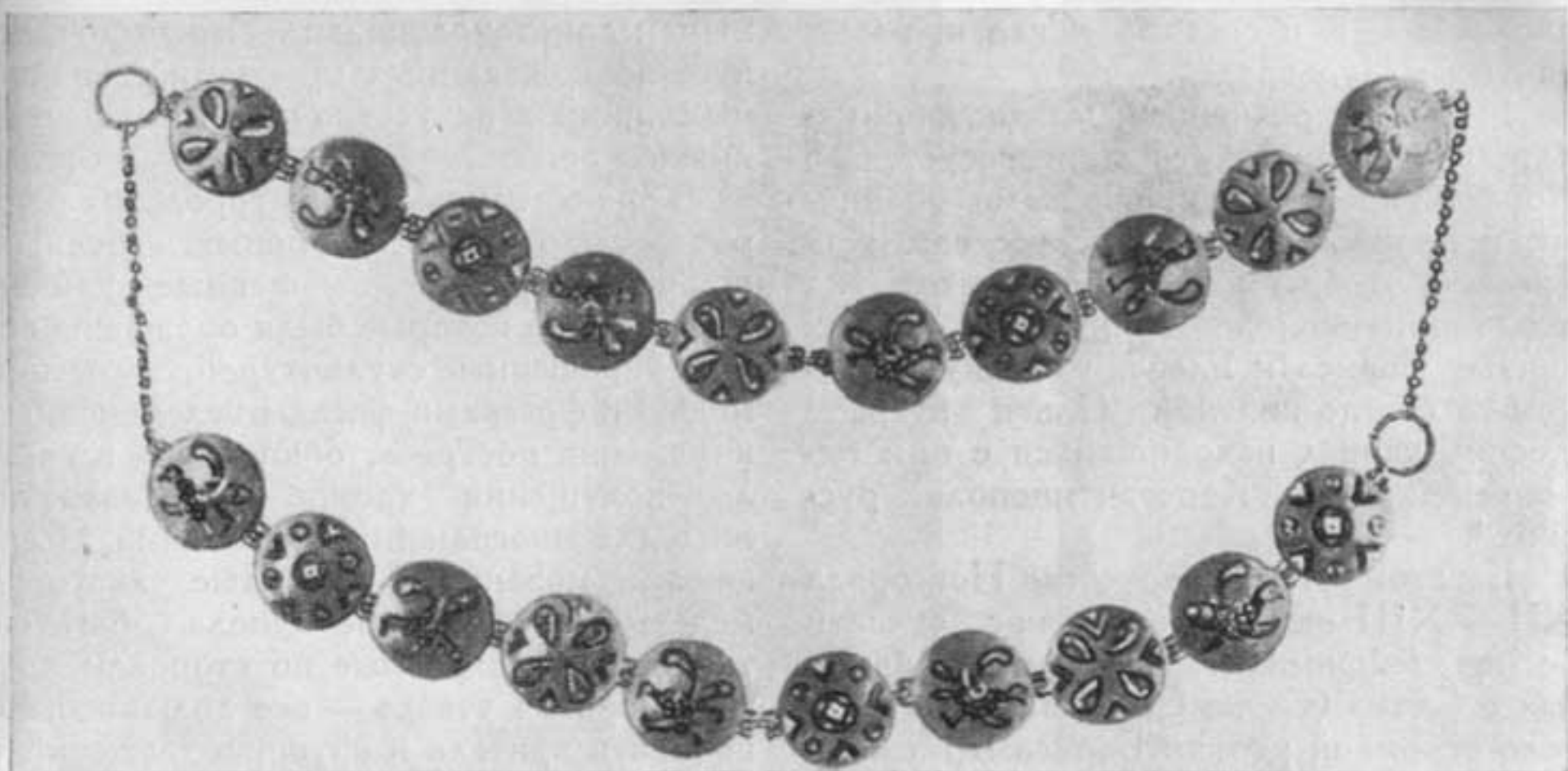
Новгородская летопись XII в. (она сохранилась в составе так называемого Синодального списка) уделяет все большее внимание местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям и т. д. Летописец интересуется прежде всего теми происшествиями, которые отражаются на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды. Он отмечает всякое повышение цен на хлеб, описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы, не забывая отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий, и сопровождает восклицаниями ужаса всякое об-

щественное несчастье: голод, пожары, наводнения.

Язык новгородских летописей сравнительно близок к разговорному, в нем редки церковнославянизмы и книжные обороты. Иногда в новгородской летописи сказываются обороты деловой речи, иногда пробивается местное произношение, иногда — народные, просторечные выражения.

Но новгородское летописание велось не только при дворе новгородского архиепископа. В позднейших летописях, путем их сопоставления и анализа, можно выделить летопись, которую в течение двухсот лет вели в уличанской церкви Якова в Неревском конце. Ее настоятель поп Герман Воята придал ей поразительно необычный для средневековой письменности характер домашности и простоты.

Круг интересов Германа Вояты не широк. Это внутренние события городской жизни — постройки церквей, великого моста через Волхов, уличные события не слишком большого значения:

Золотая цепь с эмалью. XII в.

«а в 23 того месяца (апреля) пополоши-
 шися людье: сългаша бо, яко Святополк
 у города с пльсковицы (т. е. с псковича-
 ми); и высушася весь город к Силь-
 нищю, и не бы ничтоже» (1136 г.). Гер-
 ман Воята отмечает в своих записях до-
 роговизну, состояние погоды: «Стояста
 2 недели полне, яко искря жгуце, тепле
 вельми, переже жатвы; потом найде
 дъжчь, яко не видехом ясна дни ни до
 зимы; и много бы уиме жит и сена не
 уделаша; а вода бы больше третьего лета
 на ту осень; а на зиму не бысть снега
 велика, ни ясна дни, и до марта» (под
 1145 г.). «На ту же осень зело страшно
 бысть: гром и мълния, град же яко
 яблъков боле, месяца ноябра в 7 день,
 в час 5 ноши» (1157 г.). Не мудрствуя
 лукаво, Воята записывает в свою лето-
 пись сообщение об утонувших в Волхове
 попах, рассказывает о состоянии хлебов,
 о покосах сена, об унесенных разливом
 Волхова дровах, о слышанном им зимой
 громе, очевидно во время занятий в ар-
 хиепископской канцелярии («в истьбе
 сидяще»), и, наконец, о собственном по-

ставлении в попы (под 1144 г.). Все это
 изложено Воятой довольно последова-
 тельным, крепким просторечием, часто от
 первого лица. Воята, как видно, огра-
 ничен в своих интересах, но по-своему
 талантлив, не боится отступать от
 средневековых трафаретов книжности,
 вкладывая в записи личные интересы
 и вкус к быту. Непосредственная заинте-
 ресованность в описываемых событи-
 ях, облик живого человека остро ощуща-
 ется в ненамеченной простоватости его
 записей.

В литературе Новгорода XII в. был
 широко представлен и жанр описания
 путешествий. Начиная с XI и кончая
 XV в., в Константинополь направлялись
 многочисленные паломнические группы.
 До нас дошло несколько описаний Царь-
 града и путеводителей, из которых пер-
 вое принадлежит знатному новгородцу
 Добрыне Ядрейковичу, бывшему в по-
 следствии новгородским епископом под
 именем Антония. Добрыня путешество-
 вал в Царьград, очевидно, для приглаше-
 ния в Новгород византийских мастеров

около 1200 г. и оставил «Сказание мест святых в Царьграде».

Наряду с религиозными достопримечательностями Добрыня интересуется в Константинополе живописными зданиями и произведениями искусства. Как русский, Добрыня с гордостью отметил в Константинополе почитание русских святых Бориса и Глеба, упомянул о каком-то блюде княгини Ольги в храме Софии, назвал находившихся с ним одновременно в Константинополе русских¹.

Богатое устное творчество Новгорода XII—XIII вв. дошло до нас отчасти (с позднейшими изменениями) в былинах о Садко (Сатко Сытинич как строитель огромной церкви Бориса и Глеба в новгородском Детинце упоминается в новгородской летописи под 1167 г.), о Василие Буслаевиче, об Иване Гостином сыне и о Хотене Блудовиче. В этих былинах отразился своеобразный быт торгового города, его классовые бои на Великом новгородском мосту, ушкуйничество², семейно-бытовые отношения богатого новгородского купечества и боярства. Образ Садко, поэта и музыканта, с помощью чудесных сил ставшего «богатым гостем» и вступившего в состязание с целым Новгородом, а также образ бесшабашного Васьки Буслаева, не верящего «ни в сон, ни в чох», принадлежат к числу самых ярких образов русского народного творчества³.

В отличие от суровой «демократической» архитектуры Новгорода с ее приземистыми пропорциями и простотой, зодчество Владимира носило парадный и торжественный характер, было утончен-

ным и аристократичным. Это было искусство изысканных пропорций, изящных линий — искусство по преимуществу княжеское.

Торжественные арки городских ворот — Золотых, Серебряных, Медных, широкие проезды, мощенные камнем площади, на которые были обращены богато украшенные скульптурой, золоченой медью и фресками фасады белокаменных княжеских построек, обширные и светлые помещения храмов — предназначались для многолюдных церемоний. Сверкающие мозаичные и крытые листовой медью полы, золотые купола, богатые ткани, развешиваемые по сторонам храмов, дорогая утварь — все должно было поразить зрителя и внушить уважение к власти князя.

Блестящее золото и сияющая белизна белокаменных стен составляли излюбленное сочетание красок владимирских зодчих. Золоченой медью были окованы полотнища массивных створ Золотых ворот — главных в городе. Золотом были покрыты главы уже первого владимирского Успенского собора, построенного Андреем Боголюбским. Колонки его архитектурного пояса были также вызолочены. Листьями позолоченной меди были окованы порталы и простенки окон главы. Вызолоченные флюгера возвышались над полуцилиндрическими посводными кровлями. Блеск золота в сочетании с белизною стен и цветными пятнами наружных фресок производил ошеломляющее впечатление.

Кропотливые разыскания советских археологов позволили восстановить об-

¹ «Книга паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиеп. Новгородского в 1200 г.». Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный палестинский сборник, вып. 51. СПб., 1899.

² Ушкуйниками назывались удалые молодцы, отправлявшиеся в дальние путешествия

на ушкуях (лодках) и часто грабившие проезжих купцов и местное население. Типичный ушкуйник — быллинный герой Васька Буслаев.

³ Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, с. 229—235.

Софийский собор в Новгороде. XI в.

Пятницкая церковь в Чернигове.
Конец XII — начало XIII в.
Реставрация П. Д. Барановского.

лик загородной княжеской цитадели Андрея Боголюбского — его замка в Боголюбове¹. Замок этот, недалеко от устья Нерли, был окружен высокой стеной с прекрасными белокаменными башнями.

В центре замка, на краю берегового обрыва, возвышался видный издали дворец Боголюбского. Восточный фасад дворца выходил к спуску на речную пристань. Западный был обращен на дворцовую площадь, вымощенную плитами белого камня и пересеченную тесанными из камня водосточными желобами. На дворцовую площадь выходил также окованный тонкими листами золоченой меди западный портал собора. Здесь же на трехступенном круглом пьедестале стояла большая белока-

менная чаша, из которой путники могли утолять жажду. Чашу окружало восемь изящных, легких, утончавшихся кверху колонн, несших восьмигранную, вероятно золоченую шатровую кровлю.

Палаты Андрея и собор соединялись белокаменными переходами. Галереи этих переходов имели цветные майоликовые поля и были расписаны фресками. Их фасады были украшены орнаментами, металлопластикой, резным камнем и, по-видимому, скульптурой: при раскопках северного перехода была найдена голова статуи зверя (собаки или дракона), помещавшейся, очевидно, в нише фасада.

Дворцовый собор Рождества Богородицы был центральным зданием ан-

¹ Ворони Н. Н. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XII вв. М.—Л., 1945.

Святая Елена.
Деталь фрески Софийского собора в Новгороде.
XIII в.

самбля. Это был небольшой храм с одной вызолоченной главой, с полуцилиндрическими покрытиями прямо по сводам. Его фасады членились на три доли сложными пилястрами и были опоясаны на середине высоты аркатурно-колончатым поясом. Стены были украшены резными камнями.

Внутри собор отличался исключительным своеобразием. Вместо обычных в русских храмах крестчатых столбов, поддерживающих купол, здесь высились расписанные под мрамор колонны с аттическими базами и огромными вызолоченными лиственными капителями. Строители вымостили цветными майоликовыми плитками хоры и высоко подняли их над головами молящихся. Искуснейшие художники расписали стены собора

яркими фресками. Пол был вымощен толстыми, запаянными оловом медными плитами, казавшимися современникам золотыми. За сквозной белокаменной алтарной преградой поднимала свой шатровый верх алтарная сень¹ с резными изображениями евангельских персонажей.

Еще большим великолепием отличался выстроенный тем же Андреем Боголюбским владимирский Успенский собор (1158—1161 гг.). Путем точного расчета пропорций владимирским зодчим удалось создать впечатление большой легкости сводов и высоты храма. Тонкие столбы легко вздымали своды собора. Через двенадцатиоконный купол обильно струился свет. Зодчие наполнили собор скульптурными деталями, подчеркнувшими ритмичность членения стен. Сами стены были покрыты фресками, искусно подчиненными архитектурным формам собора. Строители вымостили пол разноцветными майоликовыми плитами. Богослужебные сосуды и вся утварь храма были украшены драгоценными камнями и жемчугом. Наружные фасады Успенского собора разделялись сложными пилястрами с пышными капителями. Изящный фриз из стройных колонок тянулся вдоль стен, по-видимому украшенных резными камнями. Между позолоченными колонками этого фриза помещались фресковые изображения святых. Вызолоченные флюгера, вызолоченные птицы, вызолоченные кубки, украшения из золоченой прорезной меди завершали кровлю. Не случайно летописец не находил слов для описания сверкающего великолепия наружного «узорочья» собора, которое было «изумчано всею хитростью», доступной человеку.

Выстроенная тем же Андреем Боголюбским в 1165 г. церковь Покрова на реке Нерли принадлежит к одним из лучших произведений русской архитек-

¹ Алтарная сень — декоративный шатер на четырех столбиках над алтарным престолом.

Собор Георгия Юрьева монастыря в Новгороде.
Начало XII в.

Церковь Спаса на Нередице в Новгороде.
1198 г.

туры. Ее пропорции отличаются гармоничностью и стройностью. Внутри церковь была богато расписана фресками, а снаружи украшена каменной резьбой, декоративной скульптурой. На стенах церкви Покрова можно увидеть изображение библейского царя Давида, играющего на струнном инструменте — «псалтири», женские маски, львов, голубей, грифонов¹, терзающих ягненка, барсов.

После пожара 1185 г. Всеволод Большое Гнездо произвел в Успенском соборе во Владимире сложные технические работы, значительно расширившие храм.

Всеволод с трех сторон обстроил храм просторными галереями. Стены храма, окруженные этими обстройками, были прорезаны широкими арочными

пролетами и соединены арочными же перемычками с новыми наружными стенами галерей. Над галереями строители поставили четыре новые световые главы.

Собор из одноглавого стал пятиглавым. Полы из майоликовых плит были сменены на полы из фигурной майоликовой мозаики. Собор был заново расписан и заново украшен драгоценной утварью.

К 1193—1194 гг. относится построение во Владимире Дмитриевского собора. На стене Дмитриевского собора можно было увидеть псалмопевца царя Давида, Александра Македонского, летящего на грифонах, и др. На обращенном к городу северном фасаде собора скульптор изобразил самого строителя собора и одного из героев «Слова о полку Игоре-

¹ Грифон — фантастическое крылатое животное с туловищем льва и головой орла.

Ярослав Всеволодович — отец Александра Невского. Деталь фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде. XIII в.

Притча о богатом и бедном Лазаре. Деталь фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде. XII в.

ве» — Всеволода Большое Гнездо с наследником среди коленопреклоненных подданных¹.

Все великолепное наружное убранство владимирских храмов было выполнено по княжеской инициативе простыми владимирскими каменосечцами². Эти владимирские каменосечцы внесли в свои изделия широкую струю народного искусства.

Памятники владимирского зодчества хранят в себе драгоценные остатки и владимирской живописи XII в. Во владимирском Успенском соборе сохранились фрагменты росписей, сделанных при

Андрее Боголюбском и при Всеволоде Большое Гнездо.

По-видимому, к 1194—1197 гг. принадлежат росписи Дмитриевского собора во Владимире. Живопись Владимира сохраняет тот же княжеский характер, что и архитектура. В ней сильны связи с живописью Киева XII в., но вместе с тем сказывается стремление к пышности, парадности.

Исключительный интерес представляет икона, изображающая Дмитрия Солунского — святого князя Всеволода Большое Гнездо (теперь находится в Третьяковской галерее). Есть основание

¹ Воронин Н. Н. Скульптурный портрет Всеволода III. — «Кр. сообщ. и докл. ИИМК», XXIX, 1954, с. 137—139.

² Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польский. М.,

1964; Он же. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964; Он же. Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово (XII в.). М., 1969.

думать, что перед нами портретное изображение самого Всеволода¹. Дмитрий сидит на престоле и вынимает из ножен меч. На его голове — византийский кесарский венец. Его лицо властно и энергично.

Значительных успехов во Владимиро-Суздальской Руси в XII—XIII вв. достигло ремесло. Образцом кузнечного ремесла Владимиро-Суздальской Руси в сочетании с ювелирным может служить известный шлем Ярослава Всеволодовича, найденный в начале прошлого столетия на поле Липецкой битвы 1212 г., где Ярослав потерпел поражение. В отличие от шлемов предшествующей поры, он весь выкован из одного металлического куска, что делало его более легким и более прочным одновременно. Сверху шлем был набит серебром и выложен серебряными накладками исключительно изящной отделки, со сложным орнаментом и изображением архангела Михаила, с надписью вокруг этого изображения: «Въликъи архистратиже ги Михаиле помози рабу своему Феодору» (Федор — христианское имя Ярослава).

То же сочетание кузнечного дела с ювелирным представляют собой декоративные топоры. Один из них, с изображением буквы «А», возможно, принадлежал Андрею Боголюбскому или кому-нибудь из его дружины. Это легкий стальной топорик со звоном в обухе. Он покрыт листовым серебром с гравировкой, позолотой и чернью.

Широко известны и врата из суздальского Рождественского собора, созданные в особой сложной технике золотого письма по меди. Техникoй этой, изобретенной русскими мастерами, удавалось создать тонкий линейный рисунок золотом на фоне, покрытом черным лаком.

Владимирское летописание XII—XIII вв. сохранилось до нашего времени в составе Лаврентьевской летописи и, в пределах до 1206 г., в составе Радзивилловской летописи.

В 1175 г. по воле Андрея Боголюбского начал составляться первый владимирский летописный свод, положивший в свое основание Владимирские летописные записи XII в. и летопись Переяславля Русского (Южного), во главе которой находилась «Повесть временных лет». Этот летописный свод составлялся в главной святыне Владимирского княжества — владимирском Успенском соборе. Смерть Андрея Боголюбского прервала выполнение этого свода. Он был закончен в 1177 г. при Всеволоде Большое Гнездо. При Всеволоде же составляется новый свод в 1193 г. После смерти Всеволода своды владимирского летописания составляются в течение всего XIII в. Они отличаются строго проводимой идеей главенства Владимира в Русской земле. Летописец часто пользуется цитатами из священного писания, прибегает к нравоучениям, дидактике, моральным сентенциям, иногда не в меру многоречив и риторичен. Свою книжную начитанность летописец постоянно использует для прославления, пропаганды и освящения церковным авторитетом власти князя: «князь бо не туне (не зря) мечь носить — в мечь злодеем, а в похвалу добро творящим»; «судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лице сильных своих бояр, обидящих меньших и работающих сироты и насилье творящим» и т. д. Он деятельный сторонник княжеской власти.

Суровое морализирование, восхваление твердой, а главное, «правый суд судящей» власти, способной подавить бояр, «обидящих меньших», — это не случайные особенности Владимиро-Суздаль-

¹ Антонова В. И. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII ве-

ка из г. Дмитрова. — «Кр. сообщ. и докл. ИИМК», XII, 1951.

Георгий Победоносец. Икона из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде. XII в.

ской княжбѣ летописи, идеологически обосновывавшей реальные притязания владимирских князей.

Под 1206 г. — временем отъезда сына владимирского князя Всеволода, Константина, в Великий Новгород — летописец обильно приводит выдержки из священного писания, чтобы подкрепить ими авторитет княжеской власти. Летописец

как бы напутствует Константина перед отъездом его в город, издавна стремившийся освободиться от власти князя: «Власти мирьские от бога вчинены суть», «богу слуга есть, мьстя злодеем» и т. д. Вручая Константину крест и меч, Всеволод говорит ему: «се (крест) ти буди охраньник и помощник, а мечь прещение и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных».

Официальный, торжественный характер Владимирского летописания сказался и в том, что Владимирская летопись впервые в истории русского летописания была богато иллюстрирована многочисленными миниатюрами. Копии этих миниатюр дошли до нас в рукописи так называемой Радзивилловской летописи.

Едва ли не самым характерным явлением владимирской литературы служит известное «Моление» Даниила Заточника. «Моление» представляет собой обращение, мольбу некоего Даниила к князю с просьбой взять его к себе на службу. Даниил восхваляет книжное образование, различными историческими и бытовыми примерами доказывает необходимость для князей мудрых советников, а затем всячески стремится показать свою начитанность и хитроумие.

Основная часть «Моления» состоит из ряда своеобразных, ритмично организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением вначале: «княже мой, господине». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе (западной и русской) афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе этого книжного материала Даниил выказывает себя широкообразованным писателем, живущим в утонченной литературной среде и не боящимся остаться непонятым.

Если иногда и трудно угадать в упоминаемых в «Молении» реалиях конкретные явления русской жизни, то общая

тенденция и идеологическая направленность этого произведения вполне конкретны: они типично владимирские. Восхваляя Ярослава Всеволодовича (сына Всеволода Большое Гнездо — отца Александра Невского), Даниил ясно заявляет себя сторонником сильной княжеской власти, противником бояр. Многочисленными афоризмами Даниил стремится обосновать неограниченность власти князя, подчеркнуть ее значение и вечный характер: «женам глава муж, а мужам князь, а князем бог», «гусли строятся персты, а град наш твоею (князя) державою». «Лучше бы ми вода пити в дому твоем, — обращается Даниил к Ярославу, — нежели мед пити в боярstem дворе»; «конь тучен, яко враг сапает на господина своего, тако боярин богат и силен смыслит на князя зло» и т. д.¹

Памятники материальной культуры богатой Галицко-Волынской земли дошли до нас очень скупо. Однако и то, что сохранилось, свидетельствует о пышном расцвете галицко-волынской архитектуры, живописи, прикладного искусства, о связях галицко-волынской культуры с культурой других областей Руси и о ее народных корнях. Остатки почти 30 каменных построек конца XII—XIII в. вскрыты археологами в Галиче. Во Владимире Волынском сохранился Успенский собор, выстроенный в 1160 г. князем Мстиславом Изяславичем.

Летопись дает нам представление о существовании в Галиче в середине XII в. целой группы дворцовых построек, близких по типу к замку Андрея Боголюбского: здесь были дворец, лестница с сенями, дворцовый храм и переходы к нему из дворца. Галицкие

Дмитрий Солунский. Икона из Дмитриевского собора во Владимире. Вторая половина XII — начало XIII в.

церкви были украшены белокаменной резьбой, сходной с народным искусством белокаменной резьбы Владимира Залесского.

¹ Издание «Моления» см.: Зарубин Н. Н. «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. Популярное издание в кн.: Изборник

(сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. (Библиотека Всемирной литературы).

Георгий. Икона Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XIII в.

О богатстве внешнего убранства галицко-волынских храмов дает представление описание церкви Ивана в Холме, помещенное в Ипатьевской летописи под 1259 г. В этой церкви, «красной и лепой», своды опирались на капители в виде человеческих голов, изваянных «от некоего хитреца», в окна были вставлены витражи, верх церкви был украшен «звездами златыми на лазуре». Пол церкви был «слит от меди и от олова чиста, ярко блестяся яко зеркалу». Две двери были «украшены камением галичным белым и зеленым холмьским, тесаным, изрытым некимь хытрецемь Авдьемь».

Скульптурные украшения снаружи церкви были выкрашены всеми цветами и золотом. Наружные фрески были так хороши, «якоже всим зрящим дивитися

бе». Иконы в этой церкви были «диву подобны». Посредине города Холма стояла высокая «вежа» (башня) — снизу на высоту 15 сажень каменная, вверху же деревянная и убеленная «яко сыр» (творог), так что светилась она «на все стороны». Описывает летописец и другие церкви в Холме, а также каменный столп вблизи города: «...а на немь орел камен изваян, высота же камени (каменной части столпа) десяти локот, с головами же (орел, очевидно, был двуглавый) и с подножьями 12 локот»¹.

О развитии книжного дела свидетельствуют роскошные рукописи, написанные в Галицко-Волынкой земле в XII—XIII вв. и сохранившиеся до наших дней в составе рукописных собраний. Ипатьевская летопись под 1288 г. пишет, что волынский князь Владимир Василькович рбздал по завещанию многочисленные книги. Среди них были книги, списанные им собственноручно, было евангелие, писанное золотом, с переплетом, окованным серебром с жемчугом, и украшенное иконой с финифтью; другое евангелие было «чудно видением» — оковано золотом, украшено драгоценными камнями, жемчугом, финифтью и т. д.

Богатая когда-то литература Галицко-Волынкой земли представлена только летописанием, сохранившимся в составе Ипатьевской летописи начиная с 1200 г. Галицко-волынское летописание складывалось по преимуществу из отдельных княжеских биографий и не имело первоначально хронологической канвы. Это было цельное повествование. Оно имело ярко выраженную княжескую идеологию, было полно восхвалений князей и ненависти к боярству.

Особенно характерна в этом отношении центральная часть Галицкой летописи — жизнеописание Даниила Романовича Галицкого. Подробно приводит автор воинские речи Даниила, полные высокого

¹ Локоть — мера длины от локтя до конца среднего пальца.

представления о чести война и чести родины, многие из которых представляют собой прекрасные образцы ораторского искусства. Автор следит за ратными подвигами Даниила, описывает его личное участие в боевых схватках. Не раз обнажает меч Даниил, не раз ломает свое копье, не раз оказывается на волосок от смерти.

В тоне резкого раздражения говорит автор о врагах Даниила — боярах. Одного из них, Жирослава, он называет «льстивым», он «лукавый льстец», его язык «лжею питаешься». У льстивого боярина Семьюнка лицо было красное, как у лисицы. Боярин Доброслав, когда ехал на коне, то в гордости не смотрел на землю. Малодушные изменники бояре, которые вынуждены были в конце концов сдать Даниилу, выходят к нему со слезами на глазах, с ослабленными лицами. Желчи, гнева, сатирических красок хватило бы у автора на изображение боярских крамол эпохи Грозного.

Автор жизнеописания Даниила ставил себе задачи прославления Даниила, пропаганды его власти и необходимости борьбы с боярством.

В отличие от Владимиро-Суздальского летописания, стиль летописания Галицко-волынского целиком светский, дружинный. В нем явственно слышны отзвуки дружинной поэзии, не раз заставлявшие исследователей сближать отдельные места Галицко-волынского летописания со «Словом о полку Игореве»¹.

Культуру многих феодальных полугосударств Руси XII—XIII вв. мы знаем очень слабо. Так, например, мы никак не представляли бы себе культурную жизнь Турово-Пинского княжества, если бы не было известно по одному древнему сказанию, что там родился и провел жизнь один из лучших ораторов Древней Руси — знаменитый Кирилл Туровский. Кириллу, которого впоследствии называли «русским Златоустом», с течением времени было приписано чрезвычайно много произведений, что значительно затрудняет определение его литературного наследия. Однако и то, что несомненно может быть присвоено Кириллу, рисует его плодовитым и деятельным писателем.

Блестящая форма составляет отличительную черту произведений Кирилла Туровского. Кирилл в широкой степени прибегает к утонченным ораторским приемам: к аллегориям, противопоставлениям, сравнениям, уподоблениям, вопросоответной форме изложения, оживляет проповедь введением пространных диалогов и монологов, стремится к ритмичности и плавности речи. Благодаря своим исключительным внешним достоинствам произведения Кирилла переписывались древнерусскими книжниками рядом с сочинениями знаменитых византийских ораторов и богословов — «отцов церкви». Кирилл — образованный проповедник. Проповеди показывают глубокое знакомство его с византийской литературой и греческим языком. Своим образованием Кирилл пользуется очень широко, иногда даже до излишества².

¹ О Галицко-волынском летописании см.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — «Истор. зап.», № 12. М.—Л., 1941; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

² О Кирилле Туровском см.: Сухомлинов М. И. О сочинениях Кирилла Туровского. — «Исслед. по древнерус. лит-ре». СПб.,

1908; Памятники древнерусской церковноучительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, т. I. СПб., 1894, с. 87—198; Еремин И. П. Литература Древней Руси. Л., 1966; Он же. Литературное наследие Кирилла Туровского. — «ТОДРЛ», XII (1956), XV (1958), XVIII (1962).

Итак, «Слово о полку Игореве» возникло в сложной культурной обстановке. Оно не было одиноким памятником, при всей его исключительности.

Русская культура накануне монголо-татарского нашествия отмечена энергичным поступательным движением. Культурные центры становились более многочисленными. Культура Руси развивалась и крепла, проникалась народными началами и углубляла свою самобытность.

Одновременно росла социальная дифференциация внутри культуры. Рез-

ко выделялась прогрессивная часть культуры Руси, отмеченная идейной борьбой за единство Руси и связью с творчеством трудового народа. Размежеванию единой русской культуры границами феодальных полугосударств противостоит рост тех ее объединяющих основ, которые впоследствии составили фундамент национальных культур трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Эти объединительные тенденции исходили прежде всего от самого трудового народа — подлинного создателя материальных и духовных ценностей¹.

¹ О культуре домонгольской Руси см.: История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1948; т. II, М.—Л., 1951.

«Слово о полку Игореве» в основном посвящено походу князя Игоря Святославича Новгород-Северского, предпринятому им в 1185 г. против половцев.

Игорь Святославич родился в 1151 г., он был вторым сыном Святослава Ольговича Черниговского и внуком знаменитого своими усобицами с Владимиром Мономахом Олега Святославича, иронически прозванного автором «Слова о полку Игореве» «Гориславичем». Отец Игоря Святослав Ольгович был одно время (с 1136 по 1138 г.) князем Новгорода Великого и здесь женился на новгородке — будущей матери Игоря Святославича.

Ко времени похода Игоря Святославича 1185 г. у него было уже трое сыновей: Владимир, Олег и Святослав. Летопись отмечает, что старший сын Владимир родился в 1172 г. Однако дата эта вызывает сомнение: в 1185 г., когда Владимир принимал деятельное участие в походе Игоря, ему вряд ли было только 13 лет. В 1187 г. он вернулся из плена с женой — дочерью хана Кончака «и с дитятем».

Все эти три сына были у Игоря от его первой жены.

Ярославна — дочь могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла — была второй женой Игоря. Он женился на ней за год до похода — в 1184 г.

Святослав Всеволодович Киевский приходился Игорю двоюродным братом. Игоря Святослав называл «сыном» — как старший на лестнице феодального подчинения.

Ко времени похода 1185 г. у Игоря был только один брат — Всеволод Святославич «Буй Тур», князь курский и трубчевский. Он был моложе Игоря девятью годами (родился в 1160 г.); во время похода на половцев ему было 25 лет.

Обстоятельства похода сложились следующим образом. С 70-х годов XII в. половцы усиливают свой нажим на южные и юго-восточные окраины Русской земли. Страх, нагнанный на половцев глубокими степными походами Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого, прошел. Половцы тревожат Русь непрерывными набегами; начинается, по выражению летописца, «рать без перерыва».

Натиск половцев разбивается об ответные походы русских, однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Этот хан Кончак пытается отомстить киевским князьям за поражение своего деда Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г., и своего отца хана Отрока, изгнанного Мономахом из Половецкой земли в «Обезы» (в Абхазию). Половецкие войска объединяются и получают оружие для осады городов. В их армии появляется и «греческий огонь», которым стрелял какой-то «басурманин», и огромные, передвигающиеся «на возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых едва натягивало более 50 человек.

Разрозненные русские княжества лицом к лицу столкнулись с сильным и, главное, единым войском кочевников.

Архангел Гавриил. Деталь иконы «Благовещение Устюжское» из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде. 1119 — начало XIII в.

Под влиянием половецкой опасности (как впоследствии под влиянием опасности монголо-татарской) зреют идеи необходимости единения, находящие отчасти выражение и в реальной политической жизни, несмотря на почти полную утрату единства экономических интересов, поддерживавших когда-то — в XI в. — объединительную политику Киева. Носителями идеи объединения были прежде всего демократические слои русского населения. Однако идеи эти находят теперь деятельную поддержку и в среде князей.

Действительно, в 80-х годах XII в. делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей.

Сами ольговичи на время рвут со своей традиционной политикой союза со степью; порывает с ней и герой «Слова о полку Игореве» — ольгович Игорь Святославич Новгород-Северский,

Вначале Игорь — типичный ольгович в своей политической деятельности. Он выступает и против половцев (как в 1174 г.), и в союзе с половцами. Он принимает деятельное участие в феодальных усобицах и, казалось, мало заботится о защите Русской земли от ее исконных врагов. Еще в 1180 г. половцы энергично помогают Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе со своими союзниками-половцами, Игорь Святославич едва спасся в лодке вместе со своим будущим злейшим врагом, а пока что союзником, ханом Кончаком, успев уплыть от преследования киевского князя на Городец к Чернигову. Любопытно, что поражение Игоря Святославича и всех ольговичей киевский летописец рассматривает как поражение половцев: «И тако поможеть бог Руси и возвратишася во свояси, и приемше от бога на поганья победу» (Ипатьевская летопись под 1180 г.)

Рюрик Ростиславич был незаурядный политик; это деятельный и умный князь, оказывавший покровительство летописанию и искусствам. Одержав победу над ольговичами, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. По-видимому, он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великом княжении киевском главу ольговичей — Святослава Всеволодовича, а себе взял остальные города Киевской области. Благодаря этому он держал Святослава в подчинении, а через Святослава мог оказывать влияние и на всех остальных ольговичей, находившихся в вассальной зависимости от Святослава. Вместе с тем Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем догадываться: по-видимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. Во всяком случае, в ближайшие годы Рюрику и

Святославу удается широко организовать союзные отношения русских князей в отпор усилившемуся нажиму степи.

Политика главы ольговичей Святослава сказалась и на политике Игоря Святославича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своими прежними союзниками. Он становится их яростным противником. Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений. Перед нами политические декларации, облеченные в свойственные тому времени религиозные формы. На поле битвы, когда его уже пленили и связали половцы, Игорь вспоминает всю свою прежнюю деятельность. «Помянух аз грехы своя перед господем богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадох крестьян, но взях на щит (т. е. приступом) город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подьяша безвиннии крестьяни, отлучаеми отец от рожений (т. е. детей) своих, и дщери от матерей своих, и подруга от подруги своя, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшею, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святей огнем от жизни сея искушение приемши... и та вся сотворив аз, рече Игорь» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Вторично кается Игорь, находясь в плену у своего бывшего союзника — хана Кончака.

Несмотря на то что политика ольговичей претерпела резкие изменения еще с самого начала 80-х годов, Игорю Святославичу не сразу пришлось участвовать в походе против своего бывшего союзника Кончака. В 1183 г. объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Было взято 700 пленников, захвачены военные машины, отбиты русские пленники, попал в плен хан Кобяк Карлыевич. В этом походе Игорь не участвовал. Он ходил са-

Архангел Гавриил. «Ангел Златые власы». Начало XII — начало XIII в.

мостоятельно и разбил половецкого хана Обовла Костуковича. В 1184 г. Святослав с русскими князьями вновь разбивает половцев. Захвачен был в плен «басурманин», стрелявший «живым огнем». Половцы были устрешены, и опасность, казалось бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич не мог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подоспеть вовремя. Когда Игорь, несмотря ни на что, хотел все же идти на соединение со Святославом Всеволодовичем, дружина сказала ему: «Княже! потьскы (по-птичьи) не можем перелетети; се приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам идет в неделю (в воскресенье) ис Кыева, то како можеши, постигнути?»

По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу; ему не уда-

лось участвовать в победе, ему не удалось доказать своей преданности союзу русских князей против половцев. Вот почему в следующем, 1185 г., очертя голову, «не сдержав юности», бросается он в поход против половцев.

Окрыленный предшествующими победами Святослава, Игорь ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу («Гориславичу»); он решается дойти до берегов Черного моря, уже почти сто лет закрытого для Руси половцами. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. В этой сложной подоплеке — черты особого трагизма несчастного похода Игоря Святославича, трагизма, приковавшего к нему внимание и автора «Слова», и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести — самые обширные и, может быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

И вместе с тем поход Игоря Святославича ярко показал невозможность действовать против половцев в одиночку. Только объединенные походы русских князей могли иметь успех. Поход Игоря Святославича именно поэтому встретил осуждение и у Святослава Всеволодовича Киевского, и у летописцев. В Киевской летописи это осуждение выражено более мягко, во Владимиро-Суздальской — более резко. Поход Игоря свел на нет результаты предшествующего победоносного похода объединенных русских сил под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского.

На примере несчастного похода Игоря Святославича автору «Слова» было очень удобно показать последствия от-

сутствия единения между русскими князьями, призвать их к согласованному отпору врагам Руси.

●
Поход Игоря Святославича 1185 г. рассказан в двух летописях. Более обширный рассказ сохранился в Ипатьевской летописи (он составлен южным летописцем), другой — более сжатый — в Лаврентьевской (он составлен во Владимире Суздальском). Но и тот и другой не изначальны: в обоих есть некоторые небольшие общие части, восходящие к не дошедшему до нас летописанию пограничного со степью Переяславля Русского. Поход Игоря Святославича из-за своих несчастных последствий привлек к себе всеобщее внимание. Вот как на основании рассказов летописей можно себе представить поход Игоря.

Не уведомив своего феодального главу Святослава Всеволодовича, 23 апреля 1185 г., во вторник, Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его Владимир Путивльский, племянник — князь Святослав Ольгович Рыльский, вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев (осевших в пределах русских княжеств кочевников), выступили в далекий степной поход на половцев без участия и согласия киевского князя Святослава. Откормленные за зиму тучные кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Дона 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. Он сказал боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Они все посмотрели, опустили головы и сказали: «Княже! се есть не на добро знамение се». Игорь сказал на это: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не вест, а знамению творец бог и,

всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видити». Сказав так, Игорь переправился через Донец. У Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше к реке Сальнице.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа, которых послали вперед ловить «языка», донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали либо идти быстрее, либо возвратиться, «яко не наше есть веремья», т. е. не время для похода. Но Игорь сказал: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пущен смерти, но како ны бог дасть». Согласившись на этом, русские не стали на ночлег, а ехали всю ночь. На следующий день в обеденное время (в Древней Руси оно было ранним) русские встретили половецкие полки. Половцы отправили назад свои вежи (кочевые жилища на телегах), а сами, собравшись «от мала и до велика», выстроились на той же стороне реки Сюурлия.

Войска Игоря построились в шесть полков. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое ободряющее слово: «Братья, сего мы искали, а потягнемь». Посредине стал полк Игоря, по правую руку от него — Буй Тура Всеволода, по левую — полк игорева племянника Святослава Рыльского. Впереди стал полк сына Игоря — Владимира и полк черниговских ковуев под предводительством Ольстина Олексича. Отборные стрелки, выведенные из всех полков, вышли на самый перед. Половцы выстроили своих стрельцов. Дав залп из луков («пустивше по стреле»), половцы бежали. Бежали и те половецкие полки, которые стояли вдалеке от реки. Передовые полки черниговских ковуев и Владимира Игоревича погнались за половцами. Игорь же и Всеволод шли медленно, сохраняя боевой порядок сво-

их полков. Половцы пробежали через свои вежи. Русские овладели их вежами и захватили большой полон (пленных). Часть войска гналась за половцами дальше и ночью вернулась с полонем.

Когда все собрались, Игорь стал говорить, чтобы поехать в ночь, но Святослав Рыльский сказал дядьям своим: «Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут. Аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати». Решили ночевать на месте.

Не сочувствующая ольговичам Лаврентьевская летопись говорит, что войска ольговичей стояли на половецких вежах три дня, «веселясь», и передает похвальбу, якобы ими произнесенную: «Братья наша ходили с Святославом великим князем, и билися с ними, зря на Переяславль (т. е. недалеко от Переяславля), а они (половцы) сами к ним пришли, а в землю их (половецкую) не смели на них ити. А мы в земле их есмы, и самех избили, а жены их полонены, и дети у нас, а ноне поидем по них за Дон и до конца избьем их. Оже ны будеть ту победа, идем по них к луку моря (до Азовского лукоморья), где же не ходили ни деди наши. А возьмем до конца свою славу и честь». Ипатьевская летопись рассказывает события, случившиеся после первой победы, иначе. Не через три дня, а на следующий же день после первой победы над половцами, с рассветом, неожиданно половецкие полки «ак борова» (подобно лесу) стали наступать на русских.

«Слово о полку Игореве» дважды упоминает, что в этой битве на русских дул противный южный ветер, создававший преимущество для половецких лучников. По наблюдениям метеорологов, эти южные ветры типичны для этой части степи весной и летом.

Вскоре небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю». Русские князья не знали, кому куда выезжать: так много

было врагов. Игорь ободрил всех, сказав: «Се ведающе собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Етебича, и Терьтробича». Князья решили драться до последнего. Речь Игоря перед битвой напоминает речи Мономаха своею заботой о «черных людях»: «оже погибнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на едином месте». Чтобы пробиваться к Донцу, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе.

Трое суток день и ночь медленно пробивалось небольшое русское войско к Донцу. В бою Игорь был ранен в правую руку, и была большая печаль в полку его. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою. Первыми изнемогли от жажды кони. Много было раненых и мертвых в русских полках. Бились крепко до самого вечера, бились вторую ночь; на рассвете утром в воскресенье черниговские ковуи дрогнули. Игорь поскакал к ковуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими признанным, но не мог их задержать. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами.

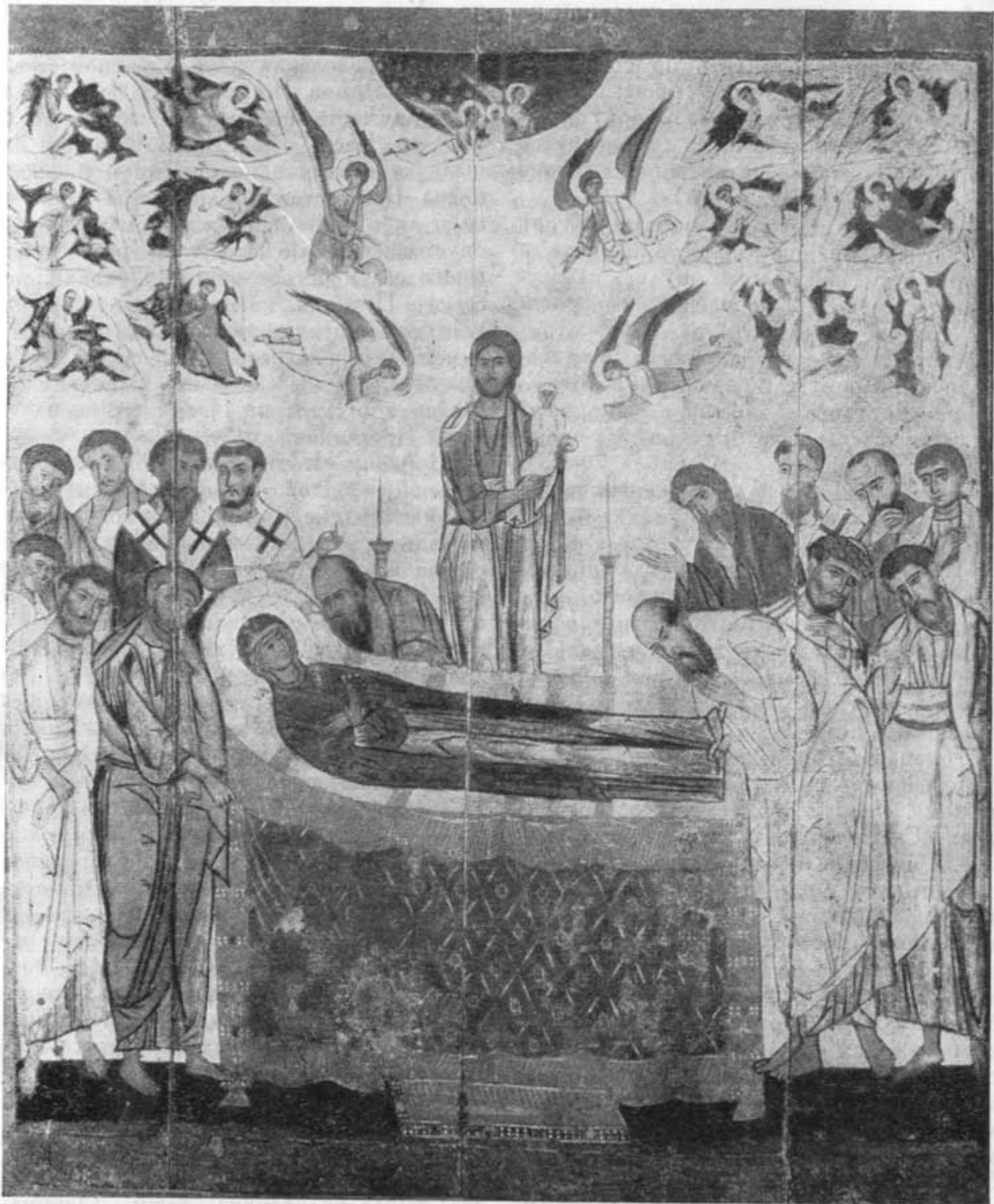
Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод во главе своего войска, и просил смерти у бога, чтобы не видеть его гибели. Как говорит летописец, Игорь после рассказывал, что вспомнил он тогда грехи свои перед богом, кровопролития, сделанные им в Русской земле, когда взял приступом город Глебов, отцов, разлучаемых с детьми, братьев, дочерей, оторванных от матерей, подруг, раненых мужчин и оскверняемых женщин. «Где ныне возлюбленный мой брат (Всеволод)? — говорил Игорь. — Где ныне брата моего сын? Где

чадо рожения моего? Где бояре думающие, где мужи храборьствующие, где ряд польчный? Где кони и оружья многоценная? Не отъто всего ли того обнажихся, и связня преда мя господь в руки безаконным темь? (т. е. половцам)». Всеволод, несмотря на мужественное сопротивление, также был взят в плен. Пленных князей разобрали по рукам половецкие ханы. За Игоря поручился сват его Кончак. Из всего русского войска спаслось только 15 человек, а ковуев и того меньше. Прочие же потонули в море¹.

В то время Святослав Всеволодович Киевский шел в Корачев и собирал воинов в верхних землях, намереваясь вместе с ростиславичами идти на половцев к Дону на все лето. На обратном пути у Новгорода Северского Святослав услышал, что двоюродные братья его пошли, утаясь от него, на половцев — и не любо ему стало это. Когда Святослав подходил уже в ладьях к Чернигову, прибежал Беловолод Просович и поведал ему о поражении Игоря. Святослав, услышав это, глубоко вздохнув, утер слезы и сказал: «О любя моя братья и сынове и мужи земле Руское! Дал ми бог притомити поганья, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будеть о всем. Да како жаль ми бяшеть на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую больше (так теперь еще больше жалею) по Игоре брате моемь». Это и есть «злато слово со слезами смъшено» князя Святослава. «Слово о полку Игореве» передает его несколько иначе, но самый смысл его и тон скорбного упрека в летописи и в «Слове» одинаковы.

В этом «злате слове» Святослава точно определены последствия поражения Игоря. Святослав «притомил поганых» в своем походе 1184 г., но Игорь, «не сдержав юности», свел на нет результаты

¹ «Морем» в летописи могло быть названо и озеро, большое пространство воды.

Успение. Икона из церкви Рождества Богородицы Десятинного монастыря в Новгороде.
Конец XII — начало XIII в.

победы — «отворил ворота» половцам на Русскую землю. Скорбь и лютая туга (беда) распространились по всей Русской земле. «И не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, — говорит летописец, — но мнозе тогда отрекахутся душъ своих жалующе по князих своих (досадуя на своих князей)».

«Поганые» половцы, победив Игоря с братнею, «взяша гордость велику» и собрав весь свой народ, ринулись на Русскую землю. И была между ними распря: Кончак хотел идти на Киев отомстить за Боняка и деда своего Шарукана, потерпевших там поражение в 1106 г., а Гзак предлагал пойти на Семь, «где ся остале жены и дети: готов нам полон собран; емлем же города без опасы». И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю Южному, осадил город и бился здесь весь день.

В Переяславле был тогда князем Владимир Глебович. Был он «дерз и крепок к рати», выехал из города и бросился на половцев, но дружины выехать за ним дерзнуло немного. Князь крепко бился с врагами, был окружен и ранен тремя копьями. Тогда прочие подоспели из города и отбили князя. Владимир из города послал сказать к Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду Ростиславичам: «Се половьци у мене, а помозите ми». Святослав послал к Давыду, который стоял у Треполя со своими смольнянами. Смольняне стали вечем и сказали: «Мы пошли до Киева; да же бы была рать, бились быхом (мы пошли к Киеву; если бы встретили врага, то и бились бы); нам ли иное рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемогли». На эту распрю намекает «Слово о полку Игореве»: «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, но розно ся имъ хоботы (полотнища стягов) пашуть (развеваются)».

Святослав с Рюриком отправились по Днепру против половцев, а Давыд со своими смольнянами возвратился обрат-

но. Услышав о приближении войска Святослава и Рюрика, половцы отступили от Переяславля и на обратном пути осадили Римов. Во время осады Римова рухнула часть стены (две городнѣ) с людьми. Часть осажденных вышла на вылазку биться с половцами и избежала плена. Всех остальных половцы взяли в плен либо избили. Между тем хан Гзак опустошил землю вокруг Путивля, сжег много сел и острог вокруг Путивля, но самого Путивля, который был хорошо укреплен деревянными стенами на высоких земляных валах, взять не смог. В этом Путивле, как мы знаем из «Слова», спасалась в отсутствие Игоря его жена — юная Ярославна.

В плену Игорь пользовался относительной свободой и почетом. К нему приставили двадцать сторожей, которые не мешали ему ездить, куда он захочет, и слушались его, когда он куда-либо их посылал. Игорь ездил на ястребиную охоту со своими слугами и даже вызвал к себе из Руси священника для отправления церковной службы.

Половец Лавр, судя по имени крещеный, предложил Игорю бежать. Игорь отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плену, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяславля половцы намерены перебить всех русских пленных.

Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебираться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Помолясь и взяв с собой крест и икону, Игорь поднял полу половецкой вежи и вышел. Он перебрался через реку, сел там на коня и тайно проехал через половецкие вежи. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони.

Приехав в Новгород Северский, Игорь вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

В 1187 г. вернулся из плена сын Игоря — Владимир. Он вернулся с женой — дочерью хана Кончака и «с дитятем» и здесь, на Руси, был венчан по церковному обряду. Когда вернулись из плена остальные русские князья — не ясно.

Последствия поражения Игоря еще долго давали себя чувствовать в Русской земле. Половцы непрерывно тревожили Русь своими набегами. В 1187 г. Святослав Всеволодович Киевский и Рюрик Ростиславич вновь организуют поход против половцев, но отказ Ярослава Черниговского углубиться в степь вынудил русских князей вернуться. В 1191 г. чернигово-северские князья дважды ходили на половцев под предводительством Игоря Святославича.

В 1196 г. умер брат Игоря — Всеволод Буй Тур. Летописец отметил его смерть некрологической характеристикой, в которой восхвалял его удасть, доброту и «мужественную доблесть».

Вскоре, в 1198 г., умер и Ярослав Всеволодович Черниговский — брат Святослава Киевского, скончавшегося за четыре года перед тем (в 1194 г.). На мес-

то Ярослава в Чернигове стал князем Игорь Святославич. Он княжил недолго: через 4 года (в 1202 г.) он умер, и о его княжении мы ничего не знаем.

От Игоря осталось шесть сыновей. Со смертью Романа Мстиславича старшему сыну Игоря Владимиру удается сесть с помощью местного боярства в Галиче. Своему брату Святославу он добывает Владимир Волынский, а другому брату — Роману дает Звенигород.

Игоревичам не пришлось удержать за собой Владимир Волынский — они были изгнаны оттуда Лешко польским¹. В Галиче Игоревичи вступают в борьбу с боярством. Боярству удалось в 1211 г. одержать верх, и трое игоревичей были повешены, в том числе один из участников похода 1185 г. — Святослав Игоревич. Вскоре умер и старший сын Игоря — Владимир (в 1212 г.). Когда умер третий из сыновей Игоря, ходивший в поход 1185 г., — Олег, — не известно.

Такова была судьба участников похода Игоря Святославича.

Из всех событий жизни Игоря и его сыновей подробнее всего мы знаем события похода Игоря 1185 г. Они и в самом деле были характерны для своего времени.

¹ Имеется в виду Лешко Белый — сын Казимира Справедливого, князя краковского и сандомирского и русской княжны Елены. Леш-

ко неоднократно вмешивался в дела русских княжеств, пытаясь завладеть Волынским и Галицким княжествами.

Композиция «Слова о полку Игореве» при первом взгляде кажется очень сложной, а иногда и непоследовательной. Автор переходит от темы к теме, от одних действующих лиц своего повествования к другим, постоянно меняет место действия, перенося его от Игорева войска в Половецкой степи в Киев, а из Киева в различные русские земли, на некоторое время в Путивль, затем в Половецкую землю, оттуда вновь на Русь — в Киев. Так же быстро меняется и время действия — автор обращается от настоящего к прошлому и от прошлого к настоящему и к предчувствиям грозного будущего. Перед читателем проходит целая гамма ощущений: от тяжелых предчувствий и скорби автор переходит к патетике призыва; эта патетическая часть сменяется лирической и интимной, а все произведение в целом завершается радостным и торжественным финалом. В «Слове» — своеобразная музыкальная композиция, в которой каждая часть не только самостоятельна по теме, но и окрашена своим особым чувством; все части вместе гармонично слиты в единое и удивительно законченное произведение. В сущности, все темы в «Слове» подчинены одной общей теме и все чувства — одному главному чувству, но и те и другие искусно развернуты во времени, представлены в сложном развитии. Эта глав-

ная тема — тема родины, и это главное чувство — чувство любви к родине.

Стремление расширить тему родины потребовало от автора «Слова» обращения к ее настоящему и прошлому. Оно потребовало противопоставления русской земли враждебной ей Половецкой степи и сопровождения событий в Русской земле откликами среди чехов, угров, венецианцев, готов, литвы, ятвягов, деремелы и неких загадочных «хинов». Чувство любви к родине выражено в «Слове» также во всем многообразии ее оттенков: тут и тревога за ее судьбу, и тоска при расставании с ней ее войска, и горечь от поражения ее сынов, и горе от разорения ее половцами, и гордость ее прошлым и настоящим, и нежная ласка к ней в плаче Ярославны, и радость по поводу возвращения Игоря. Тема родины и чувство любви к ней последовательно раскрываются автором в связи с главным сюжетным стержнем всего произведения — походом Игоря Святославича 1185 г.

«Слово» начинается с раздумья автора над тем, как ему рассказать о горестных событиях Игорева похода. Он вспоминает старинного певца Бояна (XI в.). Боян был и создателем и исполнителем своих песен. Он сопровождал свои песни игрой на гусях. Автор «Слова» обращается к Бояну не случайно: он считает его своим предшественником. Это

¹ В этой главе вся цитация (выделенная отступами) дается по объяснительному переводу (см.: «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1950 (Литературные памятники). Цитаты

подобраны в такой последовательности, что при чтении подряд они полностью воспроизводят весь текст объяснительного перевода памятника.

отчасти проливает свет на самый жанр «Слова» как произведения поэтического в первую очередь, а может быть, и песенного. Но автор «Слова» не только сопоставляет свое произведение с песнями Бояна, он, в известной мере, и противопоставляет его этим песням. Он отказывается начать свое повествование в старых выражениях, свойственных Бояну, и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени. Чтобы сделать понятным, почему он отказывается от обычных поэтических способов изложения, автор «Слова» наглядно характеризует искусную, но неприемлемую для него поэтическую манеру Бояна, которого он называет «вещим», т. е. кудесником, волшебником¹.

«Не пристало ли нам, братья, — говорит автор «Слова», — начать старыми выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича? Нет, начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени («по былинам сего времени»), а не по (поэтическому) воображению Бояна. Ибо Боян, вещий, в честь кого хотел песнь сложить, то так и растекался мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками».

Определив в этих метких выражениях сущность поэтической манеры Бояна, парящего сизым орлом под облаками и витийственно стелющегося мыслью по дереву воображения, с быстротою волка переносящегося из одного географического пункта в другой, автор «Слова» переходит затем к характеристике содержания поэзии Бояна, целиком посвященной прославлению князей. В этих прославлениях Боян достиг такого мастерства, настолько искусил руку, что под пер-

Святой Елисей. Клеймо иконы «Богородица умиление» («Белозерская») из Спасо-Преображенского собора в Белозерске. XII — первая половина XIII в.

стами его струны как бы сами собой, без всяких усилий, в «старых словесах» пели славу князьям. Из числа князей, которым Боян пел свои «славы» (прославления), автор «Слова» упоминает Ярослава Мудрого, его брата Мстислава Владимировича Тмутороканского и Черниговского, победившего в единоборстве касожского (черкесского) князя Редедю в 1022 г. на глазах его войска, и прекрасного Романа Святославича — сына Святослава Ярославича, также бывшего одно время тмутороканским князем. Боян, следовательно, певец княжеский, имевший какое-то отношение к князьям далекой северочерноморской Тмуторокани,

¹ Ниже мы печатаем с отступами перевод «Слова о полку Игореве» с краткими пояснениями в скобках. Весь текст с отступами дает

полный объяснительный перевод «Слова» без каких-либо пропусков.

а как увидим в дальнейшем, к князьям киевским середины и второй половины XI в.

«Вспоминал он, — как говорил, — пишет о Бояне автор «Слова», — первоначальных времен войны, (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струны): (и) который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь во славу старого Ярослава, храброго Мстислава, который зарезал Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои волшебные пальцы на живые струны возлагал, они же сами собой князьям славу рокотали».

Охарактеризовав старую роскошную, но непригодную для себя поэтическую манеру Бояна, автор «Слова» определяет затем хронологические пределы своего повествования. Он собирается охватить события от Владимира Святославича, которого он называет «старым», в отличие от Владимира Мономаха «сына Всеволода», и до «нынешнего» Игоря Святославича Новгород-Северского, совершившего свой поход на половцев, подчинив свои мысли (свой «ум») своей храбрости («крепости»), т. е. в котором храбрость возобладала над разумным расчетом.

«Начнем же, братья, — пишет автор, — повествование это от старого Владимира до нынешнего Игоря, препоясавшего ум храбростью своею и поострившего сердце свое мужеством. Исполнившись ратного духа, навел он свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую».

Вступление к «Слову» нужно автору для того, чтобы приготовить читателя к восприятию последующего горестного

повествования. Обращаясь к поэту прошлого, автор «Слова» попутно вспоминает и события и людей этого прошлого. Противопоставляя свой рассказ песням Бояна, автор тем самым незаметно противопоставляет и печальные события настоящего величию прошлого. Выбор своей поэтической манеры позволяет автору «Слова» как бы невзначай подготовить читателя к скорбному настоящему: не о «славе» Игоря похода будет вестись им речь, а о печальных событиях, не в витийственной манере, а «по былинам сего времени». Автор «Слова» хочет сосредоточить свои мысли и свои чувства на походе Игоря и тем самым привлекает к нему внимание читателя, дает тон своему повествованию. Перед нами вступление, очень характерное для произведений, написанных с большой внутренней взволнованностью. Автору нужно какое-то время, чтобы совладать со своими чувствами и собраться с мыслями,

После этого автор «Слова» обращается к своему повествованию. Как бы противопоставляя его начало зачину песен Бояна, автор «Слова» вновь подчеркивает его скорбный и тревожный характер тем, что начинает свой рассказ с упоминания затмения — зловещего предзнаменования, вопреки которому Игорь решается идти в поход в поисках славы и чести. Он передает речи, сказанные Игорем своей дружине перед выступлением в поход. Эти речи воспроизводят сильный и энергичный дух древнерусского воинского ораторства. Игорь в своей речи употребляет обычные «дружинные» термины той поры: «сесть на коней» (означало выступить в поход), «преломить копье» (лично вступить в схватку в начале битвы; копье было тонким, легко ломалось и служило оружием первой схватки). Применяет Игорь и военную символику своего времени: «испить шлемом из какой-либо реки» означало одержать победу на этой реке. Его речь исполнена воинской решимости: победить

или умереть, сложить голову либо испить шлемом Дону.

«Тогда (в начале того похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (зловещее предзнаменование), что от него тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше ведь зарубленным быть (в битве), чем плененным (бесславно дома); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход), да поглядим на синий Дон (в земле Половецкой). Склонился у князя ум (мысль) перед страстным желанием, и охота отвесть великого Дона (т. е. пойти с победою до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование: «Хочу ведь, — сказал (он), — сам копьё преломить (сам хочу вступить в рукопашную схватку) на краю поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) голову свою сложить или испить шлемом из Дона (т. е. победить половцев на Дону)».

Затмение солнца своим зловещим колоритом подчеркивает мужественность решения Игоря и определяет весь тон последующего повествования. Противопоставление решимости Игоря затмению дает действию завязку: воля Игоря как бы противопоставляется судьбе, воплощенной в природе; личное вступает в конфликт с природой, с окружающим.

Наметив тему своего повествования, определив его печальное и зловещее начало, автор «Слова» вновь вспоминает Бояна и делает предположение о том, как бы стал Боян воспевать поход Игоря Святославича. Боян — этот «соловей старого времени» — сделал бы это в привычных высокопарных выражениях, паря умом под облаками, скача по воображаемому дереву, соединяя воедино славу на-

Большой сиюн ризницы Софийского собора в Новгороде. Серебро, чеканка, гравировка, чернь. Середина XII в.

чальную со славой последней¹: славу первых русских князей со славой Игоря. Боян носился бы по божественным путям (по тропе Трояна) через поля и горы. Иными словами: Боян переносился бы божественным воображением на огромные расстояния, не зная препятствий своему вдохновению. И далее автор «Слова» дает конкретные примеры высокопарной манеры Бояна, которого он называет внуком бога Велеса, очевидно, считавшегося на Руси покровителем поэзии, а также, как мы знаем из других источников, покровителем торговли и скота. Образцы поэтического стиля Бояна,

¹ О толковании выражения «оба помы сего времени» см.: Лихачев Д. Из наблюдений

над лексикой «Слова о полку Игореве». — «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1949, № 6.

приводимые затем автором «Слова», — драгоценное свидетельство той «старой», приподнятой и торжественной поэзии, которую автор «Слова» считал для себя неприемлемой.

«О Боян, соловей старого времени! Вот бы уж ты эти походы (посоловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя славы обеих половин этого времени (времени повествования — «от старого Владимира до нынешнего Игоря»), рыща по тропе (языческого бога) Трояна через поля и горы. Пришлось бы внуку того (т. е. Бояну — внуку бога Велеса, о котором ниже, или самому автору «Слова» — поэтическому внуку Бояна) воспеть песнь в честь Игоря (в таких выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие, а стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещий Боян, внук (бога) Велеса: «(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничной со степью рекою) Сулою, а слава (победы) звенит (уже) в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войска) в Новгороде (Северском), а стяги (полки) стоят (уже) в Путивле (на пути к Половецкой степи)!»

Противопоставив свое печальное повествование песням Бояна, автор «Слова» прямо вводит затем своих читателей в рассказ о сборах к походу: Игорь — князь Новгород-Северский ждет своего брата — трубчевского и курского князя Всеволода Святославича, которого он называет «Буй Туром Всеволодом». Решимость Игоря Святославича выступить в поход встречает одобрение Всеволода. Всеволод напоминает Игорю об их семейной, отцовской славе («оба мы Святославичи») и сообщает о готовности выступить всех его курских бойцов, извест-

ных как храбрых и опытных воинов. Характеризуя своих воинов, Всеволод подчеркивает в них прежде всего те боевые качества, которые были особенно важны в борьбе с быстрой и неуловимой степной конницей: им ведомы дороги в степи, они знают степные овраги, держат оружие на изготовке, чтобы не быть застигнутыми врасплох, и сами быстро, как серые волки, скачут, не дожидаясь нападения, в поисках встречи с врагом.

«(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему Буй Тур Всеволод (ободряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы сыновья храброго Святослава Ольговича). Седлай, брат (мой) своих борзых коней, а мои-то готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне знаменитые воины: под трубами пеленаты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Может быть, отнюдь не случайно автор «Слова» рассказывает о сборах Игоря и Всеволода сразу после изображения браваурной манеры Бояна. Игорь и Всеволод в радужных красках представляли себе исход похода. Оба они стремились поискать чести и славы предков — тех самых князей, которые когда-то владели не одним Черниговским княжеством, но и далекой Тмутороканью. Об этих-то князьях и пел Боян, восхваляя славу их подвигов. О славе своих курян говорит Всеволод, брат Игоря, как бы вторя Бояну,

После встречи с Всеволодом Игорь выступает в поход, несмотря на все злое предзнаменования. Солнце заступало ему путь тьмою. Ночь разбудила

грозою птиц. Поднялся свист сусликов. Божество восточных народов — див — стремится криком с вершины дерева предупредить жителей своих стран о походе Игоря, в особенности Тмуторокани, куда направлялся Игорь: див кличет идолу тмутороканскому. Языческие божества как бы объединились против Руси. И вот, предупрежденные о походе Игоря, мчатся ему навстречу, к Дону, из глубины приазовских степей половцы. Но Игорь непреклонно продолжает вести вперед свои войска.

«Тогда вступил Игорь в золотое стремя (т. е. выступил в поход) и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист сусликов); взбился див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неизвестной (т. е. Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земли по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню и тебе, Тмутороканский идол! И (вот) половцы непроложенными (т. е. заранее, как обычно перед походами, «непротеребленными») дорогами побежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат телеги (их) в полночь, словно лебеди распущенные. (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!»

Автор рисует тревожную картину, как хищные звери и птицы следуют в походе за войском Игоря в ожидании человеческой добычи, и прерывает себя скорбным восклицанием.

«Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают птицы по дубам (т. е. ждут добычи на поле битвы), волки (воем) грозу подыма-

ют по оврагам; орлы клетком на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских). О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!»

Все бесповоротнее, следовательно, надвигающееся поражение! Томительно долго спускается ночь. Вечер, ночь, утро последовательно описываются как бы для того, чтобы подчеркнуть мучительную длительность бессонной ночи накануне битвы.

«Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щекот соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (на утро) великие поля красными щитами перегородили (построившись для наступления с плотно составленными стеной щитами), ища себе чести, а князю — славы».

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Автор «Слова» в описании этой первой стычки употребляет обычный боевой термин той поры — «потопташа», что означает: «разбили боевой порядок неприятеля». Богатая добыча досталась войску Игоря. Она была так велика, что покрывалами, плащами и дорогими шубами («кожухами») русские замащивали еще по-весеннему топкие степные дороги. Но сам Игорь взял себе из добычи только боевые знаки врагов: Игорь как бы следует заветам князя Святослава, который принял от греков только оружие, но даже не взглянул на принесенное ему золото».

«(То было) спозаранок в пятницу потоптали они (воины Игоря) поганные полки половецкие (т. е. рассеяли боевой порядок половецких полков) и рассыпались по полю (за добычей), помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и

Серебряный кратир.
Серебро, чеканка, гра-
вировка. Вторая поло-
вина XII в.

дорогие аксамиты. (Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали (они) мосты мостить (делать гати) через болота и топкие места, и всякими драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу».

Снова ночуют в поле храбрые князья ольговичи. Автор называет их «гнездом», т. е. выводком, семьей, подчеркивая их родственную близость, сближая их перед лицом новой опасности и тем самым оттеняя трагичность их положения. На этот раз утомленные в битве князья спят, не подозревая о новой, еще большей опасности для себя. Автор лирически размышляет о судьбе русских воинов. Под покровом ночи главные силы половцев под предводительством ханов Гзак и Кончак спешно двигаются навстречу Игорю к Дону.

«(И вот) дремлет в поле храбрый выводок ольговичей. Далек залетел!

Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (вперед) ему след правит (т. е. указывает путь следом своего войска) к Дону великому».

Тяжкие предчувствия автора усиливаются. Автор как бы хочет предупредить Игоря о грозящей ему опасности, остановить его на роковом пути. Реальный пейзаж грозного утра сливается с символической картиной движения главных половецких сил со стороны Азовского моря.

«На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (четырех князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому (быть грому сражения!). Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашных схватках в начале битвы), тут саблям по-

биться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого. О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом (все неизбежнее, следовательно, гибель!)».

Изображение надвигающейся грозы (поднявшийся ветер, отдаленный гул, пыль, стяги, развевающиеся по ветру, и замутившиеся реки) сливается с изображением наступления войска половцев. Автор все время приковывает внимание читателя к постепенно приближающемуся войску половцев, заставляет читателя пережить неуклонность этого движения прямо на него и только в последний момент обращается вновь к русскому войску, отметив твердо занятую им оборонительную позицию,

«Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль поля покрывает (от движения множества половецкого войска), стяги (половецкие своим движением) говорят (свидетельствуют): половцы идут от Дона (с востока) и от моря (с юга) и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесови кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами приготовившись к отражению натиска)».

Самую битву Игорева войска с половецами, длившуюся целых три дня, автор в дальнейшем не описывает. Он как бы не может о ней говорить. Он предается лирическому раздумью, то углубляясь в историю, то обращаясь к настоящему, сетуя о судьбе того или иного из своих героев, или горько сожалеет о

печальных исторических судьбах всей Русской земли в целом. Первый, к кому он обращается, — брат Игоря Всеволод Буй Тур. Автор описывает подвиги Всеволода — в пылу битвы Всеволод не чувствует на себе ран. Здесь похвала Всеволоду, выдержанная вначале в традициях обычного песенного славословия, может быть свойственного Бояну («Куда, тур, поскачешь, — там лежат поганые головы половецкие» и др.), незаметно переходит в укор Всеволоду. Всеволод забыл феодальную честь: он не выполнил своих феодальных обязательств по отношению к старейшему в роде — Святославу Киевскому, отправился в поход без его разрешения. Всеволод забыл и свою «жизнь», т. е. богатства, хозяйство, благосостояние своего княжества, пренебрег его интересами («жизнь» в древнерусском языке одним из значений имела «богатство», «достаток»). Всеволод забыл об интересах и отцовского княжеского стола в Чернигове, легкомысленно подвергнув его опасности. Наконец, Всеволод забыл о своей жене — милой и любимой «красной» Глебовне. Это последнее упоминание не случайно. Битвы в «Слове» неоднократно противопоставляются мирным картинам: то мирной жатве, то мирному ремесленному труду, то пиру как апофеозу мирного труда. Этим подчеркивается ужас и бессмысленность феодальных войн, разрушительность половецких нашествий. Образы жен русских князей («красной» Глебовны и Ярославны) служат тем же целям. Жены — это мирное начало, постоянно противопоставляемое в «Слове» войне.

«Ярый тур Всеволод! — обращается к нему автор «Слова». — Ты стоишь в обороне, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы

Золотые ворота во Владимире. XII в.

половецкие! Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какие раны дороги, братья, тому, кто забыл честь и достоинство (своего княжества), и отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной прекрасной (Ольги) Глебовны (жены Всеволода, дочери Глеба Юрьевича Переяславского) свичаи и обычаи (привычки и обычаи: «любовь и ласку»).

От размышлений о Всеволоде автор обращается к размышлениям по поводу всего «гнезда» ольговичей. Их политика напоминает ему политику родоначальника — Олега Святославича. Олег — обобщенный образ всех князей ольговичей, и именно поэтому автор «Слова» о нем говорит так подробно. Олег своими междоусобными войнами положил начало разъединению Русской земли. Его походы пришли на смену векам язычества и

временам Ярослава Мудрого и его сыновей. Походы Олега предвидел Ярослав Мудрый, призывавший (в своем завещании) русских князей к единению; походы его были невыносимы для его современника — Владимира Мономаха. Свой меч Олег употребил не на дело, а на ковку крамолы. Он заседал Русскую землю стрелами. Его битвы были равно губительны для обеих сторон. В затеянной Олегом битве на Нежатиной Ниве погиб и его сторонник Борис Вячеславич, и его противник Изяслав Ярославич. Картина опустошения Русской земли при Олеге Святославиче подчеркивается изображением опустелых пашен.

«Были века Трояна (века языческого бога Трояна), минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей — Ярославичей); были (и) походы Олеговы, Олега Святославича! Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя (выступая в междоусобный поход) в городе Тмуторокане, как его (звон стремени, звон выступления в поход) слышал (предугадывал) давний (к тому времени умерший) великий Ярослав (Мудрый; в своем завещании призывавший к миру между князьями), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также активный противник усобиц) каждое утро уши (себе) закладывал в Чернигове (где Мономах княжил). (Настолько невыносимы были для него эти усобицы Олега!) Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича похвальба (перед битвой, на Нежатиной Ниве в 1078 г.) привела на су. божий — и на (поле) Канину (около Чернигова) постлала ему зеленое, (травяное на поле битвы) по ревальное покрывало за обиду (за поруганную честь) Олега (Святославича). С такой же (зло-

счастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (т. е. битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря Святославича) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. Тогда, при Олеге Гориславиче, засеивалось и прорастало усобицами достояние Дажьбожьего внука (т. е. русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу».

От «Каялы» Олега автор «Слова» обращается к Каяле его потомков — ольговичей. Автор подчеркивает ожесточенность битвы Игорева войска и снова противопоставляет битву земледельческому труду, войну — миру.)

«То было в те (давние) рати и в те походы, а такой рати (как эта, Игоря Святославича) еще не слышно! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших людей) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по (всей) Русской земле».

От этого косвенного намека на поражение Игоря автор переходит к прямому рассказу о нем. Но он не сразу решает сообщить об этом. В горе он как бы не может осознать значения того, что он слышит издалека. Конец главы он сравнивает с пиром, столь типичным для конца земледельческих работ в крестьянском быту.

Кровь он сравнивает с вином, а половцев прямо называет сватами. Перед нами обычный в народной поэзии образ: смерть — это свадьба. Однако, кроме того, предводитель половцев хан Кончак был действительно сватом Игоря — его дочь была помолвлена за сына Игоря, Владимира. И в этом назывании врагов русских сватами ясно чувствуется осуждение автором «Слова» родственных союзов русских князей с половецкими ханами)

(Напоив «сватов» своею кровью, храбрые русичи полегли за землю Русскую. Сама природа сочувствует поражению русских.

«Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) из далека (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата (Буй Тура) Всеволода (командовавшего этими ковуями). Бились (ведь они) день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игорево войско потерпело поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало, тут пир (битву) окончили храбрые сыны русские: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось».

Далее автор переходит к последствиям поражения Игоря для всей Русской земли. Об этих последствиях он говорит, обрисовывая все современное ему положение Руси: прошли для Руси времена обилия, князья вступают в споры между собой, принимая за великое всякую малость. Искажая обычную формулу договоров между князьями: «се мое, а то

твое», они требуют для себя и того, что им не принадлежит: «се мое, а то мое же». Прекратились и походы русских князей на половцев. Сами половцы нападали на Русскую землю со всех сторон.

«Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыло (трупы убитых поросли травой). Встала обида в (этих polegших) войсках Дажьбожа внука (т. е. среди русских), вступила девою на землю Трояню (на землю русского языческого бога Трояна, т. е. на Русь), всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить, и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую».

Автор «Слова» оплакивает гибель храброго Игорева полка. Он описывает плач по павшим в Русской земле и упоминает Карну и Желю, — по-видимому, русских языческих погребальных богов («Карна» — от «карить» — оплакивать и «Желя» — от «желая» — плач по умершим). Плач русских жен выдержан в традициях русских народных плачей.

«О! (увы!) слишком далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) избивая, — к морю! Игорева храброго полка не воскресить (случившегося не воротишь)! По нем (по погибшему полку Игоря) кликнула (заплакала погребальным плачем) Карна, и Желя (обе — погребальные боги) поскакала по Русской земле, размыкивая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих

милых любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не подержать».

Снова обращается автор к волнующей его теме — к современному ему положению Руси. Описание последствий поражения Игоря снова сливается им с общей характеристикой княжеских крамол: поражение Игоря для автора неотделимо от общего состояния раздираемой усобицами Руси. После поражения Игоря Черниговская земля подверглась нападению половцев и застонала от «напастей». Хотя Киевская земля не подверглась непосредственному нападению половцев, но и Киев как центр Руси, тесно с ней связанный, застонал от горя. Князья были заняты крамолами, и половцы собирали дань с русских, как в старые времена, «по белке от двора». Утверждая это, автор «Слова» явно преувеличивает. Половцы не собирали систематически дани с русского населения, ограничиваясь грабежом, уводом пленных и взиманием выкупов. Однако автор «Слова» хочет подчеркнуть своей гиперболой угрозу независимости Руси. Согласно «Повести временных лет», русские когда-то платили дань хозарам и варягам «по беле (белке) от двора», но прошло время — и русские теперь уже сами собирают дань с других народов. Автор «Слова» хочет рассказать, что это положение Руси вновь переменялось, и русские близки к утере своей независимости. Вот почему он вспоминает старую летописную формулу: «по белке от двора», за которой не могло уже крыться реального содержания, так как сборы дани скорее всего должны были во второй половине XII в. совершаться деньгами, а не мехом.

«И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль

обильная пошла посреди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора».

От описания последствий поражения Игоря автор обращается к объяснению причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь и Всеволод своим своевольным и неудачным походом уничтожили плодотворные результаты предшествующего (в 1184 г.) победоносного похода на половцев объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского. Игорь и Всеволод пробудили «коварство» половцев, позволив им и на этот раз нарушить мир. Их непослушание своему «отцу», т. е. феодальному главе, двоюродному брату Святославу Киевскому, автор называет «котброю», т. е. раздором, смутою. Святослав победил Половецкую землю и самого предводителя половцев хана Кобяка взял в плен и заключил у себя в Киеве в «гриднице» — в большой пиршественной зале, которую в XII в., с оскудением средств, князья часто использовали как место для заключения пленных, особенно если их было много. Вот почему немцы и венецианцы, греки и чехи поют славу Святославу и укоряют Игоря. Игорь из князя превратился в раба: пересел из золотого княжеского седла в седло рабское. Унылыми стали у городов «забралы», т. е. переходы по верху городских стен, куда обычно высыпал народ, встречая и провожая войско, откуда «плакали» (причитали) по павшим вдали. Поникло городское веселие.

Вот как говорит обо все этом сам автор:

«Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже пробудили коварство (половцев), которое усыпил было отец их (их глава) Свято-

Успенский собор во Владимире. XII в.

слав (Всеволодович) грозный великий киевский грозою (страхом, который на них нагнал): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (в своем предшествующем походе), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота («мосты мостя» по «грязивым местам» — прокладывая дорогу своему огромному войску). А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватил в плен) — и упал Кобяк в городе Киеве в Святославовой гриднице (заключенный в ней). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы, реки половецкой, русского насыпавшего золота (на дно Каялы; ведь для Руси прошли време-

на обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское (стал из князя рабом-пленником). Уныли у городов забрали, и веселье (городское) поникло».

Далее автор «Слова» обращается к тому, как сам Святослав узнал о поражении Игоря и Всеволода и как на него откликнулся. В неясном сне томят Святослава смутные предчувствия. Во сне его одевают в погребальные одежды, сыплют ему на грудь жемчуг — символ слез. Видит он во сне и свой терем златоверхий без князька, что являлось приметой несчастья, которое должно постигнуть хозяина дома¹. Всю эту беспокойную ночь каркали вороны под Киевом в предградье у Плесньска, и понеслись эти вороны к синему морю — туда, к месту поражения Игоря.

«А Святослав мутный (непонятный, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). «В эту ночь, с вечера одевали меня, — сказал (он), — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми (опорожненными от стрел) колчанами поганых (языческих) иноземцев крупный жемчуг (символ слез) на груди и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике в доме). Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещая несчастье) у Плесньска (под Киевом), в предградье стояла дебрь Кияня (Киянь была речка под Киевом), и понеслись (вороны) к синему морю (на юг, «к местам печальных событий»)».

Бояре объясняют Святославу Всеволодовичу значение его сна, рассказывая ему о походе Игоря и Всеволода. Они

говорят о цели похода Игоря и Всеволода, как бы передавая их слова, сказанные перед походом войску, и сообщают о поражении. Свое объяснение бояре облачают в образы излюбленной в Древней Руси соколиной охоты.

«И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь вот два сокола (Игорь и Всеволод) слетели с отцова престола золотого (как слетают сокола со своей «колодки»), чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать на Дону победу). Уже (этим двум соколам) крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся на ноги соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы)».

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Перенесясь мысленно в Киев к Святославу, в центр Русской земли, автор «Слова» видит отсюда широкие последствия поражения Игоря: тьма прикрыла свет, все восточные народы радуются поражению Игоря, девы готов, живших в Крыму и около Тмуторокани, куда направлялись походом Игорь и Всеволод, звонят русским золотом, доставшимся им от половцев; они воспевают время, когда восточнославянский (антский) князь Боз в 375 г. потерпел страшное поражение и был убит готским королем Винитаром, и лелеют месть за деда хана Кончака — Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г.

За Шарукана не мог отомстить русским ни его сын хан Отрок, загнанный Мономахом на Кавказ, в Абхазию, ни до этой поры его внук — сам Кончак. Только поражение Игоря «открыло ему ворота на Русскую землю». Так радуются все враги Руси. Только дружина князя лишена веселья;

¹ См.: Алексеев М. П. К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — В сб.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Ад-

риановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950, с. 226—248.

«Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные снопа (лучей) погасли, и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (сыновья Игоря Святославича), — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили (своим поражением) в Хинове (в каких-то восточных, неясно себе представляемых народах). На реке Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бросился див (божество восточных народов) на землю (Русскую). И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (потерпевшего поражение от готов), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Мономахом). И мы уже, дружина, без веселия (остались)».

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит «золотое слово». Он упрекает Игоря и Всеволода в самонадеянности и в нарушении феодального послушания. Игорь и Всеволод не только вышли из послушания Святославу, но и из послушания своему непосредственному главе — могучему и богатому Ярославу Черниговскому. Игорь и Всеволод одни, без чьей-либо помощи, захотели похитить славу его, Святослава, похода на половцев и поделить между собой будущую славу своих собственных побед. «А разве удивительно было то, что я помолодел и разбил половцев? — Обращается Святослав к Игорю и Всеволо-

ду. — Пример тому — перелинявший (т. е. взрослый) сокол, защищающий свое гнездо. Единственная моя беда: отсутствие помощи от других князей. Худые настали времена». Святослав указывает на первое последствие поражения Игоря и Всеволода — нападение половцев на Переяславль Южный и ранение переяславского князя Владимира Глебовича.

«Тогда великий Святослав (Всеволод Киевский) изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано начали вы (слишком вы поторопились) Половецкой земле досаждать мечами, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) у власти (не вижу власти над вами) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского) с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами (т. е. со всеми черниговскими ордами ковуев — крещеных и союзных русским тюркских племен). Те ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кликом и своей славой храбрых воинов, перешедшей от прадедов). Но вы сказали: «Помужаемся сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи, в том числе и Ярослава Черниговского — своего ближайшего феодального главы), прошлую славу (славу предшествующего похода Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей

степи, принадлежащую мне — Святославу Киевскому), а будущую славу (славу своего собственного похода) сами поделим (только между собой, не привлекая других князей к походу)!» А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить)? — Когда сокол перелинял, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно, я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князья мне не в помощь (нет помощи мне от князей): худо времена обернулись. И вот в (городе) Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им при обороне Переяславля в 1185 г.). Горе и тоска сыну Глебову (Владимиру Глебовичу Переяславскому)!»

На этом заканчивается «золотое слово» Святослава. Далее автор присоединяет свой голос к голосу Святослава. Он зовет поочередно всех русских князей вместе стать на защиту Русской земли. Обращаясь к ним, автор «Слова о полку Игореве» оценивает их политическое положение и военные силы, их дружины, давая как бы обзор политического состояния всей Руси.

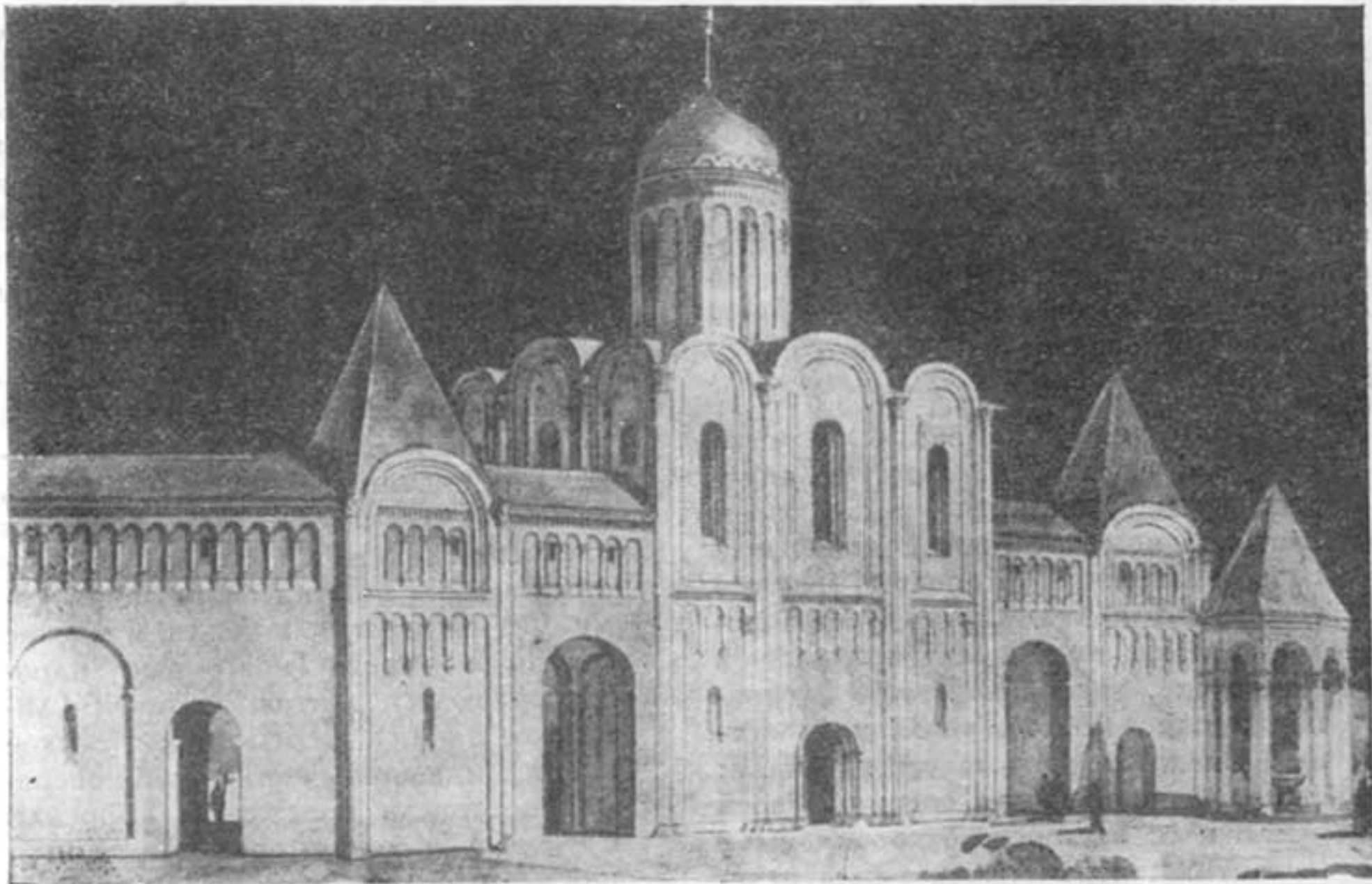
Прежде всего автор «Слова» обращается к сильнейшему князю Руси — Всеволоду Юрьевичу Владимиро-Суздальскому, сыну Юрия Долгорукого. Он со скорбью замечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества, что он не блюдет Киев, где княжил перед тем его отец Юрий. Автор «Слова» отмечает силу и могущество Всеволода, многочисленность его войска, его победы над волжскими болгарами и подчиненность ему князей рязанских.

Автор «Слова» употребляет военный символ своего времени — «испить воды» реки — как знак завоевания земель по этой реке. Он развивает этот военный символ и, подчеркивая могущество Всеволода, отмечает, что он может не только «испить» из Волги, но и расплескать всю ее воду, а Дон его воины могут «вычерпать». Иными словами: воды не хватит ни в Волге, ни в Доне, чтобы торжествовать победу войску Всеволода. Южных подручных князей рязанских автор сравнивает с «копьями» Всеволода — оружием первой схватки в бою. Рязанские князья — его передовой отряд против половцев.

Вот, следовательно, как могуч Всеволод, и ему ли не выступить со всеми русскими князьями против половцев!

«Великий князь Всеволод (Юрьевич Владимиро-Суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не перелететь издалека, поблюсти отцов золотой престол (киевский престол, на котором когда-то сидел Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (тебе ничего не стоит завоевать всю Волгу; столько у тебя воинов), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь испить из Дону воды, т. е. завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать его весь, — не «испить», а выпить). Если бы ты (только) был (здесь, на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой «разменной» монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете), — так велики были бы последствия твоего пребывания на юге. Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать — удалыми сыновьями Глебовыми (князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича)».

Обращаясь затем с призывом к Рюрику и Давыду Ростиславичам, провед-

Замок Андрея Боголюбского. 1158—1165 г. Реконструкция Н. Н. Воронина.

шим бурную жизнь в постоянных походах, автор «Слова» отмечает лишь их храбрую, закаленную в боях дружину. Рюрик Ростиславич делил со Святославом власть над центром Русской земли — Киевом. Ему принадлежали города вокруг Киева, и он был постоянным союзником Святослава в борьбе против половцев. Вот почему, обращаясь к Рюрику, автор «Слова» призывает его не только встать на защиту Русской земли, но и отомстить за поражение Игоря Святославича. Поражение Игоря, подручного князя Святослава и Рюрика, было жестоким уроном для княжеской чести Рюрика.

«Ты, буй Рюрик и Давыд! не у вас ли войны золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не у вас

ли храбрая дружина рыкуют, как туры, раненные саблями калеными на поле неизвестном (в земле Половецкой: не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремяна (выступите в поход) за обиду сего времени (за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!»

В Ярославле Владимировиче Галицком автор «Слова» подчеркивает его силу и богатство. Со своего престола в высоком, расположенном на горе, Галицком кремле Ярослав управляет всей своей землей: рядит суд и оберегает границы своей земли, простертые до Дуная и Карпат — на юг и на запад. Он посылает свои войска в помощь крестоносцам против султана Саладина. Тем более есть у него

основания послать войска (не «всесть на конь», а «стрелять» — только посылая войско) в защиту Русской земли. Так же как и в обращении к Рюрику, автор «Слова» призывает Ярослава отомстить за раны Игоря. У Ярослава были основания мстить за малозначительного новгород-северского князя: Игорь приходился Ярославу зятем, был женат на дочери Ярослава (Ярославне в «Слове о полку Игореве»).

«Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! высоко (на горе в Галицком кремле) сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; т. е. крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля, и от Византии), переметывая тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска далеко за пределы своего княжества, не сопровождая их сам), суды рядя до Дуная (верша суд, управляя землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (страны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (покоряя Киев), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству от отца, а не захваченного или наследованного по старшинству среди князей) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле, ты посылаешь войска против салтана Саладина в Палестину). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославища!»

Вслед затем автор «Слова» обращается к Роману Мстиславичу и к Мстиславу — по-видимому Мстиславу Всево-

лодовичу Городенскому или Мстиславу Ярославичу Пересопницкому. Роман ходил с победами на восточные народы (хинов), на литву, ятвягов (литовское племя), деремелу (литовское племя) и половцев. Его войска имели частично западноевропейское вооружение («суть бо у ваю железныи паперси подъ шеломи латиньскими»).

«А ты, буйный Роман и Мстислав! храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, собираясь птицу в смелости одолеть. Есть ведь у вас железные латы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы, монголы), Литва, Ятвяги (литовское племя), Деремела (литовское племя), и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, «бросили оружие»), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами)».

Обращение к Роману и Мстиславу перебивается новым наплывом горя от поражения Игоря. Победы Романа и Мстислава, вселившие в поэта уверенность в возможность новой победы над половцами, вызывают в нем вместе с тем горькое чувство невозвратимости утраты: храбрых воинов Игоря не воскресить! Жалея воинов Игоря и русские города по пограничным рекам — Роси и Суле, — автор «Слова» еще раз упрекает Игоря и Всеволода за их самонадеянность. Он иронически противопоставляет расторопность ольговичей Игоря и Всеволода, «поспевших» в своем походе 1185 г. на брань, приведшую их к поражению, их медлительности в предшествующем, 1184 году, когда они не успели принять участие в общем походе русских князей против половцев под предводительством Святослава Киевского. Тогда-то была победа, а теперь, поделив славу побе-

дителей, они поспешили лишь к своему поражению.

«Но уже (теперь, после поражения Игоря, в противоположность времени побед Романа и Мстислава), о князь Игорь! померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (между собою половцы). А Игорева храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!» (Вот) ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань».

Прервав этим лирическим отступлением свою просьбу к Роману Мстиславичу и его подручному князю Мстиславу и оставив ее без заключительного призыва встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в следующем затем обращении вспоминает все же о Романе, хотя и не называя его по имени. Автор «Слова» обращается к Ингварю и Всеволоду — сыновьям Ярослава Изяславича Луцкого — и ко «всем трем Мстиславичам». Кто такие эти три Мстиславича? Обычное толкование видит в них все тех же сыновей Ярослава Изяславича Луцкого — Ингваря, Всеволода и их неназванного брата Мстислава. Но у Ярослава Изяславича было не трое сыновей, а четверо, и они не могли быть названы Мстиславичами по своему прадеду Мстиславу (в таком случае Мстиславичей бы оказалось среди князей слишком много). Здесь, несомненно, имеются в виду три брата — сыновья Мстислава Изяславича: Роман, обращение к которому было прервано выше и которого поэтому было уместно вновь вспомнить сейчас, Свя-

тослав и Всеволод¹. Вместе с Ингварем и Всеволодом Ярославичами они составляли всю группу волынских князей. Мстиславичи эти были по матери поляками. Вот почему отчасти автор в обращении к ним говорит: «Кое ваши златыи шеломи и сулицы ляцкыи (польские) и щиты?» Мстиславичи пользовались постоянной военной помощью со стороны Польши. Указывая на их мощь, автору «Слова» было важно подчеркнуть и это, т. е. поддержку их поляками.

«Ингварь (Ярославич) и Всеволод (Ярославич) и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод), не худого гнезда соколы (не плохого вы выводка соколы), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копя польские и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со степью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!»

Автор «Слова» в своем призыве к русским князьям начал с крайнего северо-востока — с обращения к Всеволоду Суздальскому, затем мысленно «перешел» на юг и обратился к Рюрику Ростиславичу, княжившему вблизи Киева, к его брату Давыду Ростиславичу, затем он обратился на запад — к Ярославу Галицкому. От Ярослава Галицкого он обратился к князьям волынским — северо-западнее Галича. Охватывая весь горизонт Русской земли и двигаясь в своих призывах «по солнцу» — слева направо, автор «Слова» перешел затем к крайнему северо-западу Руси — к князьям полоцким. Как раз в это время полоцкие

¹ Предположение о том, что под Мстиславичами подразумеваются сыновья Мстислава Изяславича, принадлежит покойному артисту МХАТа И. М. Кудрявцеву и было высказано

им в устной беседе. См. подробнее: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950, с. 447.

Церковь Покрова на Нерли. 1165 г.

князя вели упорную борьбу с наседавшими с запада литовскими племенами. Автор «Слова» отмечает слабость полоцких князей в обороне собственных границ от литовцев. Поэтому, может быть, он не рискует отвлечь их от неотложных дел делами половецкими. Положение на границах Полоцкой земли с литовцами сравнивается с положением южных границ Руси с половцами: Сула (пограничная с половцами река на юге) и Двина (пограничная с литовцами река на западе) как бы превратились в болотистые речушки и уже не служат преградами для врагов Руси. С горечью отмечает автор «Слова», что один только Изяслав Василькович (князь, по летописям неизвестный) оказал сопротивление литовцам, но при этом сам потерпел поражение, уронив славу своего прародителя Всеслава Полоцкого.

«Уже ведь Сула (пограничная река на юге) не течет серебряными

струями для города Переяславля (не служит для него защитой), и Двина (пограничная река на северо-западе) болотом течет для тех грозных полочан (не служит защитой для жителей Полоцка), под (боевым) кликом поганых (т. е. язычников, литовцев). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами, (но) прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего деда Всеслава Полоцкого, славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем, а тот и сказал: «Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся трупами) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!» Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брячислава (Васильковича), ни другого (брата) Всеволода (Васильковича). Так, в одиночестве изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие. Трубы трубят городенские (в знак сдачи города)».

Описав бессилие полоцких князей принять участие в делах всей Руси, автор «Слова» призывает их хотя бы прекратить раздоры с другими русскими князьями. Полоцкие князья вели свое происхождение от Владимира и его жены Рогнеды — дочери полоцкого князя Роговолода, не состоявшего в родстве с остальными русскими князьями. По внуку этой Рогнеды — знаменитому Всеславу Полоцкому — автор «Слова» называет полоцких князей внуками Всеслава. Остальных же русских князей автор «Слова», как и летопись, называет внуками Ярослава, ярославичами. Призыв автора «Слова» обращен и к ярославичам и ко всеславичам. И те и другие потерпели поражение в своих междоусоб-

ных битвах: обе стороны лишились дедовской боевой славы, наводили на Русскую землю и на владения всеславичей язычников (половцев и литовцев).

«Ярославовы все внуки и Всеславовы (Всеслава Полоцкого)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои поврежденные (в междоусобных битвах) мечи; ибо лишились вы славы ваших дедов; ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владения ярославичей), на достояние Всеслава (на владения полоцких князей). Из-за (вашей) усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой!»

Призвав полоцких князей и всех русских князей прекратить губительную для обеих сторон вражду, автор «Слова» обращается к истокам этой вражды — к истории родоначальника полоцких князей Всеслава Брючиславича, — чтобы на примере его судьбы наглядно показать губительность усобиц. Повествование о Всеславе начинается с рассказа о том, как Всеслав в 1068 г., воспользовавшись восстанием киевлян, потребовавших у князя Изяслава оружие и коней, выбрался из заключения и захватил киевский стол, как вскоре затем ему пришлось ночью бежать от киевлян из Белгорода, как он очутился у Новгорода и затем у реки Немиги в Полоцком княжестве. Автор «Слова» подчеркивает, что Всеслав явился в Киеве напоследок языческих времен (Всеслав и в самом деле был связан в своей деятельности с последними представителями язычества на Руси) и отличался быстротою своих передвижений.

«На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (т. е. напоследок языческих времен) кинул

Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева¹). Он хитростями оперся на коней (потребованных восставшими киевлянами) и скакнул (из подгороднего «поруба» — тюрьмы — наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго, не по праву наследства и не «копием», т. е. не военной силой, а только древком копья, как в столкновениях между своими). Скакнув от них (от восставших киевлян, своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночной) мглою; поутру же вонзил секиры, отворил ворота Новгороду, расшиб славу (основоположника новгородских вольностей) Ярослава (Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (под Новгородом)».

Затем автор кратко характеризует битву на Немиге около Минска, во время которой Всеслав потерпел жестокое поражение от трех братьев Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Характеристика этой битвы выдержана в образах народной поэзии. Битва противопоставлена мирному крестьянскому труду, чем вновь подчеркнута бессмысленность и разрушительность междоусобий.

«На Немиге (не мирно трудятся) снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны: посеяны костями русских сынов».

Далее автор «Слова» рассказывает о судьбе Всеслава. Его неприкаянная жизнь служит для автора «Слова» типичным примером беспокойной и пагуб-

¹ В средневековых представлениях города часто олицетворяются в образе девицы, жены или вдовы.

ной жизни князя, всю свою деятельность направившего на междоусобные ссоры с другими князьями, на поиски личной «чести» и «славы». С помощью характеристики князя Всеслава автор «Слова» предостерегает его потомков — полоцких всеславичей.

«Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, над судьбой и простых людей и князей), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тмуторокани, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебежал ему дорогу). Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот) слышал. Хоть и провидящая душа (была у него) в храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему провидец Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!»

Как ни «горазд», следовательно, был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была «судом и возмездием Божиим» за его усобицы. Судьба Всеслава наводит автора на размышления о судьбе всей Русской земли, терзаемой бесконечными усобицами многих таких же всеславов. Он вспоминает первых русских князей и первые годы Русского государства, вспоминает многочисленные походы Владимира I Святославича на внешних врагов Руси и противопоставляет им нынешнее положение Руси, когда даже братья — Рюрик и Давыд Ростиславичи — не смогли договориться о совместном выступлении против половцев.

«О, стонать Русской земле, помянув первые времена (еще до Всеслава

Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава и Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь (в 1185 г.) встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича), и другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развеваются полотнища (нет между ними согласия). Копья поют (поют бросаемые копья; где-то, следовательно, воюют)!»

Забыты, следовательно, первые князья и их походы на врагов; теперь в походах нет между князьями согласия.

Тема княжеских несогласий закончена. Автор возвращается к повествованию об Игоре. Как бы высоко ни поднималась мысль автора — до осмысления общих судеб родины, он не может расстаться с читателем, не сообщив ему о судьбе героя своего повествования — Игоря Святославича. Широкая тема сменяется частной и личной, но и в этой личной теме явственно звучат ноты любви к родине. Тема личной судьбы Игоря вводится плачем о нем его жены Ярославны. Повествование становится лирическим: оно насыщено атмосферой народной лирической песни. И здесь (в плаче Ярославны), и в последующем широко вводится пейзаж, окружающий героя теплой атмосферой лирики. Но тема родины не отходит на второй план. Она присутствует и здесь, разрешаемая иными художественными средствами. Ярослава — русская женщина. Ее плач по мужу — плач русской женщины, жалеющей не только Игоря, но и его воинов, вспоминающей и славный поход Святослава Киевского против половцев. Природа, к которой обращается Ярослава, — русская природа; ее сочувствия ищет Ярослава. Плач Ярославны — русская на-

родная причеть. Тема родины предстает перед нами в заключительной части «Слова» как тема, интимно близкая всякому русскому человеку.

«На Дунаи Ярославнин голос слышится (голос Ярославны долетает до берегов Дуная — до крайних границ Руси), кукушкой безвестною рано (она) кукует:

«Полечу, — сказала, — кукушкой по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах в верхней части городской стены), приговаривая:

«О ветер, ветрило! зачем ты, господин, веешь наперекор (навстречу русским полкам)? Зачем мчишь хиновские (восточные) стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого (в битве на Каяле ветер дул на русских со стороны половцев)? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? К чему, господин, мое веселье по ковылю ты развеял?»

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

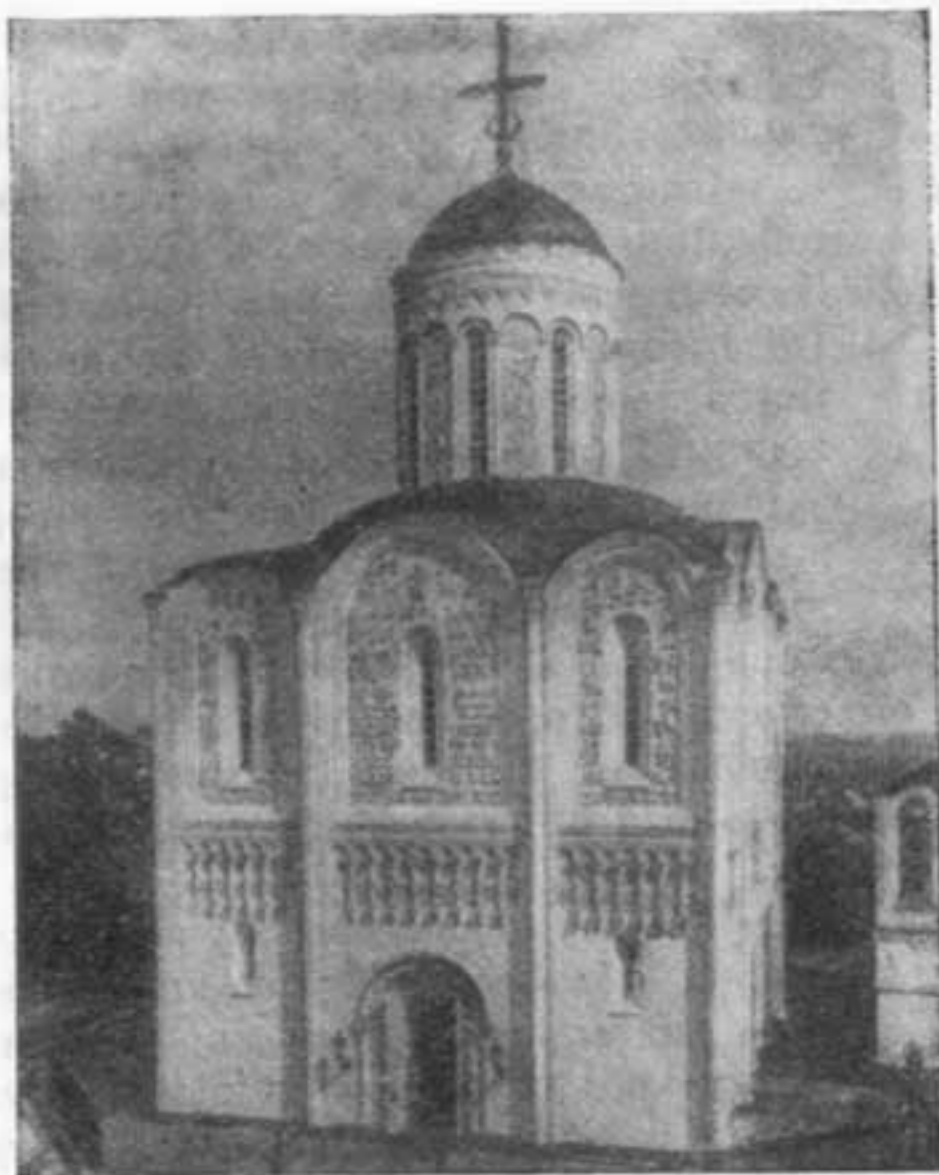
О Днепр Слоутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с «насаженными», надшитыми бортами, на которых Святослав отправил свое войско в поход против половцев за год до похода Игоря) до стана Кобякова (до стана половецкого войска хана Кобяка). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала я к нему рано слез на море (где в Приазовских степях, в становищах половцев находился в плену Игорь)».

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

«Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! К чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло? (воины Игоря жестоко страдали от жажды в трехдневном бою)».

Горе Ярославны находит, наконец, облегчение. Игорь бежит из плена. Природа помогает Игорю. Бегство Игоря рассказано в образах русских народных сказок.

«Прыснуло море в полуночи, идут смерчи облаками. Игорю-князю бог путь указывает (этими приметам) из земли Половецкой в землю Русскую к отчему золотому столу (в Чернигове). Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур (или Лавр; по летописи, по видимому, крещеный половец, друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться; (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь-князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил (на той стороне реки) на борзого коня (приготовленного ему Овлуром «за рекою») и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней».

Дмитриевский собор во Владимире.
1193—1197 гг.

Река Донец вступает в разговор с Игорем. Этот разговор носит также народносказочные черты. Донец сочувствует русскому князю. Игорь в ответ благодарит Донец за помощь во время бегства. Он противопоставляет Донцу реку Стугну, в устье которой у Треполя в 1093 г., после поражения, нанесенного половцами, спасаясь бегством, утонул брат Мономаха — юный князь Ростислав.

«Донец сказал: «(О) князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия и Русской земле веселия!»

«Игорь сказал (в ответ): «О Донец! немало тебе величия, лелеявшему князя (Игоря) на волнах, ставшему ему зеленую траву на своих серебряных (покрытых серебристыми меловыми отложениями) берегах, оде-

вавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря) гоголем на воде (твой чуткий к приближению человека гоголь предупредил его об опасности), чайками на струях (твои чайки, поднимаясь при приближении человека с водных струй, предупреждали его о погоне), чернядами на ветрах (чуткими чернядами — нырковыми утками). Не такова-то, — говорит (он, князь Игорь), — река Стугна; мелкое течение имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная (благодаря этим «чужим», враждебным водам) к устью, юношу князя Ростислава заключила (она в себе). На темном берегу Днепра плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) уныли цветы от жалости, и дерево с тоскою к земле приклонилось».

Затем автор «Слова» описывает погоню за Игорем хана Гзак и хана Кончака. Природа сочувствует Игорю. Дятлы своим стуком в густых зарослях вокруг запрятанных в глубоких долинах рек указывают Игорю путь к рекам, где он мог спрятаться от погони.

«То не сороки застрекотали: по следу Игоря едут (разговаривая — «стрекоча») Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях речных долин) кажут путь к реке Игорю, да соловьи веселыми песнями рассвет возвешают».

Между ханом Гзаком и ханом Кончаком происходит спор, как поступить с сыном Игоря, оставшимся в плену.

«Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду летит, расстреляем соколенка (сына Игоря — Владимира) своими золочеными стрелами».

«Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женем его на половчанке)».

«И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой (станут русские вновь воевать против нас, если упустим заложника)».

Владимир, как известно, вернулся на Русь вместе с молодой женой — половчанкой. Автор «Слова» не мог этого не знать. Заканчивая воображаемый разговор хана Гзака и хана Кончака этими словами Гзака, автор «Слова», следовательно, как бы говорил, что ничто теперь не помешает «птицам» бить половцев в степи Половецкой.

После этого «Слово» переходит к радостной, полной веселья заключительной части. Князь Игорь нужен Русской земле, как телу нужна голова. Автор «Слова» говорит о приезде Игоря в Киев, о пении ему славы. Эту славу поют даже в отдаленных уголках Руси — в русских поселениях на Дунае, пение этой славы достигает Киева. Возвращению Игоря радуются и в сельских местностях, и в городах.

Автор провозглашает славу русским князьям — старым и молодым: Игорю, Всеволоду и Владимиру, также вернувшемуся из плена. Он провозглашает славу князьям и дружине, борющейся с врагами Русской земли.

«Сказали Боян и Ходына¹ — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого), старого времени Ярославова,

Олега-князя любимцы (любимцы сына этого Святослава Ярославича — Олега Святославича, «Гориславича»): «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы, (так и) Русской земле без Игоря».

«Солнце светится на небе — (а) Игорь князь во (всей) Русской земле». (То русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае — (но и оттуда) выются голоса (их) через море до (самого) Киева.

«(То) Игорь (вернувшись из плена) идет (в Киеве) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогощей. Села рады, города веселы (вся Русская земля, до далеких дунайских поселений, радуется возвращению Игоря).

«Певше песнь старым князьям, — потом и молодым (следует) петь: «Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, (а также молодому князю) Владимиру Игоревичу!»

«(Будьте) здравы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых (языческих) полков!

Князьям слава и дружине!

Аминь».

«Слово» заканчивается радостно и торжественно. «Слово» глубоко оптимистично по своей сущности. Рассказывая о трагических последствиях похода Игоря, оно зовет к действию, а не к пассивной скорби. Призывая к обороне, оно, в сущности, миролюбиво. Это призыв к защите труда простого населения всей великой Русской земли.

Чувство любви к родине в «Слове о полку Игореве», к страдающей и великой, могущественной и, одновременно, слабой Русской земле, как и всякое глубокое и искреннее чувство, бесконечно

¹ В первом издании «Слова о полку Игореве»: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣсноворца». Большинство исследователей чита-

ет это место так: «Рекъ Боянъ и Ходына», предлагая видеть в последнем еще одного певца времени Святослава.

Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. 1193—1197 гг.

меняется, приобретает все новые и новые оттенки в сочетании с другими чувствами. Оно как бы пульсирует и трепещет, проходя своеобразный путь развития от своего возникновения в начале произведения к конфликту с действительностью и далее к оптимистическому разрешению сперва в общем волевом подъеме, а затем в лирическом умиротворении заключительной части. Чувство это соединяется то с болью за судьбу русского войска, то с раздумьем о прошлом Руси, то с ненавистью к ее врагам, то с лирической задушевностью плача Ярославны, то с радостью по поводу освобождения Игоря. Безысходное вначале, оно находит примиряющую ее мысль в конце. Композиция «Слова» подчиняется и логике мысли, и своеобразной логике чувств.

«Слово», как мы видели, начинается с колебаний автора, приступающего к теме своего произведения. Эти колебания

очень важны композиционно. Они вносят в начальную часть «Слова» чувство неуверенности, смутной, еще очень неявно ощущаемой сильной опасности.

Это неопределенно тревожное начало сменяется поэтической завязкой «Слова». Чувство тревоги, непрерывно возрастающая, находит конкретное объяснение: мужественная решимость Игоря выступить в поход, гордые речи его брата Всеволода Буй Тура сочетаются с картиной затмения солнца — зловещего предзнаменования, создающего ощущение какой-то обреченности. Небольшое русское войско отправляется навстречу неминуемой гибели. Тревожное чувство растет и захватывает всю природу: походом Игоря, сочувственно или враждебно, встревожены звери, птицы. Тревога ширится и распространяется к Волге, к Поморью, к Посулью, доходит до Сурожа, Корсуни и Тмуторокани. Горестно и лирично звучит прощание русского войска с родной землей: «О Русская земля! уже за шеломянемъ еси!»

Чувство тревоги, доведенное до высшего напряжения, сменяется тяжелым чувством скорби, мертвой, предгрозовой тишины, внезапно наступающей после тревожных звуков движущихся врагов, — скрипа их несмазанных телег, воя волков, лая лисиц и клекота орлов. Автор «Слова» описывает долго меркнущую ночь, погасающую зарю, замолкающий щебет соловьев. Наступает утро, и вместе с утром приходят бодрые мотивы: русские побеждают в первой стычке с врагом.

Богатая добыча заглушает у воинов чувство тревоги, но оно не оставляет автора «Слова»: он размышляет о судьбе «Ольгова хороброго гнезда» — слишком далеко оно зашло в степь. Тревожное чувство вновь овладевает всей природой: кровавые зори и черные тучи, идущие от моря, подземные стуки и мутно текущие реки символизируют собой движение несметных сил половцев, но с приближением настоящей угрозы растет новая те-

ма — беззаветного мужества небольшого русского войска. Нет больше лирических размышлений о том, как далеко позади осталась Русская земля. Устрашающему клику «детей бесовых» русские с героической решимостью молчаливо противопоставляют сомкнутый строй своих червленых щитов.

Драматическое напряжение чувства достигает в этом месте «Слова» своей кульминации. Тема мужества полностью овладевает произведением. Оно воплощается в подвигах Всеволода Буй Тура. В пылу битвы, в боевом задоре забыто все: и мирные княжеские обязанности, и любимая жена — красавица Глебовна, ее «свычай и обычай».

Драматический конфликт воли к победе русских и неминуемости их поражения не может быть разрешен обычными средствами. Автор как бы не в состоянии сообщить своим читателям о поражении русских; и здесь закономерно, в силу логики самого развития чувств, возникает первое историческое отступление автора. Обращение к истории снова вводит лирическую тему, но тему лирики гражданственной. Автор вспоминает, какие были еще битвы на Руси, и останавливается по преимуществу на тех из них, которые были связаны с внутренними раздорами русских князей. Он обращается к родоначальнику ольговичей — Олегу Святославичу («Гориславичу») и, вспоминая о его битвах, вводит погребальные темы: на обезлюдившей земле редко были слышны покрикивания пахарей, но часто слышалось карканье воронов и говор галок над трупами павших людей.

Эти погребальные мотивы возвращают мысли автора к битве Игоревых полков. Горечь поражения, как и горечь утраты: в утрату и поражение трудно поверить. Автор «Слова» не верит тому, что он слышит сам — издали рано поутру с далекого поля битвы. Он как бы не может назвать то, что произошло, он

прибегает к частым иносказаниям: он говорит о разлуке братьев на берегу быстрой Каялы, об окончившемся пире, о нехватившем на этом пиру кровавом вине, описывает горе всей природы.

Мысль автора от погибших закономерно обращается к тем, кто остался в живых, как она обращается обычно и в народных плачах. Он говорит о несчастье, постигшем всю Русскую землю. Чувство нестерпимого горя заставляет его все время мысленно переноситься от погибших к оставшимся в живых и от живых снова к погибшим. Говоря о погибших, он вновь возвращается к теме далеко залетевшего «гнезда Ольгова», к безвременности и невозвратимости утраты («А Игореву храброго плъку не крѣсити!»). В этих сложных переборах чувств, обращенных то к мертвым, то к живым, постепенно побеждает тема живых, она сочетается с гражданскими мотивами. Снова мысль автора стремится осознать происшедшее в широких границах всей русской истории. На этот раз автор рисует поражение Игоря на фоне недавней победы Святослава. Он готов упрекнуть двух «храбрых Святославичей» — Игоря и Всеволода, своим безумием сведших на нет блестящую победу Святослава над половцами.

Воспоминание о победах Святослава направляет мысль автора к сердцу Русской земли, к Киеву, и заставляет его рассказать, как там, в Киеве, было получено известие о поражении Игоря. Этому известию предшествовали предчувствия самого Святослава. Сон разгадан: бояре сообщают Святославу о поражении. Тема поражения вновь предстает во всей своей силе. Гражданский пафос автора «Слова» растет. Автор рассказывает «золотое слово» Святослава, сказанное им по поводу поражения Игоря. «Золотое слово» Святослава постепенно переходит в обращение самого автора «Слова» ко всем русским князьям выступить в поход за Русскую землю, отомстить за пораже-

ние Игоря. Голос автора крепнет, мужает, обретает бодрость. В этом высоком гражданском подъеме находят разрешение все тяжелые переживания автора. Он уже не говорит о себе. Темы горя, скорби, тревоги все отступают и отходят в сторону перед всепобеждающей волей к победе, к требованию этой победы. Чувства автора отныне подчинены воле, он становится оратором в большей мере, чем лириком, он подчиняет чувства мысли, он подавляет в себе скорбь ради сознания долга и веры в лучшее будущее.

Это наиболее крупная часть «Слова», объединенная единым настроением, единой волей и мыслью.

Когда, таким образом, все чувства автора и читателей подчинены волевому началу, гражданскому долгу, наступает один из самых смелых и художественно оправданных переходов в «Слове»: в строй вступает наиболее личная и наиболее нежная и задушевная тема, глубоко народная и мягко печальная; в общем

хоре голосов выделяется мягкий и задушевный, лирический голос Ярославны. Нежный и лирический голос Ярославны несет с собой примирение чувствам, он смягчает горечь утрат и поражения. Скорбь Ярославны светлая, полная надежды. Плач Ярославны позволяет автору перейти к рассказу о судьбе Игоря; быстрый ритм бегства, погони предвещает радостный финал: Игорь в Киеве и народ поет славу Игорю, русским князьям и русской дружине.

Такова удивительная по своей музыкальной стройности логика поэтической композиции «Слова». Внешне, казалось бы, прерывистая и дробная композиция «Слова» внутренне, в своей эмоциональной сфере, поразительно цельна и последовательна. «Слово» раскрывается читателю как произведение, строго подчиненное законам поэтического развития темы. Это поэтическое развитие учитывает прежде всего смену чувств, но чувств, непосредственно связанных с мыслями автора, с его идеями.

ПРИРОДА

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

К какому художественному жанру относится «Слово»?

Созданное сразу после событий Игоря похода, «Слово» было непосредственным откликом на них. По точному выражению К. Маркса, «суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»¹.

«Слово» не столько повествует о событиях Игоря похода, сколько их обсуждает, дает им оценку. Оно говорит о них как о хорошо известных читателям. Это горячая речь патриота — речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращаясь к событиям живой современности, то вспоминающая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в родину, полная гордости ею, уверенности в ее будущем². В самом деле, в «Слове» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи, терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности, доступных и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор «Слова» постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их

«братия» («Не лѣпо ны бѣшетъ, братие...», «почнемъ же, братие...»).

В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников, и людей прошлого. Он обращается к Бояну: «О Бояне, соловию старого времени! абы ты сиа плѣкы ущекоталь». Он обращается к Буй Туру Всеволоду: «Ярь туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными!» Он обращается к Игорю, к Всеволоду Суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам и т. д. Описывая печальные предзнаменования, которые предшествовали походу Игоря и сопровождали Игоря на его роковом пути, он как бы хочет остановить его и тем самым вводит читателя в тревожную обстановку похода. Он прерывает самого себя восклицаниями скорби: «О, Русская землѣ уже за шеломанемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицеи рати не слышно!» Все это создает впечатление непосредственной близости автора «Слова» к тем, к кому он обращается. Эта близость переходит за грань близости писателя к своему читателю, — это близость скорее оратора к своим слушателям. Автор «Слова о полку Игореве» ощущает себя произносящим свое произведение, а не пишущим его.

Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское про-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 29, с. 16.

² О «Слове» как об ораторском произведении см.: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красно-

речия Киевской Руси.— В кн.: «Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

Праведные жены. Деталь росписи
Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

изведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены только жанровые признаки ораторского «слова» — все равно, рассчитанного для произнесения или только для чтения. Не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения. Во всяком случае, лирики, непосредственной передачи своих чувств и настроений в «Слове» больше, чем можно было бы ожидать от произведения ораторского. Исключительно сильна в «Слове» и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что сам автор «Слова», хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных и нам ораторов XI—XII вв., а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент струнного инструмента, по-видимому гуслей. Автор «Слова» до известной степени противопоставляет свою манеру манере Бояна (автор обещает начать свою «песнь» «по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню»), однако это противопоставление

потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам.

Народно-песенное начало выражено в «Слове» сильно и глубоко. Отдельные части «Слова» очень близки к хвалебным песням, слагавшимся в честь того или иного героя — князя или воина, — «славам», другие — народным «плачам». Не случайно эти славы и плачи так часто упоминаются в «Слове». С этими плачами и славами в значительной степени связана и стилистика «Слова» — ее народная основа (см. главу «Слово и народная поэзия»).

В искусстве слова существуют две жанровые системы: жанры письменные и устные, литературные и фольклорные. Литературные жанры — это летопись, поучения, жития, повести, сказания и т. д.; народно-поэтические жанры — былины, исторические песни, лирические песни, обрядовые песни, сказки, поговорки и т. п. Точное определение жанра «Слова» требует точного же отнесения «Слова» либо к устной народной поэзии, либо к литературе. Между тем сделать это нельзя: «Слово» совмещает в себе и устную народную стихию, и письменную традицию почти в равной степени. «Слово» — произведение ни чисто устно-поэтическое, ни чисто литературное. Правда, в литературное произведение вносятся иногда элементы народной поэзии, и оно остается тем не менее произведением литературным. Бывает и так, что в народное произведение вносятся книжные элементы и оно остается народным. Что преобладает в «Слове» и можно ли заявить, что «Слово» — произведение только литературное или только фольклорное?

«Слово» — произведение письменное, но значит ли это, что на основании только этого признака мы не должны связывать его с фольклором? Есть фольклорные произведения, записанные собирателями и оттого не переставшие быть фоль-

кларными. Очевидно, что сам автор «Слова» написал свое произведение, но это не значит, что он мыслил его только как письменное. Он творил свое произведение в устных народно-поэтических формах ничуть не меньше, чем в литературных¹. Вернее всего, что «Слово» в равной мере принадлежит литературе и фольклору. Отсюда неясность жанровой принадлежности «Слова». Принадлежа одновременно к двум системам жанров, «Слово» ломает рамки обоих. И в этом нет ничего удивительного: гениальные произведения очень часто выходят за пределы жанровых ограничений. Как произведение литературное, книжное «Слово о полку Игореве» ближе всего стоит к форме письменных ораторских произведений. Как произведение, теснейшим образом связанное с устной народной поэзией, оно стоит ближе всего к народным плачам и прославлениям. Первой своей стороной — книжно-ораторской — оно связано с тем его идейным содержанием, которое отчетливее всего выражено в обращениях к князьям с предложением организации военного похода против половцев «за землю Русскую, за раны Игоревы». Второй своей стороной — устно-народной — оно главным образом связано с тем идейным содержанием «Слова», которое обращено к широкому общественному мнению, к мнению общенародному и призывающему всех русских людей сплотиться в борьбе со страшной внешней опасностью. В формах ораторского искусства автор обращался по преимуществу к конкретным лицам, к конкретным князьям, как обращаются с речью к непосредственным слушателям. Внося же в свое произведение элементы народ-

ного плача и прославления, широко прибегая к понятиям «слава», «честь», «хвала», «хула», автор «Слова» имел в виду всех возможных слушателей или читателей своего произведения — всех русских людей, для которых народно-поэтическая форма выражения была привычной, знакомой с детства, была родной и национальной.

В скрещении этих двух линий — сложность идейно-жанровой природы «Слова».

Таким образом, «Слово о полку Игореве» — это призыв к единению, призыв певца-поэта. Оно было, несомненно, написано автором, но автор чувствовал свою связь с устным словом, с устной поэзией; автор чувствовал свое произведение произнесенным. Написанное, оно сохраняет для нас все обаяние живого, устного слова — слова горячего, убеждающего, полного самой искренней, самой задушевной, сердечной любви к родине, полного веры в тех, к кому оно обращалось.

Призыв к единению выражен в «Слове» то косвенно, то прямо. Прямо выражен призыв в «золотом слове» Святослава Киевского, продолженном обращением самого автора «Слова» к русским князьям: владими́ро-суздальским, полоцким, галицким и т. д. Всех их автор «Слова» считает причастными общему русскому делу — защите южных границ Руси.

Последовательность, в которой автор «Слова» обращается к русским князьям, лишена местничества или узкородовой точки зрения. Автор «Слова» не учитывает ни родственных отношений, ни сте-

¹ О народно-поэтических элементах в «Слове о полку Игореве» см.: Андреев Н. П. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — «Народное творчество», 1938, № 5; Соколов Ю. М. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — «Литературный кри-

тик», 1938, № 5; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. Адриановой-Перетц В. П. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

пени важности княжеств. Ему ничего не стоит обратиться сперва к племяннику, а потом к дяде (к Владимиру Глебовичу, а затем к Всеволоду Суздальскому), к ольговичам вперемешку с мономаховичами, к смоленским князьям (Рюрику и Давыду Ростиславичам) прежде, чем к Ярославу Осмомыслу. Скорее всего, последовательность здесь живая, непосредственная, лишенная особых расчетов и этикета. Он обращается прежде всего к тем князьям, чьего участия в будущем походе он больше всего добивается, от кого прежде всего ждет отклика. При всем величии своего патриотического воодушевления, автор «Слова» реалист в политике.

Автор «Слова» по-разному оценивает политические перспективы отдельных русских княжеств. Отмечая (и при этом почти пророчески) растущую силу Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской земель, он с горькой иронией дает совет полоцким князьям: «понижити стязи свои, вонзите мечи свои вережены». Действительно, положение полоцких княжеств, ослабленных междоусобной борьбой, было очень печальным. В этих междоусобных битвах они должны были признать свое поражение.

Меньше других автор «Слова» обращается к Всеволоду Юрьевичу Суздальскому. Он отмечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издача отня злата стола поблюсти?» И этим верно определен поворот в политике владимирских князей, наступивший во второй половине XII в. Дело в том, что в отличие от своего отца Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский порывает с Киевом, за обладание которым боролся его отец, и уходит к себе на север. Здесь, на севере, Андрей делает ряд попыток создать новый центр Руси. Политику Андрея решительно продолжил его брат Всеволод.

«Ты бо можеша Волгу веслы раскрыпяти» — в этих словах автора «Слова» подчеркнута и многочисленность войска Всеволода, и его успешная борьба с волжскими болгарами (1183 г.).

Наконец, полны исторического значения и заключительные слова обращения к Всеволоду: «Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы», под которыми, очевидно, подразумеваются сыновья Глеба Ростиславича Рязанского, которых Всеволод держал в своей власти.

В призыве к Рюрику и Давыду Ростиславичам автор касается лишь одной характерной особенности — их храброй дружины. Так оно, очевидно, и было: Рюрик и Давыд провели беспокойную жизнь. Рюрик неоднократно появлялся на киевском столе, захватывая его военной силой. Не раз ходил Рюрик и на половцев, только недавно, в 1183 г., нанес он половцам жестокое поражение на реке Хирии (или Хороле?). Ходил Рюрик на половцев и в 1185 г. Эти войны с половцами, очевидно, и имеет в виду автор «Слова», когда пишет: «Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?»

Обращаясь к Ярославу Осмомыслу Галицкому, автор «Слова» верно указывает на его силу: наряду с княжеством Владимиро-Суздальским Галицкое княжество было явно на подъеме своего могущества. Ослабление Киева и Чернигова в XII в. шло параллельно росту могущества княжеств Владимиро-Суздальского и Галицкого. Автор «Слова» называет престол, на котором сидит Ярослав Осмомысл, «златокованным», и это не случайно. Здесь, как и во многих других случаях, в «Слове» поражает исключительная точность и многозначность подбираемых им выражений. Термин «золотой» может в равной степени означать и золоченый, и сделанный из сплошного золота. Княжеский стол в Киеве назван «золотым». Он золотой

прежде всего по своему значению, а может быть, и потому, что реальный стол в Киеве был золотым или золоченым. Зато стол галицкий назван «златокованным», сделанным из сплошного золота, и этим подчеркивается богатство престола, а следовательно, и богатство Галича. Действительно, из всех княжеств Руси XII в. Галицкое было самым богатым вследствие выгодного для Галича перемещения в XII в. торговых путей, соединявших север и юг Европы, — из Поднепровья, где их прервали половцы, на Запад — в безопасные районы Галицкого княжества. Усиление в XII в. галицких городов было вызвано их увеличившимся торговым значением.

Следующий затем призыв обращен к «буй Роману и Мстиславу». Буй Роман — Роман Мстиславич. Это ясно из перечисления его побед над Литвой, ятвягами, деремелой и половцами. Из Романов, современников автора, только Роман Мстиславич Галицкий ходил на все эти народы. Именно для его войска было характерно и латинское вооружение («суть бо у ваю желѣзныи паробци подѣ шеломы латиньскими»). Но кто такой Мстислав, по всему судя близкий к Роману, деливший его победы? Это мог быть и Мстислав Ярославич Пересопницкий, и Мстислав Всеволодович Городенский.

Затем автор «Слова» обращается к Ингварю и Всеволоду и ко «всем трем Мстиславичам». Ингварь и Всеволод — это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; но кто такие «вси три Мстиславичи»? Это сыновья Мстислава Изяславича — Роман, Святослав и Всеволод. Как уже было сказано, Мстиславичи эти пользовались постоянной помощью от Польши. Они были по матери полуполяками — внуками польского короля Болеслава Кривоустого. Вот почему в обращении к ним автор «Слова» говорит: «Кое ваши златыи шеломы и сулицы ащкы и щиты?»

Дойдя в своем обращении ко всем русским князьям до князей полоцких, автор «Слова» ограничивается в отношении их лишь призывом прекратить раздоры с остальными русскими князьями.

Обращает на себя внимание отсутствие призыва к Новгороду Великому. На первый взгляд это кажется странным, но на самом деле это показывает в авторе «Слова» реального политика. Это не означает, что автор «Слова» считал Новгород вне пределов Русской земли. Выражение «расшибе славу Ярославу (новгородскому князю)» показывает, что автор «Слова» вводил Новгород в круг русских исторических традиций и, следовательно, не исключал его из числа русских городов. Дело в том, что во главе Новгорода стоял не князь, который худо ли, хорошо ли, но все же мог быть в XII в. представителем общерусских интересов, а боярская олигархия, которая была связана только со своей землей и для которой общерусские интересы были совершенно чужды. Обращаться к ней было бесполезно, и автор «Слова» не сделал этого. Ни разу еще в XII в. новгородские войска не участвовали в общерусских походах. Узко местные интересы преобладали в среде новгородского боярства и купечества. Отсюда можно заключить, что обращения автора «Слова» не были только литературной формой. Автор «Слова» обращался к конкретным князьям с призывом к конкретному походу и к конкретному союзу против степи.

Только ли к русским князьям направлял свой призыв автор «Слова»? Конечно, нет. «Слово» было обращено к общественному мнению всего русского народа, ко всем лучшим русским людям. Вот почему это общественное мнение занимает такое большое место в «Слове» и вот почему автор «Слова» постоянно говорит о чести, славе, хвале и хуле. Дру-

«Богоматерь Владимирская». Деталь.
XI — первая половина XII в.

жинные представления о чести и славе отчетливо дают себя чувствовать в «Слове о полку Игореве». «Слово» буквально напоено этими понятиями. Все русские князья, русские воины, города и княжества выступают в «Слове» в ореоле славы или хулы. В ореоле славы «сведомыхъ къметей» выступают куряне, в ореоле славы («звонячи въ прадѣдную славу») выступают черниговцы, в ореоле славы выступает дружина Рюрика и Давыда Ростиславичей и т. д.

Давая несколько гиперболические отзывы о русских князьях (о Всеволоде Юрьевиче Владимиро-Суздальском, о Ярославе Осмомысле Галицком и др.), автор «Слова» делает это, как бы пересказывая молву о них. Поисками славы объясняет автор многие из действий русских князей, в частности и поход Игоря Святославича. Собираясь на половцев, Игорь и его брат Всеволод сказали:

«Мужаимъся сами: переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ». В ночь перед битвой русичи Игоря перегородили своими червлеными щитами великие поля, «ищучи себѣ чти, а князю славы». Именно так понимает в «Слове» побудительные причины к походу Игоря и сам Святослав Киевский: «Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати». Неоднократно говорится в «Слове» и о дедней славе, славе родовой, княжеской: Изяслав Василькович «притрепа славу дѣду своему Всеславу», Всеслав Полоцкий расшиб славу Ярослава — славу новгородскую и т. д.

Наконец, в «Слове» неоднократно упоминается и о пении той самой славы — хвалебной песни, в которой как бы находило себе воплощение понятие «слава» — народная молва, известность. «Славу», т. е. хвалебную песнь, поют окружающие Русь народы Святославу Киевскому.

При возвращении Игоря из плена ему поют славу «дѣвици» «на Дунаи». Сам автор «Слова» заключает свое произведение провозглашением славы князьям и дружине.

Каково, однако, отношение самого автора «Слова» к понятиям «слава», «честь», к народной молве? Свои суждения автор «Слова» не отделяет от общественного мнения. Выразителем общественного мнения он себя и признает, стремясь передать свою оценку событий, свою оценку современного положения Руси как оценку общенародную. Но при этом то общественное мнение, которое он выражает, является общественным мнением лучших русских людей его времени.

Автор «Слова» в нормах феодального поведения, в дружинных представлениях о чести и славе, в идеологии верхов феодального общества наполняет своим, более широким, патриотическим содержанием понятия «честь», «слава», «хвала» и «хула». За поиски личной славы

он осуждает Игоря Святославича и его брата Всеволода, Бориса Вячеславича и других русских князей. Однако во всех тех случаях, где речь идет о славе в более широком патриотическом значении, автор «Слова» сочувственно говорит о ней. Честь и слава родины, русского оружия, князя как представителя всей Русской земли волнует автора «Слова» прежде всего. Отсюда ясно, что подлинный смысл призыва автора «Слова», может быть, заключается не только в попытке организовать тот или иной поход, но и в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные узко-

феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести и мщенья ими за личные обиды.

Задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей для борьбы за единство Русской земли. Вот почему автор «Слова» так часто и так настойчиво об этом общественном мнении напоминает. Эта задача была рассчитана не на год и не на два. В отличие от призыва к организации военного похода против половцев, она могла охватить своим мобилизирующим влиянием по крайней мере целые столетия — вплоть до монголо-татарского нашествия.

АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ»

Каким же представлялось автору «Слова» то единство Руси, к которому он звал своих читателей? Единство Руси мыслилось автором «Слова» не в виде прекраснородного идеала союзных, «доброродских» отношений всех русских князей на основе их доброй воли. Само собой разумеется, что нельзя было просто уговорить русских князей перестать враждовать между собою. Тем более, что каждый из князей был уверен, что стоит за порядок, за соблюдение прав вассалов и сюзеренов. Нужна была такая сильная центральная власть, которая могла бы скрепить единство Руси, сделать Русь мощным государством.

Автор «Слова» — сторонник сильной княжеской власти во имя обуздания произвола мелких князей, во имя единства Русской земли с центром в Киеве, возглавляемым киевским князем, рисуемым ему в чертах сильного и «грозного» властителя. Автор «Слова» настаивает при этом на строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему золотому киевскому столу. Он наделяет киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он «грозный» и «великий». На самом деле Святослав «грозным» не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами.

Не следует думать, что перед нами обычная придворная лесть. Автор «Слова» выдвигает киевского князя в первые ряды русских князей только потому, что

Киев все еще представляется ему центром Русской земли — если не реальным, то во всяком случае идеальным. Он не видит возможности нового центра Руси на северо-востоке, например во Владимире-Залесском. Киевский князь для автора «Слова» — по-прежнему глава всех русских князей. Автор «Слова» видит в строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему золотому киевскому столу одно из противоядий против феодальных усобиц, одно из средств сохранения единства Руси. Слово «великий», часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название «великого князя» присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Слово же «грозный» и «гроза» очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти, — Ивана III и Ивана IV). Слово «гроза» для обозначения силы могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в.

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в образах разных князей рисует тот же собирательный образ сильного, могущественного князя: могучего войском (Всеволод Суздальский — «многовой»), сильного судом (Ярослав

Осмомысл — «суды рядит до Дуная»), вселяющего страх пограничным с Русью странам («ты бо можеш Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти», — обращается он к Всеволоду; «подперъ горы угорскыи своими желъзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота», — говорит он о Ярославе Осмомысле), распространяющего свою власть на громадную территорию с центром в Киеве («аще бы ты былъ»... на юге, — говорит он Всеволоду), славного в других странах («ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъ-славлю»).

Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти. Эта идея сильной княжеской власти, с помощью которой должно осуществляться единство Русской земли, только еще рождалась в XII в. Впоследствии такой же образ «грозного» великого князя создаст «Слово о погибели Русской земли». Он отразится в «Житии Александра Невского», в «Молении Даниила Заточника» и в других произведениях XIII в.

Очень важно, что эти новые воззрения на князей, осознание необходимости могучей и «грозной» княжеской власти были прежде всего характерны для эксплуатируемых слоев городского и отчасти сельского населения. Они по преимуществу определялись на северо-востоке Руси, во Владимиро-Суздальском княжестве, и именно здесь, на северо-востоке, в сердце эксплуатируемых классов отразились в создании новой политической терминологии, употребляемой и автором «Слова». В самом деле, начиная с 70-х годов XII в. в политической жизни входит в употребление обращение к князю «господин», применяемое и в «Слове о полку Игореве». До того термин «господин» употреблялся лишь в области владельческих отношений: так называли владельца холопов, хозяина закупов. В политической жизни термин «госпо-

дин» впервые начинает употребляться жителями владими́ро-суздальских городов. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы в 1176 и 1177 гг. (см. Никоновскую летопись), так называют его же под тем же 1177 г. ростовцы (там же) и т. д. В 1180 г., по-видимому впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращения к своему главе. Так именовали Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи. «Ты, господин, ты, отец, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья — брат ваю старейший Роман уимает волости у наю, слушая тестя своего Святослава, а к тебе крест целовал и преступил» (Ипатьевская летопись). По-видимому, новые отношения безусловного подчинения, сложившиеся на северо-востоке между владими́ро-суздальским князем и подручными ему рязанскими князьями, потребовали для своего определения и нового термина, в котором уже было отмечено всякое «родственное смягчение» политических понятий, столь характерное для старой терминологии — «отец», «сын», «брат».

Этот новый политический термин, отразивший на северо-востоке рост власти феодального главы над стоящими ниже его по лестнице феодального подчинения князьями, начинает употребляться не только одними рязанскими князьями по отношению к Всеволоду Юрьевичу.

Всего десять лет спустя, в 1190 г., сын Ярослава Осмомысла — Владимир Галицкий — в своей просьбе к Всеволоду Суздальскому прибег к аналогичному обращению: «Отце господине! Удержи Галич подо мной, а яз божий и твой есмь со всим Галичем, а в твоей воле есмь всегда» (Ипатьевская летопись). Энергичность нового политического термина поддержана в этой просьбе необычною степенью покорности, на которую

соглашается Владимир Галицкий: «яз божий и твой».

Итак, перед нами новая политическая терминология, выросшая первоначально в «демократической» среде. Нет сомнения в том, что именно этому новому представлению о власти феодальной главы, возникшему на северо-восточной социально-экономической почве, а не старому, принадлежало будущее. Именно этим новым представлениям предстояло перерасти в дальнейшем в идею сильной и единой власти государя «всея Руси», подлинной носительницей которой стала впоследствии Москва.

Сам автор «Слова о полку Игореве» отчетливо придерживается этой новой точки зрения на власть феодальной главы, которая была прежде всего характерна для поддерживавших сильную княжескую власть горожан. В научной литературе о «Слове» на это не было обращено должного внимания. Автор «Слова» называет «господами», этим новым политическим термином, начавшим входить в политический язык XII в., Рюрика и Давыда Ростиславичей и Ярослава Осмомысла Галицкого («Вступи-та, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени», «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея»).

Вместе с тем автор «Слова» подчеркивает могущество русских князей, их власть над другими русскими князьями, а не их права самостоятельности. Опору единства Руси он видел во власти феодальной главы и ни словом не обмолвился о феодальных правах их подчиненных князей.

Конечно, идея сильной княжеской власти не слилась у автора «Слова» с идеей единовластия. Для этого еще не было реальной исторической почвы. Автор «Слова» видит своего могущественного великого князя действующим совместно со всеми остальными князьями, но в подчеркивании подчиняющихся линий феодальной власти нельзя не за-

метить некоторых намеков на идею единовластия киевского князя.

В XII в. сильная княжеская власть едва только начинала возникать, ей еще предстояло развиваться в будущем, однако автор «Слова» уже понял ее значение, стал на ее сторону и уловил в ней зачатки будущего.

Итак, для автора «Слова» «грозный» киевский князь — представление идеальное, а не реальное. При этом, что особенно интересно, для автора «Слова» дороги все притязания русских князей на Киев. Нет сомнений в том, что он считает Святослава, силу которого он гиперболизирует, законным киевским князем. И вместе с тем, игнорируя вотчинное право на Киев Святослава Всеволодовича, он пишет, обращаясь к Всеволоду Большое Гнездо — князю, принадлежавшему ко враждебной ольговичу Святославу монархической линии русских князей: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? (т. е. стол киевский!) ...Аже бы ты былъ (в Киеве!), то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ». В этом обращении к Всеволоду все неприемлемо для Святослава и все обличает в авторе «Слова» человека, занимающего свою, независимую, а отнюдь не «придворную», позицию: 1) титулование Всеволода «великим князем», 2) признание киевского стола «отним» столом Всеволода и 3) призыв прийти на юг, если только не рассматривать этот призыв как простой призыв о помощи Святославу. Каким образом может это совместиться с позицией автора как сторонника ольговичей? Суть здесь, очевидно, в том, что новая политика Всеволода — политика отчуждения от южнорусских дел — казалась автору опаснее, чем его вмешательство в борьбу за киевский стол. Всеволод, в отличие от своего отца Юрия Долгорукого, стремился утвердиться на северо-востоке, заменить гегемонию Киева гегемонией Вла-

димира Залесского, отказался от притязаний на Киев, пытаясь из своего Владимира руководить делами Руси. Автору «Слова» эта позиция Всеволода казалась не общерусской, — местной, замкнутой, а потому и опасной. /

Так же точно автору «Слова» казалась опасной слишком местная политика Ярослава Галицкого, и он подчеркивает его могущество и власть над самим Киевом: «отворяеши Киеву врата», — говорит он о Ярославле Галицком. Слова, казалось бы, не совместимые с представлениями о могуществе Святослава Киевского, невозможные в устах «придворного поэта» ольговичей, но простые и понятные для человека, страдающего за Киев как за центр Русской земли, стремящегося привлечь к нему внимание замкнувшихся в местных интересах князей.

Знание глубочайших исторических явлений, происходивших в Галицкой земле и Владимиро-Суздальской, при этом поразительно. От автора «Слова» не ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси.

Однако автор «Слова» не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. Да это вряд ли было бы возможно от него и требовать. Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он еще понимает в устоявшихся представлениях XII в. Он уже видит значение сильной княжеской власти, но права первого князя на Руси еще обосновывает необходимостью строгого выполнения права феодального, подчеркивая в нем подчиняющие линии, права сюзерена, а не вассала. Он уже признает силу владимиросуздальского князя, но предпочитает его видеть на юге — в Киеве.

Те же представления о Киеве как о центре Русской земли пронизывают со-

Шлем Ярослава Всеволодовича. Начало XIII в.

бой все изложение «Слова». Поразительна, например, точность выбора выражений в характеристике последствий поражения Игоря: «а вьстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями». Черниговская земля, действительно, подвергалась «напастям», реальным несчастиям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подвергались; «туга» — тоска, печаль, — за всю Русскую землю распространялась здесь как в центре Руси; Киев страдает, следовательно, не собственными несчастиями, а несчастиями всей Русской земли.

Роль Киева как центра Русской земли особенно отчетливо выступает в заключительной части «Слова о полку Игореве». Согласно летописи, Игорь по возвращении из плена в Новгород Северский едет в Чернигов к Ярославу Святославичу, а затем уже из Чернигова отправляется в Киев к Святославу Все-

володовичу. «Слово о полку Игореве» не упоминает ни о его пребывании в Новгороде Северском, ни о его пребывании в Чернигове: Игорь прямо едет в Киев к богородице Пирогощей. И в этом появлении Игоря прямо в Киеве у Святослава нельзя не усмотреть тенденции автора «Слова»: Игорь — русский князь прежде всего, важно его возвращение в Киев, а не в Новгород-Северский. Славу ему поют не в Новгороде или Путивле, а всюду на Руси — до Дуная, где находились отдаленные русские поселения, отрезанные от остальной Руси половцами, ибо радость по поводу его возвращения общерусская, а не какая-либо местная. Пение этой славы достигает от Ду-

ная Киева. Его возвращение встречает отклик во всех русских сердцах, даже и тех, которые были заброшены на крайний юго-запад русского мира. Но отклик находят киевские, т. е. общерусские события, а не какие-либо местные. Это пение девиц на Дунае противостоит пению готских дев, радующихся русскому поражению. Поражение или победы русских имеют всесветный отклик.

Итак, единство Русской земли мыслится автором «Слова» с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем, рисуемым ему в чертах сильного и «грозного» князя. Политические представления автора «Слова» точно соответствуют своему времени.

Свой призыв к единению, свое чувство единства родины автор «Слова» воплотил в живом, конкретном образе Русской земли. Героем «Слова» является не какой-либо из князей, а русский народ, Русская земля. К ней, к Русской земле, обращена вся полнота личных чувств автора «Слова». Образ Русской земли — центральный в «Слове»; он очерчен автором широкой и свободной рукой.

Автор «Слова» рисует обширные пространства Русской земли. Он ощущает родину как единое огромное и живое существо.

Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), «синее море», Дон, Волга, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Рось, Сула, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др. — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не выключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а половцев, литву, ятвягов и деремелу (литовские племена) — быть непосредственно втянутыми в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному за свой политический ум Осмо-

мыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обзревает происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чрезь море до Киева». Одновременно с походом Игоревы войска двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их немазанные телеги.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав доткнулся копием до золотого престола киевского, отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, на утро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава. Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал, до петухов, Тмуторокани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторг поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В необъятных просторах Руси могущество героев «Слова» приобретает гиперболические размеры: Владимира Святославича нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Ярослав Галицкий подпер горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого. Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щебет соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором развертывается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Ярославна обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы насады до Кобякова стана, к солнцу, которое всем тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора его историю, «страны» (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности. Донец стелет бегущему из плена Игорю зеленую постель на своих серебряных берегах, одевает его теплым туманом, сторожит гоголями и дикими утками.

Чем шире автор «Слова» охватывает своим умственным взором Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (орлы, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому», вороны несутся к синему морю и т. д.); ветер и отдаленное море подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора, подробности походной жизни, степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной Половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Русская земля для автора «Слова» — это, конечно, не только «земля» в собственном смысле этого выражения, не только русская природа, русские города, это в первую очередь народ, ее населяющий.

Автор «Слова» говорит о мирном труде русских «ратаев» — пахарей, нарушенном усобицами князей; о женах русских воинов, оплакивающих своих мужей, павших в битве за Русь; о горе всего русского народа после поражения Игоря, о гибели достояния русского народа, о радости жителей городов и сельских местностей при возвращении Игоря. Войско Игоря Новгород-Северского — это прежде всего «русичи», русские сыны, они идут на половцев за родину, переходя границу Руси, они прощаются с родиной — с Русской землей в целом, а не с Новгород-Северским княжеством, не с

Курском или Путивлем: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!».

Вместе с тем понятие родины включает для автора «Слова» и ее историю. В зачине к «Слову» автор говорит, что он собирается вести свое повествование «отъ стараго Владимирера (Владимира I Святославича) до нынѣшняго Игоря». Излагая историю несчастного похода на половцев князя Игоря, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование, «свивая славы оба полы сего времени» — постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с настоящим. Автор вспоминает века Трояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена «стараго Владимирера» Святославича.

Итак, Русская земля, в описании которой объединились лирика и публицистика, — основной художественный образ «Слова». Широта кругозора — идейного и художественного — основа творческого метода автора. Трудно подобрать в средневековье другую художественную манеру, которая с такою живостью позволила бы конкретно изобразить всю необъятную Русь, вызвать к ней сочувствие, возбудить русских людей на ее защиту.

«Слово о полку Игореве» — произведение удивительно цельное. И именно эта цельность, совершенная законченность делает «Слово» произведением единственным и неповторимым.

Отношение автора «Слова о полку Игореве» к русским князьям двойственное. Он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами и скорбя об их неудачах. Однако вместе с тем автор «Слова» с осуждением говорит об их эгоистической узкоместной политике и раздорах.

На примере Игоря Святославича Новгород-Северского автор показывает несчастные последствия отсутствия еди-

нения. Игорь действует по феодальной формуле: «мы себе, а ты себе». Слова Святослава Киевского, обращенные к Игорю Святославичу, характеризуют в известной мере и отношение к нему автора «Слова». Святослав говорит, обращаясь к Игорю и Всеволоду: «О, моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей серебряней сѣдинѣ?.. Нѣ рекосте: «Мужаймѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ! А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло — княже ми непособие: наниче ся години обратиша».

По существу, весь рассказ в «Слове» о походе Игоря выдержан в этих чертах его характеристики Святославом: храбрый, но безрассудный Игорь идет в поход, несмотря на то что поход этот с самого начала обречен на неуспех. Он идет, несмотря на все неблагоприятные «знамения». Основным побуждением его при этом является стремление к личной славе. Желание этой личной славы «заступает ему знамение». Ничего не останавливает Игоря на его роковом пути.

В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями его среды, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния дурны, и это потому, что над ним господствуют предрассудки феодального общества и заблуждения эпохи. Тем самым на первый план в «Слове» выступает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это «средний» князь своего времени: храбрый, мужественный,

в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины.

С гораздо большим осуждением говорит автор «Слова» о родоначальнике князей-ольговичей — Олеге Святославиче, внуке Ярослава Мудрого и постоянном противнике Владимира Мономаха. Вспоминая этого Олега (Олег жил во второй половине XI — начале XII в.; он умер в 1115 г.), автор «Слова» говорит, что он «мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше». При Олеге Святославиче «сѣяшется и растяшеть усобицами» Русская земля. Автор «Слова» отмечает гибельность крамол Олега прежде всего для трудового народа, для крестьянства: «тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие». Автор «Слова» наделяет Олега ироническим отчеством «Гориславич», имея в виду, конечно (судя по контексту), горе народное, вызванное усобицами Олега, а не его личное.

Таким же зачинателем усобиц изображен и родоначальник полоцких князей — Всеслав Полоцкий. Весь текст «Слова» о Всеславе представляет собой размышление о его злосчастной судьбе. Всеслав изображен в «Слове» с осуждением и с теплотой лирического чувства: неприканный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, «вещий», но несчастный неудачник. Перед нами исключительно яркий образ князя периода феодальной раздробленности Руси.

В остальных русских князьях автор «Слова» в большей мере подчеркивает их положительные черты, чем отрицательные. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, славу. В этой гиперболизации автор «Слова» выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Владимир Святославич

Парадный топорик. XI в.

так часто ходил в походы на врагов, что его нельзя было пригвоздить к горам Киевским. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор «Слова» скорбит о том, что его нет на юге.

Совсем особую группу составляют женские образы «Слова». Все они овеяны мыслью о мире, о семье, о доме, проникнуты нежностью и лаской, ярко народным началом. В них воплощена печаль и забота родины о своих воинах.

В идейном замысле автора женские образы занимают очень важное место, подчеркивая созидательное начало, противостоящее войне и разрушению.

Жены русских воинов после поражения Игоря войска плачут о своих павших мужьях. Их плач, полный нежности и беспредельной грусти, носит глубоко народный характер: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати». Тот же народнопесенный характер носит и плач Ярославны — юной жены Игоря. Замечательно, что Ярославна оплакивает не только пленение своего мужа, она скорбит о всех павших русских воинах: «О, вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычеша хиновьскыя стрѣлки на своєю нетрудноу крилю, на моя лады вои?» «Свѣтлое и пресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую своєю лучю на ладъ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»

Противопоставление войны и мира, воплощенного в образе русских женщин, особенно ярко в лирическом обращении автора «Слова» к Всеволоду Буй Туру. В разгар боя Всеволод не чувствует на себе ран, он забыл честь и жизнь и своей милой любимой «красныя Глѣбовны свычая и обычая». Характерно, что ни

один переводчик «Слова» не смог удовлетворительно перевести это превосходное при всей своей простоте и, в сущности, хорошо нам понятное выражение — «свычая и обычая».

Итак, образы русских князей, женские образы «Слова» даны не сами по себе, — они служат конкретному раскрытию идей автора — призыву к единению. Перед нами и здесь «Слово» выступает как произведение исключительно целеустремленное. Рукой художника — автора «Слова» — водила политическая мысль, мысль страстная, полная горячей любви к родине.

Особняком в «Слове» стоит образ певца-поэта Бояна. Отношение к нему у автора «Слова» сложное и противоречивое.

С воспоминания о Бояне автор «Слова» начинает свое выступление. Его он рассматривает как своего предшественника в том же роде поэзии, и это отчасти раскрывает нам, как воспринимал автор «Слова» свое произведение. Однако одновременно автор «Слова» противопоставляет свою манеру старой манере Бояна.

При всем своем уважении к славе и величию Бояна, автор «Слова» относится к нему с легкой иронией, подчеркивая неприемлемость для себя его выпрених «старых словес». Эту последнюю сторону отношения автора «Слова» к Бояну хорошо подчеркнул Пушкин в своих подготовительных заметках к переводу «Слова»: «Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна»¹.

В идейном замысле «Слова» образ Бояна имеет существенное значение. Он нужен автору для того, чтобы подчерк-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 12. М.—Л., 1949, с. 149.

нуть собственное следование «былинам сего времени» — действительным событиям. Он нужен автору, чтобы указать на правдивость своего произведения; в нем отчасти выразился отказ от традиционного восхваления князей. Автор «Слова» не отрицательно относится к русским князьям, как не отрицательно относится он и к Бояну. Но его произведение не «слава», не «хвала» князьям, а

сам он не следует традициям хвалебной поэзии Бояна¹.

Итак, все образы «Слова» тесно связаны с идейным замыслом автора. Все в этом произведении, до мельчайших деталей, строго и стройно подчинено центральной идее «Слова». Художественная, идейная целеустремленность «Слова» — одна из самых существенных его особенностей.

¹ См.: Будовниц И. У. Идейное содержание «Слова о полку Игореве». — «Изв.

АН СССР. «История и философия». М., 1950, № 2, с. 154—155.

ГЛАВА 9 ПРИРОДА В «СЛОВЕ»

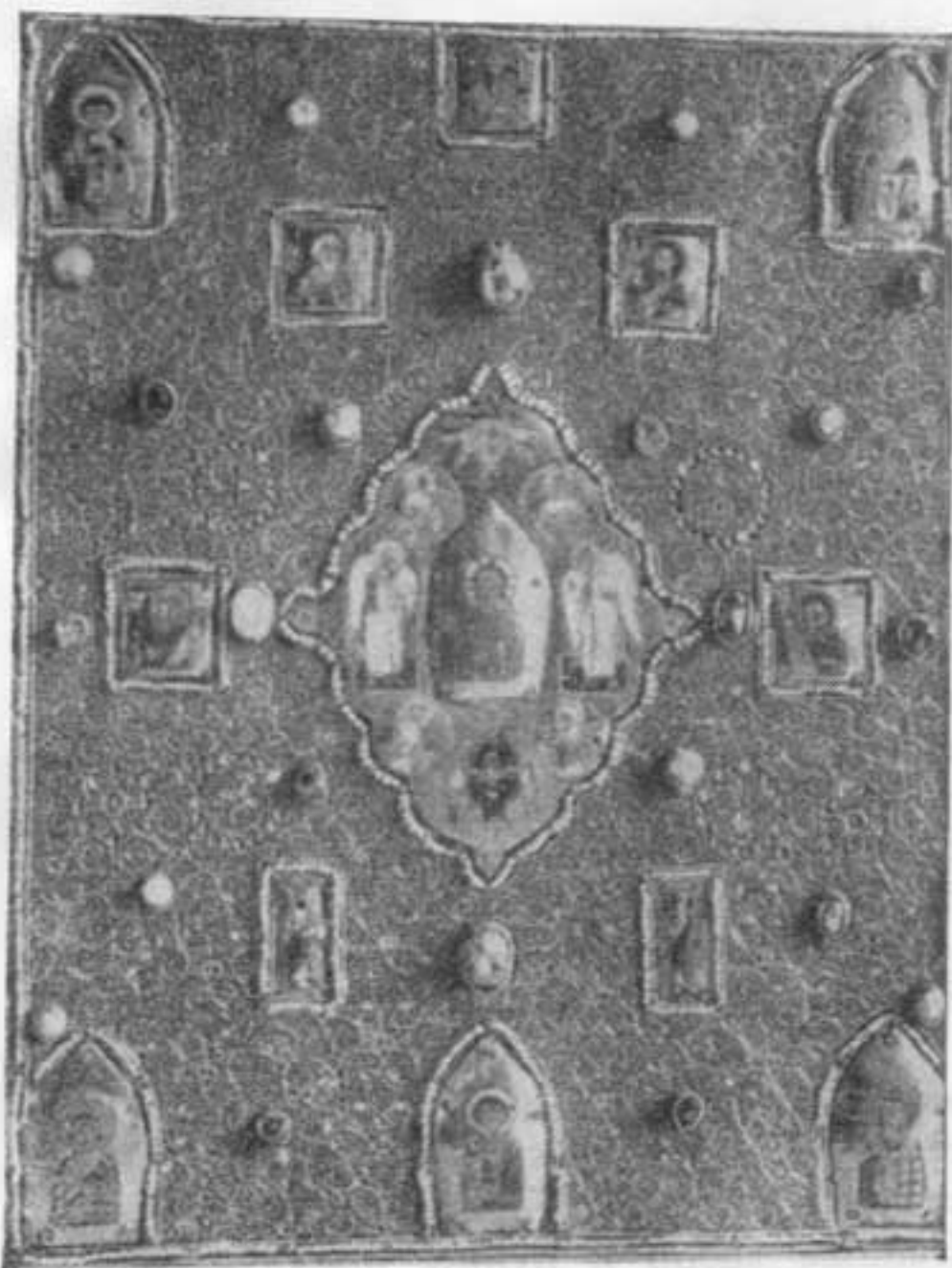
Древнерусские авторы не стремятся описывать картины природы, изображать ее статические состояния, спокойные пейзажи. Древнерусские авторы не знают того, что мы называем «литературным пейзажем» и что так хорошо известно нам по произведениям Тургенева, Гончарова и других великих русских реалистов. Древнерусские авторы уделяют природе немного внимания и только тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбой действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, в затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражающимся, в жаре, истомляющей воинов, и т. д. и т. п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, она играет в них прямую, а не косвенную роль, она «событийна», описываются только ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Средневековые русские писатели как бы еще не осознают самостоятельной ценности картинных описаний статической природы для литературы.

Хотя природа занимает исключительно большое место в «Слове о полку Игореве», но роль ее, по существу, та же. В «Слове» нет пейзажа самого по себе. Природа воспринимается автором «Сло-

ва» только в ее изменениях, в ее действиях, в ее жизни. Природа в «Слове» введена в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна.

Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, «стонущая грозою», стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретает черты борьбы силы зла с силой добра во всей природе. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя приклоняются до земли или роняют листву. Автор «Слова» отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории. Междоусобные войны Олега приводят к запустению пашен. В судьбах русского народа принимают участие и реки, то зовущие князя Игоря на победу, то сочувствующие и помогающие ему, то «затворяющие» в своих струях юношу князя Ростислава.

Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды — девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов стоят где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравнивают

Оклад Мстиславова Евангелия. Серебро, ткань, эмаль. XII в.

ся и с птицами и со зверями: с турами, соколами, галками, воронами, «лютым зверем», кукушкой и т. д. и т. п. Игорь вступает в разговор с Донцом и получает от него помощь. Ярославна ищет помощи у ветра, солнца и Днепра.

Трудно назвать другое какое-либо произведение, в котором события жизни людей и изменения в природе были бы так тесно слиты. И это слияние, единство людей и природы, усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают резонанс в русской природе и тем самым оказываются удесятеренными в силе своего звучания.

Союз природы и человека, с такой силой развернутый в «Слове», — союз поэтический. Природа для автора «Слова» — гигантский резервуар поэтических средств и своеобразное «музыкальное сопровождение», придающее особенно сильное лирическое звучание его действию.

В привлечении русской природы как действующего лица своего повествования автор «Слова» проявил себя исключительно наблюдательным знатоком природы. Вот почему в самой русской природе можно найти довольно точный комментарий ко многим неясным и темным местам «Слова». Приведу некоторые толкования отдельных мест «Слова», предложенные советскими природоведами.

«Внимательный наблюдатель природы, — пишет проф. Н. В. Шарлемань, — автор «Слова» с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными — зверями и птицами. Лебедь у него «пояше» или, будучи испугнутым, «крычит»; соловей «ущекотал», его пение — «щекот»; орлы «клектом зовут», дятлы «тектюм путь кажут»; вороны «гряхуть»; галки «говоряхуть», их крик — «говор»; зегзица «кычет»; сороки «троскоташа»; кони «ржут»; степные зверьки, байбаки и суслики, издают свист; лисицы «брешут»; туры «рыкают»¹. Точность наблюдения природы и богатство языка здесь неразрывны. Жизненный опыт автора «Слова» непосредственно связан с его искусством художника.

В этой же своей работе Н. В. Шарлемань дает интересные объяснения отдельных мест «Слова». Когда Игорь ведет свои войска к Дону навстречу губельной для него опасности, автор «Слова»

¹ Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — «ТОДРА», т. VI. М., 1948, с. 123.

замечает: «Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию», т. е. беды (будущее поражение Игоря) собирают вокруг него птицъ по дубам. Действительно, хищные птицы обычно летели в те времена за войсками, поджидая добычу. Войско Игоря двигалось медленнее птиц, которые останавливались на отдых в дубравах недалеко от войска.

Знание повадок соколов сказывается и в следующих словах Святослава: «Колѣ соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду». «Выражение «въ мытехъ» и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников, — пишет Н. В. Шарлемань. — Этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, то есть достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута»¹.

Целую драматическую картину рисует и выражение автора «Слова» «дружину твою, княже птицъ крылы приодѣ»: хищные птицы (орлан-белохвост, гриф), садясь на трупы убитых, как бы «приодевают» их своими распущенными мощными крыльями, с тем чтобы не допустить к своей добыче других хищников.

О точности и правдивости образов «Слова» свидетельствует и определение берегов Донца как «серебряных». Действительно, Донец несет в своих водах много взмученного мела (он прорезывает на своем пути меловые горы Артема). Летом, когда берега Донца обмелевают, отложения этого мела на отмелях и косах блестят, как серебряные.

Наблюдательность автора «Слова» особенно ярко проявляется в описании бегства Игоря из плена. Игорь хвалит

Донец за то, что тот сторожил его «гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ». Действительно, Игорю приходилось бежать главным образом ночью, а днем скрываться в густых зарослях степных рек. О погоне его предупреждали чуткие к приближению человека гоголи, чайки и черняди. По их поведению Игорь мог судить о том, все ли кругом спокойно.

Знание степной природы сказывается и там, где автор «Слова» говорит, что дятлы «тѣктом» указывали Игорю путь к реке. Степную реку, запрятавшуюся в глубокой долине, издали не видно, не видно и деревьев, растущих в степи только по берегам рек, но на присутствие деревьев, а следовательно и реки, Игорю указывал далеко слышимый в степи «тѣкт» дятлов.

Можно было бы значительно увеличить количество примеров, доказывающих глубокое знание автором «Слова» степной природы. Автор «Слова» не дал нам законченного описания степной природы, но он рассеял в своем произведении такое количество отдельных наблюдений, что они легко могут быть сложены в единую, цельную, картину.

Вот как описывает половецкую степь на основании «Слова» акад. А. С. Орлов: «Степь эта представляла собой равнину, усеянную то «яругами» (оврагами), то «шеломеньми» (холмами, курганами, природными и насыпными) и поднятую кое-где ответвлением горных кряжей. Через степь неслись из Руси «на полѣдне» «великие» реки и вливались своими «жерелы» (устьями) в «синее море», пересекши «поля широкая» и пробив «каменные горы». Были в степи и болота, «грязивые места», и поле «безводное». Черноземная степь весной покрывалась травами и цветами, седым ковылем, по которому

¹ Из реального комментария к «Слову о волку Игореве». — «ТОДРЛ», т. VI. М., 1948, с. 112.

развевалась радость Ярославны, и душистой полынью, запахом которой половецкий хан манил вернуться на родину своего брата, бежавшего на Кавказ от грозы Владимира Мономаха. Эти травы питали скот кочевников, «кони, овцы и вельблуды», их топтали и волновали («въшумѣ трава») «вежи», «телеги» половецкие, которые скрипели, «кричали», как «лебеди распужени». Степные травы то мирно покрывались «студеной росой», которую стряхивал («трусил») волк на бегу, то поливались кровью и посыпались прахом боевых столкновений, когда обнажалась «чръна земля под копыты». Пересекалась степь проторенными искони караванными «путями», о которых упоминал в 1170 году Мстислав

Изяславич Киевский, жалуясь на половцев, что они «уже у нас и Гречьский путь изъотимають, и Соляный и Залозный». Движение шло и «неготовыми дорогами». Степные «поля широкая» с лесистыми яругами и реки, текшие в «серебрехх брезех» под сенью «зелену древу», окруженные «лугами» и заросшие «тростием» (тростником, камышом), были полны зверями и птицами, от большинства которых, как насельников степи, сохранились одни названия или глухие упоминания¹.

Живая картина старой половецкой степи, донесенная до нас в составе «Слова», — яркое свидетельство, что «Слово» составлено ее очевидцем, может быть участником степного пути Игоря.

¹ Акад. Орлов А. С. «Слово о полку Игореве», 2-е изд. М.—Л., 1946, с. 13—14.

Мы уже отмечали выше близость «Слова» к двум жанрам народной поэзии — славам и плачам. Близость эта, однако, не ограничивается жанровыми аналогиями.

Конечно, «Слово о полку Игореве» — отнюдь не произведение устной народной поэзии, но оно очень близко к ней по своей идейной сущности и стилистическому строю.

«Слово» насыщено образами народной поэзии: тут и деревья, приклоняющиеся до земли от горя, тут и никнущая от жалости трава, и сравнение битвы с пиром, с жатвой. Близка к народным плачам лирическая песнь Ярославны. В плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в песне Ярославны. Сон Святослава полон устно-поэтических символов. Сказочно описание бегства Игоря; в сказках нередко герой, спасающийся от колдуна, превращается в животных. Подобно Игорю, обернувшись соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, в былине о Волхе Всеславиче, Волх, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для дружины. Воспитание курских дружинников Всеволода Буй Тура напоминает воспитание того же Волха Всеславича. Даже языческие боги, упоминаемые в «Слове», воспринимаются как образы народной поэзии. Народен и образ «девы Обиды», встречающийся и в записях устной поэзии XIX в.

Народного богатыря напоминает Всеволод Буй Тур, когда он прыщет на вра-

гов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод Буй Тур сражается с врагами, и, куда поскачет, там лежат поганные головы половецкие.

Богатыря напоминает и Ярослав Осмомысл в «Слове о полку Игореве», когда он бросает тяжести за облака.

Встречаются в «Слове» и другие признаки его тесной связи с народной поэзией. Народная стихия в «Слове» выражается в отрицательных метафорах («Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью русскихъ сыновъ»), в некоторых чисто фольклорных эпитетах (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море, каленые стрелы, борзые кони, черный ворон, красные девы и др.), в характерных для народной поэзии образах (особенно многочисленных в плаче Ярославны и в сне Святослава Киевского), в аллитерациях, в отдельных гиперболах, сравнениях и т. д.

Однако с народной поэзией связывают автора «Слова о полку Игореве» не только художественные вкусы, но и мировоззрение, политические взгляды. Поэтому нельзя говорить о механическом влиянии на автора «Слова» русской народной поэзии. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии потому, что сам он близок к народу, стоит на народной точке зрения.

Народные образы «Слова» тесно связаны с его народными же идеями. Художественная сторона и идейная неотделимы в «Слове» друг от друга. Вот, напри-

мер, обычное в «Слове» сравнение битвы с жатвой: «Тогда при Олзѣ Гориславличі сѣяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука»; «чръна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровию польяна: тугою взыдоша по Руской земли»; «на Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла». Эти сравнения были очень часты в устной народной поэзии. Они обильно встречаются позднее — в записях русских, украинских и белорусских песен, сделанных в XVIII, XIX и XX вв.:

Распахана Шведская пашня.

Распахана солдатской белой грудью.

Орана Шведская пашня

Солдатскими ногами.

Боронена Шведская пашня

Солдатскими руками.

Посеяна новая пашня

Солдатскими головами.

Поливана новая пашня

Горячей солдатской кровью.

Или:

Не плугами поле, не сохами пораспахано,

А распахано поле конскими копытами,

Засеяно поле не всхожими семенами,

Засеяно казачьими головами,

Заволочено поле казачьими черными кудрями.

Или:

Чорна роля (пашня) заорана,

Кулями засіяна,

Білим тілом зволочена,

Кровью сполощена.

Замечательно, однако, что это сравнение поля битвы с пашней в «Слове» и в народной поэзии имеет глубокий идейный смысл. Это даже и не сравнение, а противопоставление. В «Слове» и в народной поэзии противопоставляются война мирному труду, разрушение — созиданию, смерть — жизни (по-древне-

русски «жизнь» не только «существование», но и «богатство, плоды земледельческого труда — жито»).

Это противопоставление мира войне пронизывает и другие части «Слова». Автор «Слова» обращается к народному образу пира — апофеоза мирного труда: «Ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». С поразительной конкретностью противопоставляя русских их врагам, он называет последних сватами: Игорь Святославич действительно приходился сватом Кончаку (дочь Кончака была помолвлена за сына Игоря — Владимира). Отсюда следует, что образ пира-битвы не просто заимствован из народной поэзии, где он обычен, а умело осмыслен применительно к данному конкретному случаю. Той же цели противопоставления мира войне служат и женские образы «Слова о полку Игореве» — Ярославна и «красная» Глебовна.

Перед нами, следовательно, целая политическая концепция автора «Слова о полку Игореве», в которую, как часть в целое, входят традиционные образы устной народной поэзии: «битва-молотьба», «битва-пир» и т. д.

Связь с народной поэзией ясно ощущается в «Слове» и в изображении людей. Автор «Слова» гиперболизирует своих героев. Эта гиперболизация — один из способов художественного обобщения, типичный и для устного эпоса. Подобно тому как в былинах богатырь соединяет в себе все свойства русского войска, русской дружины или русского крестьянства, в «Слове» на положительных героев-князей переносятся характеристика и подвиги их дружины. Перед нами в «Слове» начальная стадия того процесса, который в эпосе в более позднее время привел в конце концов к тому, что русское войско оказалось поглощено в собирательном образе богатыря, стало отсутствовать в былинах (в былинах

Войско Игоря Святославича захватывает половецкие вежи. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. (воспроизводит оригинал XII в.).

XVII—XX вв. действует уже один богатырь без войска).

Так, например, Всеволод Буй Тур прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными: шлемы оварские «поскепаны» его калеными саблями. О мечах и саблях говорится во множественном числе. Конечно, стрелы, мечи и сабли — не личные Всеволода. Автор «Слова» говорит здесь о том, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и саблями.

Подобно тому как Илья Муромец
Куда махнет — туда улица,
Куда перемахнет — туда переулок,
так и Всеволод Буй Тур — «камо Туръ
поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ

посвѣчивая, тамо лежать поганья головы половецкыя». Но различие между былиной и «Словом» в том, что в «Слове» еще сохраняется сознание того, что Всеволод действует не сам, а с помощью своей дружины; в былине же Илья действует один. Образ богатыря успел соединить в себе все качества его дружины.

То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в «Слове» и в других случаях. Святослав Киевский «притрепаль» коварство половцев «своими сильными плѣкы и харалужными мечи»; Всеволод Суздальский может «Донъ шелома выльяти», — конечно, не своим одним шлемом, а многими шлемами своей дружины. Также и Ярослав Осмомысл заступает королю путь своим войском. Дружина еще присутствует в

Поражение войска Игоря Святославича. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. (воспроизводит оригинал XII в.).

«Слове», но она уже служит фоном для главного героя — князя. Как на старинных иконах и миниатюрах: герой велик в своих размерах, и он изображен на первом плане, дружина же изображена не крупно, очень условно и на втором плане.

Итак, художественная система «Слова» тесно связана с русским народным творчеством. Тем не менее «Слово о полку Игореве» — произведение письменное, а не устное. Как бы ни были в нем сильны элементы устной речи и народной поэзии, «Слово» все же писалось, и писалось как литературное произведение. «Слово» — не запись устно произнесенной речи или спетой исторической песни. «Слово» было с самого начала написано его автором, хотя автор и «слышал»

все то, что он писал, проверял на слух его ритм, звучание.

Письменное происхождение «Слова» сказывается прежде всего в смешении различных приемов устного народного творчества. В «Слове» можно найти близость и к устной причети, и к былинам, и к славам, которые пелись князьям, и к лирической народной песне. Такого смешения фольклор не знает. Жанры в фольклоре строго разграничены. Лирическая песнь никогда не вставляется в былинку; в причети не может оказаться кусок исторической песни. Не знает фольклор и того сложного построения, каким отличается «Слово». В особенности противоречат фольклору постоянные и типичные для «Слова» обращения от современности к прошлому. Наконец, в

«Слове» имеются и отдельные книжные выражения: «растѣкашется мыслию по древу», «скача, славию, по мыслину древу», «истягну умь крѣпостию своею», «свивая славы оба пола сего времени, рища въ тропу Трояню», «спаль князю умь похоти» и некоторые другие. Замечательно, однако, что все немногие сложные и искусственные книжные обороты встречаются по преимуществу в начале «Слова».

Из всех частей «Слова» его первая часть — там, где автор колеблется в выборе своей манеры, — ближе всего стоит к книжной традиции, хотя и не подчинена ей целиком. С развитием действия автор «Слова» отбрасывает все эти отдельные искусственные элементы книжной речи и пишет так, как говорит: горячо, страстно, проникаясь единственным стремлением убедить, взволновать, возбудить в своих читателях патриотические чувства. Автор как бы стремится освободиться от этих книжных, искусственных оборотов. Перед нами, таким образом, не следование традициям книж-

ности, а отход от этих традиций, отход, который совершается в «Слове» тут же, как бы на глазах у читателей, по мере того как голос автора крепнет в его обращении к своим современникам. Вторая часть «Слова» почти лишена элементов книжности.

Как бы ни была сложна художественная структура «Слова», как бы ни было тесно связано «Слово» с самыми разнообразными формами народной поэзии, с самыми разнообразными стихиями устной речи (с лексикой феодальной, военной, правовой, сельскохозяйственной и т. д.), поэтическая система «Слова» отличается строгим единством. Это единство обусловлено тем, что вся терминология, все формулы, все символы и привычные образы подверглись в «Слове» поэтической переработке, все они конкретизированы, образная сущность их подчеркнута, все они в своей основе связаны с русской действительностью XII в. и все они в той или иной мере подчинены идейному содержанию произведения.

Система художественных образов «Слова» зависит от образности обыденной, деловой русской речи XII в. Автор «Слова» использует образы, которые уже существовали в феодальном быту, в военной лексике, в народной речи и в народной поэзии. Художественное творчество автора «Слова» состоит во вскрытии того образного начала, которое заложено в устной речи, в специальной лексике, в символике феодальных отношений, в действительности, в общественной жизни и в подчинении этого образного начала определенному идейному замыслу. Автор «Слова» отражает жизнь в образах, взятых из этой самой жизни. Он пользуется той системой образов, которая заложена в самой общественной жизни и отразилась в речи устной, в лексике феодальной, военной, земледельческой, в символическом значении самих предметов, а не только слов, их обозначающих. Привычные образы получают в «Слове» новое звучание. Этот по-новому использованный знакомый уже читателю образ получает особенную убедительность. Русский читатель узнает в нем свое, близкое ему, выношенное своим собственным жизненным опытом. Образ, заложенный в термине, автор «Слова» развивает, раскрывает и превращает в поэтический, подчиняя его идейной структуре всего своего произведения в целом. В этом раскрытии красоты привычного образа и проявляется его гениальное творчество.¹

Это рождение идейно насыщенного поэтического образа из образа, имевше-

гося уже в обыденной речи, может быть особенно ясно показано на одном примере. Автор «Слова» пишет, что после поражения на Каяле «встала обида в силах Дажьбожа внука (в русских войсках), вступила дѣвою на землю Трояню (на Русскую землю), всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону; плещучи, убуди жирня времена (прогнала времена обилия)». Слово «обида» в значении нарушений феодальных прав, прав князя, княжества или всей Русской земли было одним из самых распространенных выражений в феодальном быту своего времени. В «Слове о полку Игореве» слово «обида» имеет не столько значение «нарушение феодальных прав», сколько более распространенное в народной лексике — значение «горя», но выражение «встала обида» типично феодальное. Это термин, означающий возникновение раздора, феодальной войны. И вот из конкретного, зрительного восприятия этого образа в «Слове» рождается художественный образ. Он рождается на глазах у читателя, последовательно становясь все более и более конкретным. Обида «встает» в силах Дажьбожа внука, т. е. в русских войсках, и читатель еще колеблется — признать ли это выражение «встала обида» за обычный феодальный термин или за конкретный образ, но уже следующие затем слова облачают эту «обида» в облик девы — «вступила дѣвою на землю Трояню». Наконец, образ девы Обиды становится еще более конкретным — у девы Обиды оказываются лебе-

динные крылья, которыми она прогоняет с Руси времена обилия.

Так из обычной феодальной лексики рождается зрительно-наглядный образ, но и самый этот образ глубоко народен: в ином значении, в ином идейном контексте, но сходный по своему внутреннему, эмоциональному содержанию, он встречается и в устной народной поэзии:

Знать, Судинушка по бережку ходила,
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани Судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.

Или:

Эта белая лебедушка
Поднималась от синя моря
На своих крыльях лебединых,
Садилась она на черлен корабль,
Обернулась красной девицей.

Такое же раскрытие художественной сущности обыденных феодальных терминов видим мы и в обращении к Всеволоду Суздальскому: «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!» Этими словами автор определяет многочисленность и силу войска Всеволода, но их значение станет для нас понятным до конца, когда мы примем во внимание военную символику того времени: выпить шлемом воды из реки, напоить коней водой из реки было символом победы над страной, расположенной по этой реке. Всеволод, следовательно, настолько силен, что он может не только выпить воды из Дона (т. е. победить половцев по Дону) и из Волги (т. е. победить волжских болгар), но он может иссушить эти реки. Этот древнерусский символ победы неоднократно в образной форме использован в «Слове». Святослав Киевский в своем походе 1184 г. одержал победу над половцами в Половецкой степи — «взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота»; половцы подошли к Переяславлю-Русскому, и уже бо Сула не

Спас Нерукотворный. Икона из Успенского собора Московского Кремля. Середина XII — начало XIII в.

течет сребренными струями къ граду Переяславлю»; литовцы одержали победу над Полоцком, и «Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ». Игорь, призывая свою дружину выступить в поход на половцев, говорит им: «Съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Неоднократно говорится в «Слове» о мечах, о стягах, о копьях, и каждый раз — во всей их сложной феодальной символике. Меч в Древней Руси был символом войны, символом княжеской власти, символом чести. Олег мечом крмому ковал — злоупотреблял своей княжеской властью; хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы подклонили головы свои под харалужные мечи Романа и Мстислава — признали себя побежденными.

Стягами в Древней Руси подавали знаки войску. Поднятый стяг служил символом победы, поверженный стяг — поражения. Автор «Слова» так призы-

вает обе враждующие стороны (русских князей-ярославичей и русских князей — потомков Всеслава Полоцкого) признать свое поражение в междоусобной войне: «Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени».

В этом использовании феодальной символики, в умении показать ее поэтический блеск и значительность и состоит один из элементов особой доходчивости художественной формы «Слова».

В древней русской литературе нет стремления к изобретению все новых и

новых художественных средств и художественных образов. В ней есть особая художественная «стыдливость». Авторы часто прибегают к традиционным образам и средствам. «Слово» не составляло в этом отношении исключения, но пользовалось оно не только традиционными литературными и фольклорными художественными средствами, но и традиционной феодальной символикой, символикой бытовой, перешедшей отчасти в терминологию, в обычную устную речь.

В «Слове» несколько раз упоминаются языческие боги: Велес, Дажьбог, Стрибог, Хорс. Вместе с тем «Слово» явно написано поэтом-христианином: Игорь по своем возвращении из плена едет к церкви Богородицы Пирогощей. Как же совмещаются в авторе «Слова» язычество и христианство? Это совмещение очень типично для Древней Руси. Его принято называть двоеверием.

Что такое это двоеверие? Простое соединение двух вер вряд ли вообще возможно, тем более что христианство в XII в., как и в последующем веке, активно боролось с языческой религией, с ее остатками в народе. Элементы язычества начали приходить в соединение с христианскими верованиями только тогда, когда они перестали осознаваться в народе как противостоящие христианству. Язычество как система верований, притом враждебная христианству, должно было исчезнуть прежде, чем могло появиться двоеверие. Это исчезновение язычества как последовательной системы верований могло совершиться только спустя известное время после победы христианства: не ранее конца XI — начала XII в.

Просматривая церковные обличения язычества с XII по XVII в., мы заметим, что в них осуждается не вера в язычество богов, а исполнение языческих обрядов. А это далеко не одно и то же. Языческий обряд не только в XII в., но и гораздо позже продолжает жить в народе, независимо от самого язычества: он постепенно приобретает игровую, раз-

влекательную и эстетическую функцию; обрядовая песнь становится фактом эстетического сознания в большей степени, чем религиозного. Именно этим переключением языческого обряда в сферу народной эстетики и малоосознанного суеверия и объясняется, с одной стороны, его живучесть (в отдельных случаях вплоть до XX в.), а с другой — легкость, с которой он вступает в связь с обрядовой стороной христианской религии. Такое переключение языческой обрядности не могло совершаться в конце X — начале XI в., когда связь между языческим обрядом и языческой религией как религией, противостоящей христианству, ощущалась еще слишком сильно. Оно стало реальным фактом начиная только с периода феодальной раздробленности, когда христианизация населения сделала особенно большие успехи.

Конечно, речь может идти лишь об отмирании веры по преимуществу в главных языческих богов (в Перуна, в Волоса, в Хорса, в Дажьбога и т. д.), воспринимавшихся как главные противники христианства. «Низшая» же мифология язычества — вера в домовых, род, рожениц и мн. др. — еще долго остается в сознании людей, утратив, впрочем, в значительной мере свою силу. Однако сознание единства совокупности отдельных верований, неизбежно присутствующее в каждой религии, если только она осознается как религия, утрачено уже навсегда. Никто из выполнявших в XII — XIII вв. языческие обряды и веривших в род, рожениц и домовых не противопо-

ставлял их христианству, как нечто равноправное ему, и в этом было одно из главных условий прочности так называемого двоеверия.

Густынская летопись, говоря о Коляде, сообщает: «Сему бесу в память простая чадь сходятся в навечерие рождества Христова, а поют песни некия, в них же аще о рождестве Христовом поминают, а болие Коляду беса величают». Конечно, «беса» и языческого бога распознал в Коляде летописец, «простая» же «чадь» пела Коляде «песни некия», выполняя веселый, традиционный обряд, не осознавая в полной мере его языческого характера, — потому-то и «поминала» в этих песнях о рождестве Христовом.

Вот почему и сам летописец, несмотря на весь свой христианский ригоризм, не прочь определить время описываемых им событий то языческим Корочуном (самый короткий день в году — солнцеповорот, сопровождающийся языческими обрядами), то языческой Радуницей (время поминовения умерших), то языческой Русальной неделей (также праздник поминовения умерших) и т. д. Он так же двоеверен, как и автор «Слова».

Автор «Слова» не верит в языческих богов так, как бы в них верил язычник. Для него языческие боги — это символы природы, художественные обобщения. Он одушевляет явления природы, деревья, солнце, ветер, реки, одушевляет даже города и их стены («Уныша бо градомъ забралы», — говорит автор, описывая последствия поражения Игоря). Он персонифицирует и одушевляет отвлеченные понятия: обиду, приобретающую образ девы с лебедиными крыльями, тоску и печаль — Карну и Желю.

Все эти одушевления, элементы анимизма и язычества в «Слове» — явления не столько религиозного, сколько художественного порядка.

Когда автор «Слова о полку Игореве» передает беседу Игоря с Донцом, он, конечно, не предполагает, что эта беседа

имела место в действительной жизни. Эта беседа — художественное обобщение, она символизирует в широком смысле дружественное отношение русской природы к Игорю. Природа поэтически, а отнюдь не реально оживает в «Слове». Это поэтическое одухотворение природы только генетически восходит к первобытному анимизму, но само по себе этим анимизмом не является.

Автор «Слова» только поэтически одухотворяет природу и только поэтически видит в ней живое существо, сочувствующее русским. Нельзя себе представить, чтобы автор «Слова» на самом деле верил в то, что деревья реально оплакивают юношу Ростислава, «съ тугою» приклоняясь до земли, что дева Обида реально «плескала» крыльями на синем море у Дона, что печаль действительно «текла» «среди земли» русских. Не может подлежать сомнению, что и языческие боги, упоминаемые в «Слове», — это художественные образы, обладающие для автора сильной поэтической окраской, а не реальные культовые понятия. Автор «Слова» — христианин, а не язычник. Он не верит в языческих богов, как не верит в реальность разговора Игоря с Донцом.

Языческие боги — художественные образы, поэтические понятия. Автор «Слова» называет ветры «Стрибожими внуками», говорит о русском народе как о «Дажьбожем внуке». «Велесовым внуком» он называет Бояна. Перед нами поэтические парафразы. Языческие образы приобрели для автора «Слова» художественное значение. Он пользуется этими языческими понятиями наряду с одушевлением природы — рек, деревьев, ветра, солнца. Вернее, языческие боги для автора «Слова» — это часть одушевленной природы. Это одухотворение чисто художественное и отнюдь не культовое.

Таким образом, в «Слове», как и в народном творчестве его времени, — на-

лицо отступление от язычества; многие языческие элементы осознаются как элементы чисто поэтические. В этом отношении «Слово о полку Игореве» отражает процесс разложения язычества и переход к двоеверию.

В научной литературе есть и другая точка зрения: предполагают, что автор

«Слова» верил решительно во все, о чем он пишет, и во всех языческих богов, которых он упоминает. Но вряд ли в XII в. язычество так твердо занимало все свои позиции. Автор «Слова» переходил уже к двоеверию и на многое в язычестве смотрел только как на художественное обобщение.

«Слово о полку Игореве» — произведение очень небольшое, но по этому небольшому произведению мы можем судить об огромном богатстве и даже роскоши языка его автора. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения.

Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блещут — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничит»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою» и т. д. Персты не просто кладут на струны — их «воскладывают», и струны «рокочат» славу. Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю». Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, т. е., «лелеючи», помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей Ярославны, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца.

Автор «Слова» очень скуп на эпитеты, но зато употребленные им — поразительно метки: «жемчужная душа», «теплые туманы» («мглы»), «живые струны». Первый эпитет выбран автором не случайно — он связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь, в одиночестве умирая на поле

битвы от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (т. е. через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочат славу. Искусная игра всегда производит впечатление полной непосредственности, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Струны у него «рокочат». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева, они «выются». Телеги у него не скрипят, а «крячат», как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят».

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, типичным для эпохи подъема древнерусской живописи. Трава у него — это «зеленая паполлома». На «черленые» щиты у него «брешут» лисицы: их раздражает красный цвет. Золотой шлем Всеволода «посвечивает» в битве. Отдельные сцены автор «Слова» видит в красках. Среди до-

бычи — всякого половецкого «узорочья»: золота, поволока, драгих аксамитов, япончиц и кожухов — Игорю достались «чрьлень стягъ, бѣла хорюговь», «чрьлена чолка, сребрено стружие». Надвигающаяся гроза перед битвой описана не менее яркими красками: «Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучи съ моря идутъ... а в них трепещутъ синии мльнии». Зрительно эффектные образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, жемчужной души, изрошенной через золотое ожерелье, черной земли, политой красной кровью.

Зрительные образы «Слова о полку Игореве» типичны для средневековья. Многие из них напоминают изображение на иконах или на миниатюрах, где представлены по преимуществу церемониальные положения, торжественные ситуации. Ярослав Осмомысл сидит высоко на своем златокованом престоле и занят княжеским делом: судит, управляет войском и княжеством. Всеволоду Суздальскому автор «Слова» предлагает прилететь на свою отчину (ср. изображение летящего на грифах Александра Македонского в Успенском, Дмитриевском соборах и Всеволода Суздальского во Владимире). Князья — Рюрик и Давыд, Ингварь и Всеволод и «все три Мстиславича», Роман и Мстислав, Ярослав Всеволодович Черниговский — постоянно изображаются со своей дружиной, о вооружении которой непременно говорится. В церемониальных положениях изображается Игорь Святославич: он вступает в стремя, ведет войска к Дону, сидит в золотом кресле, а затем в седле кощеевом, торжественно возвращается в Киев. Его брат Всеволод изображен в битве посвечивающим своим золотым шлемом и

поражающим врагов. Враг изображается поверженным перед престолом победителя: Кобяк пал в гряднице Святослава. Побежденные преклоняют головы, вкладывают в ножны поврежденные мечи, склоняют стяги, бросают оружие. Со всем как на миниатюре Радзивилловской летописи¹, изображены окружающие Русь народы — немцы и венецианцы, греки и моравы: они поют славу Святославу и оплакивают князя Игоря. Пение славы и плач по убитым или попавшим в плен — это тоже своеобразные церемониальные положения, в которых изображали обычно людей древнерусские художники. Славу поют въезжающему в Киев Игорю. Ярославна плачет по Игорю на городской стене. Славу поют русские девицы на Дунае и готские красные девы на Черном море. Плачут жены русских воинов. Плачут русские города. В своеобразных церемониальных положениях изображается даже природа: приклоняются в печали трава и деревья (ср. склонившееся дерево на иконе «Троицы» Рублева). Все это зрительные образы, родственные изобразительному искусству и, что особенно важно, изобразительному искусству средневековому, стремящемуся изображать мир как бы «позирующим» зрителю только в строго определенные, церемониальные моменты, когда он больше всего отражает свою «извечную» сущность.

Совершенно поразительна средневековая любовь к оружию. Оружейная терминология «Слова» очень богата. Сабли в «Слове» «гремлют» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам, они ранят. Сабли каленые и изостренные. Мечи «цветят» Половецкую землю, ими «гремят»

¹ Знаменитая русская Радзивилловская летопись имеет более 600 миниатюр, изображающих различные события русской истории X—XII вв., в том числе и событие похода Игоря Святославича на половцев. Летопись эта пере-

писана с более древнего оригинала в конце XV в. Миниатюры также копировались с более древних оригиналов (см.: Лихачев Д. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 433—437).

и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием можно «доткнуться» до престола. Стрелы бывают «каленные», «острые» и «золоченые». Они «летят». Ими «прыщут» и «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мьчат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) ляцкие, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («калены», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто тем не менее прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же мчатся, « рассушась » по полю, русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Сродни этим военным образам образы, заимствованные из охотничьего быта. Игра на струнном инструменте сравнивается в «Слове» с соколиной охотой на лебедей. Сам Игорь неоднократно называется соколом: и тогда, когда он далеко залетел к морю, и тогда, когда он бежит из плена. С соколами сравниваются и другие русские князья. Два сокола — Олег и Святослав, которым половецкие сабли «припешали» их крыльца (т. е. подрубили часть крыльев, лишили их возможности летать, сделали «пешими»). Роман сравнивается с парящим соколом, стремящимся в азарте охоты одолеть свою добычу.

Художественная наблюдательность автора «Слова» обильно заимствует свои образы из обихода соколиной охоты, служившей в Древней Руси и для удовлетворения эстетических потребностей¹.

¹ О красоте соколиной охоты много говорится в «Уряднике сокольников пути царя Алексея Михайловича». В отрывках издан в

кн.: Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 567—572.

В науке не раз делались попытки разложить текст «Слова» на стихи, найти в «Слове» тот или иной стихотворный размер.

Одни пытались разложить «Слово» на трохеи и амфибрахии, другие находили в нем дактило-хореические гекзаметры. В ритмике «Слова» усматривали родство с ритмикой украинских дум, с аллитерационным стихом скандинавских скальдов, с ритмом византийской церковной песни, со стихом русских былин и т. д. и т. п.

Уже одно перечисление тех стихотворных форм, с которыми сопоставлялось «Слово», отчасти разъясняет несостоятельность попыток найти в «Слове» какую-либо определенную стихотворную систему. «Слово», конечно, не написано по законам современного нам стихосложения. Оно ритмично, но ритмическая система «Слова» глубоко своеобразна и принадлежит своему времени — XII веку.

Ритм «Слова» в основном связан с синтаксическим построением фраз, неразрывен со смыслом, с содержанием текста. Тревожный ритм коротких синтаксически-смысловых единиц превосходно передает волнение Игоря перед бегством:

Игорь спить,
Игорь бдить,
Игорь мыслию поля мѣрить.

Или: Кликну;
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача — чув-

ствуется в обращениях Ярославны к солнцу и ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!

Ты пробилъ еси каменные горы
сквозѣ землю Половецкую.

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави
насады до плѣку Кобякова.

Възлелѣй, господине, мою ладу къ
мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

Бодрый и энергичный ритм мчащегося войска чувствуется в описании черниговских кметей:

подѣ трубами повити,
под шеломы възлѣлѣяни,
конецъ копия възскрѣмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влѣци в полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ.

Торжество победы русских над половцами превосходно передано энергичной фразой, лишенной сказуемого и потому производящей впечатление радостного возгласа, выкрика:

Чрьлень стягъ,
бѣла хорюговъ,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

Вместе с тем ритмичность «Слова» теснейшим образом связана со всей его композицией. Ритмично все построение

«Слова» в целом. Различны равномерные переходы от одной темы к другой. Ритмичны равномерно распределяющиеся в «Слове» лирические отступления, повторяющиеся лирические восклицания. Дважды повторено в «Слове» восклицание «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!» И трижды встречаем призыв «За землю Рускую, за раны Игоревы!» Ритмично повторяются одинаково построенные обращения Ярославны к ветру, к Днепру и к солнцу. Ритмично сменяют друг друга призывы к русским князьям: к Всеволоду, к Рюрику и Давыду, к Ярославу Осмомыслу и т. д.

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз:

Ту ся брата разлучиста на брезѣ
быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирѣ докончаша храбрии русичи.
Ту нѣмци и венедици,
ту греции морава...
Что ми шумить,
что ми звенить.
Бишася день,
бишася другый.
Уже бо, братие, не веселая година
въстала,
уже пустыни силу прикрыла.

Ритмичность достигается также сочетанием однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

Притопта хлѣми и яругы,
взмути рѣки и озеры,
иссуши потоки и болота.

Или: Уже снесся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже врѣжеся дивь на землю.
Унылы голоси,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскии,
Всеслав-князь людемъ судяше,
князем грады рядяше,
а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше.

Солнце ему тьмою путь заступаше,
нощь стонуши ему грозою птичь
убуди.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска» и т. д. Не случаен также в «Слове» и синтаксический параллелизм:

Комони ржутъ за Сулою, —
звенить слава въ Киевѣ;
трубы трубятъ в Новѣградѣ, —
стоять стязи в Путивлѣ!

Существенное значение в «Слове» имеет также ритмическое равновесие: несколько коротких синтаксических единиц сменяются одной или двумя длинными; несколько длинных заключается одной или двумя короткими. Перед нами в «Слове» строго выработанная система кадансов, благодаря которой каждый раздел «Слова» имеет свой ритмически законченный рисунок.

Наконец, ритм в «Слове» связан и с постоянными противопоставлениями:

Дѣти бѣсови кликомъ поля
прегородиша,
а храбрии русици преградиша
чрълеными щиты.
Рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нѣ часто врани граяхуть.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влурѣ влѣкомъ потече.

Противопоставления эти неразрывны с основным содержанием «Слова», отвечают его идейному замыслу. В «Слове» постоянно противопоставляется Русская земля половецкой стране «незнаемой», храбрые русичи половцам, мирный труд войне. Тем самым уже создается некоторая симметрия изложения: ритмические повторы.

Итак, гибкий ритм «Слова» подчинен содержанию. В этом точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

«СЛОВА»

«Слово о полку Игореве» отмечено печатью особой человечности, особенно внимательного отношения к человеческой личности. Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя восклицаниями горя: «О! далече заиде соколъ, птицъ бья, — къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити!»; «О, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвых князей!» Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Чувства автора «Слова о полку Игореве» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, что этими же чувствами, этими же переживаниями наделено и все окружающее: животные, деревья, трава, цветы, вся природа и даже забралы городов щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы оказываются удесятенными в силе.

Автор «Слова» с осязательной живостью рисует углубление русского войска в степь и дважды восклицает: «О Руская земле! уже за шеломянемъ

еси!» Только бывавший в походах мог с такой точностью передать душевные переживания воинов, уходящих за пределы родной земли, прощающихся с родиной.

Автор «Слова» как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет и не может осознать внезапно надвинувшегося поражения, несмотря на всю его очевидность; он восклицает: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?» Только переживший сам душевную утрату мог с такою психологической верностью передать свое смятенное состояние, свое нежелание поверить в случившееся несчастье.

Автор «Слова» с исключительной внимательностью проникает в душевные переживания своих героев. Во всей сложности предстают перед нами противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отечески любит их и отечески упрекает их за безрассудную затею похода на половцев без сговора с отдельными русскими князьями: «Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ».

Автор «Слова» понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптавъ «поганые» полки половецкие, «помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орѣтъмами и япончицами и кожухы начяша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякими узорочьи половецкыми». И одновременно с этим сочувственным понима-

нием удали воинов автор «Слова» с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своему мужу. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере.

Автор «Слова» сочувственно понимает предпочтение смерти плену, высказанное Игорем в начале похода. Он с удивительной человечностью говорит об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы на кровавой траве: не было с ним его братьев, в одиночестве изронил он свою жемчужную душу через золотое ожерелье.

Человечность «Слова» проявляется разнообразно и сильно. Она сказывается и в характеристиках действующих лиц: выразительных, кратких и удивительно различных. При всей мимолетности замечаний, которые автор «Слова» в своей лирической торопливости бросает о действующих лицах произведения, в «Слове» нет и двух одинаковых действующих лиц. Каждый из многочисленных героев «Слова» наделен собственными чертами. В них подмечено самое существенное, и это существенное воплощено в произведении самыми разнообразными художественными средствами. Образ «соловья старого времени» раскрыт характеристикой его художественной манеры. Образ Ярославны воплощен в ее лирической песне. Описание воинской готовности «свѣдомыхъ кметей», курских воинов Всеволода Буй Тура, является одновременно и их лучшей характеристикой.

Наблюдательностью и внимательным отношением к человеческой личности отмечены отдельные эпитеты, которыми наделены в «Слове» его действующие лица. Ярослав Мудрый назван старым, и этим подчеркнут не только его возраст, не только то, что он жил в старые (прежние) времена, но и его опыт, ум. Его брат Мстислав Владимирович Великий, вступивший в единоборство с врагами

Русской земли, назван храбрым. Роману Святославичу придан эпитет «красный», т. е. красивый. Мужественный и сильный брат Игоря Всеволод назван Буй Туром и Яр Туром. Жена Всеволода — его «милая хоть», «красная»; мудрого и прозорливого Бояна автор «Слова» называет вещим, воинов Романа Мстиславича — железными и т. д.

Особенно любит автор «Слова» эпитет «храбрый». Храбрые у него не только Мстислав, Игорь, Борис Вячеславич, храбрыми названа не только дружина, ольговичи, все русские сыны — «русичи», — даже самая мысль Романа Мстиславича храбрая. В этом сказалось особое пристрастие автора «Слова» к воинским доблестям.

Автор «Слова» находит глубокое человеческое содержание во всем, что останавливает на себе его внимание. Глубокой человечностью веет на нас от пейзажа опустелой пашни. Печальная картина заброшенной нивы, на которой вместо покрикивающего на свою лошадь пахаря только вороны граят, «трупиа себѣ дѣлаче», а галки «свою рѣчь говоряхуть», собираясь полететь на добычу, — до боли сжимает сердце читателя и воспринимается как своеобразный плач автора о русском народе.

Эта необыкновенная чуткость автора «Слова» к человеческому страданию, его большое и умное сердце не могли не привлечь его к народному горю — к бедствиям трудового русского населения. Народность и гуманизм произведения — это, в сущности, две стороны одного и того же. Благодаря им «Слово» живет и для нас, продолжает волновать нас и до сих пор.

Но чувства автора «Слова» не оторваны от эпохи, от условий, их породивших, от родины, их воспитавшей. Автор «Слова» — русский прежде всего. Его чувства целиком подчинены всепроникающей любви к родной ему Русской земле. Именно эта Русская земля яви-

лась главным героем его произведения. И именно эта любовь к родине, к русским людям до предела усилила его чувства, сделала их сложными, обострила его слух, зрение, его поэтическое воображение. Именно она, любовь к родине, являлась его подлинной вдохновительницей.

Любовь к родине и к «русским сынам» помогла автору «Слова» проникнуть в думы русских воинов, переступивших границу Русской земли у «шеломяни».

Любовь к родине и к безвестным нам «русичам» из храброго полка Игоря помогла ему ощутить тревогу мучительно долгой ночи накануне сражения.

Любовь к родине раскрыла ему скорбные переживания Ярославны, наполнила его сердце жгучим горем о погибших русских воинах.

Любовь к родине и к русскому народу позволила автору «Слова» подглядеть и подслушать своим творческим воображением и беседу Игоря с Донцом, и пение дев на Дунае, и тревожные знамена природы, и радость русских городов и сел по поводу возвращения Игоря из плена, и даже злобный и торопливый разговор ханов Гзака и Кончака, гонящихся за Игорем.

В основе гениальной наблюдательности автора «Слова», в основе силы и све-

жести его человеческих чувств лежала его любовь к родной ему страдающей земле. Любовь к родине водила его пером и определила глубокую народность содержания и формы «Слова».

Она же, любовь к родине, высоко подняла его над пределами своего времени, сделала его произведение бессмертным и общечеловеческим, народным и гуманистическим, полным горячего лиризма и самой трепетной художественной правды.

Сила любви к родине, к Русской земле, покоряет читателей «Слова». Чувство это пронизывает собой все произведение. Оно проступает в каждой строке. Оно наполняет сердце читателя жгучим горем при описании поражения русского войска, гордостью за свою родину при описании силы и смелости ее князей, острой ненавистью к ее врагам в рассказе о разорении Русской земли. Любовь к родине определила выбор художественных средств в «Слове», усилила наблюдательность ее автора, вдохнула в него подлинное поэтическое одушевление, придала высокую идейность его произведению.

Вот почему значение «Слова» так безмерно выросло в наше время. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех людей, беззаветно преданных своей родине.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Умирая, человек продолжает жить, — он живет в своих делах. И важно при этом то, что в человеке жило, живет и будет жить только лучшее. Худшее не наследуется в широком смысле этого слова, оно не имеет длительных национальных традиций, оно непрочно, оно легко возникает, но еще быстрее исчезает. Лучшее же в человеке бессмертно. Еще более это относится к жизни памятников искусства. Произведения искусства воплощают в себе длительные народные традиции. Они продолжают жить и за пределами своей эпохи. В лучших своих произведениях — произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле слова — искусство не знает старения. Наиболее высокие произведения искусства продолжают быть современными столетия и тысячелетия. Современность искусства — это все то, что сохраняет свою идейную и эстетическую действительность, все то, что читает, смотрит и слушает народ в данный момент, независимо от того, в какое время были созданы эти произведения искусства.

О БЕССМЕРТИИ «СЛОВА»

История искусства и, в частности, история литературы резко отличается от общей истории. Ее процесс — не процесс простого, прямолинейного изменения, а процесс накопления и отбора лучшего, действительного. Наиболее совершенные произведения искусства и, в частности, литературы продолжают участвовать в жизни народа и в жизни его литературы.

Вот почему «Слово о полку Игореве», продолжающее жить в сотнях произведений русской литературы XIX и XX вв., мы вправе считать произведением не только древней, но в известной мере и современной литературы. Оно живо и действительно, заражает своей поэтической энергией и воспитывает идейно, учит литературному мастерству и любви к родине.

Более чем семь с половиной веков живет «Слово о полку Игореве» полнокровной жизнью, и сила его воздействия не только не ослабевает, но все возрастает и расширяется. Такова власть над временем «Слова», его живой связи с мировоззрением и творчеством всего народа.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ИЗДАНИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Орлов А. С. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1938; Изд. 2-е. М.—Л., 1946.

Академик А. С. Орлов — выдающийся исследователь древней русской литературы. Выполненный им прозаический перевод «Слова» — один из лучших. В книге даны тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, рассказывающие о походе Игоря Святославича. Второе издание книги дополнено статьей в защиту подлинности «Слова».

«Слово о полку Игореве». Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947.

«Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

В книге даны научный текст, текст первого издания, текст Екатерининской копии, а также два перевода Д. С. Лихачева (ритмический и объяснительный), В. А. Жуковского, И. Козлова («Плач Ярославны»), А. Н. Майкова, И. А. Новикова, В. И. Стеллецкого, Н. А. Заболоцкого. Книга снабжена обширными комментариями. Большой интерес представляют статьи В. П. Адриановой-Перетц «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия» и Н. Н. Воронина «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв.».

«Слово о полку Игореве». Сб. исслед. и статей. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

Сборник в основном предназначен для исследователей, но среди его многочисленных статей имеются и такие, которые представляют интерес для широкого читателя, например: Шарлемань Н. В. Природа в «Слове»; Попов П. Н. «Слово» в изобразительном искусстве XIX—XX вв. и др.

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья ред. текста, досл. и объясн. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. Гравюры В. А. Фаворского и М. И. Пикова. М.—Л., 1952 (Сер. «Школьная библиотека»).

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградо-

вой. Подгот. текста и коммент. Л. А. Дмитриева. Л., 1952 («Библиотека поэта. Большая серия»).

Помимо древнерусского текста и научного перевода Л. А. Дмитриева, даются основные переводы и переложения XIX—XX вв. с их характеристикой и оценкой во вступительной статье.

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья ред. текста, прозаический пер. и примеч. Н. К. Гудзия. Поэтический пер. и примеч. к нему В. И. Стеллецкого. М., 1955.

Н. К. Гудзий и В. И. Стеллецкий принадлежат к числу лучших знатоков «Слова». Выполненное давно (в 1955 г.) издание не утратило своего значения и до сих пор благодаря хорошим переводам.

«Слово о полку Игореве». — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. Сост. пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М. 1957, с. 243—252 и 333—350.

В книге даны основные литературные произведения XI—XIII вв. в переводах И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. В комментариях, однако, дан и древнерусский текст «Слова». Книга представляет интерес для тех читателей, которые хотели бы познакомиться со «Словом» на фоне других памятников древнерусской литературы. Рекомендуем прочесть «Повесть временных лет», «Слово Даниила Заточника», «Слово о князьях», «Слово о гибели Русской земли», «Житие Александра Невского», «Повесть о разорении Рязани Батыем».

«Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах». Сост. О. А. Пинни. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1958.

Даны воспроизведения миниатюр, гравюр и картин на сюжеты «Слова», портреты исследователей и переводчиков, воспроизводятся титульные листы изданий «Слова» — русских, на языках народов СССР и зарубежных. Книга обращена к учителю средней школы.

Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исслед. Л., 1960.

Книга знакомит с детальным исследованием истории списка «Слова» и его издания

1800 г., с характеристикой сохранившихся экземпляров этого издания.

«Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения». Под общ. ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961.

Кроме древнерусского текста, прозаического перевода С. Шамбинаго и В. Ржиги, а также примечаний, даны переложения и переводы В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. И. Алябьева, И. И. Козлова, Е. В. Барсова, Ивана Новикова, Н. Заболоцкого, В. Стеллецкого, Л. Тимофеева, Георгия Шторма, С. Шервинского, С. Ботвинника, Сергея Городецкого, В. К. Звягинцева, А. Н. Скрипова, В. Ф. Соболевского, Е. Ф. Кунина, Александра Степанова.

«Слово о полку Игореве» — памятник XII века». М.—Л., 1962.

Статьи сборника направлены в защиту подлинности «Слова» как памятника XII в., но имеют и более широкое значение, раскрывая его связи с древнерусской культурой XII в., с язычеством XII в., характеризуя его язык, стиль, идейные представления и пр. Написаны статьи в расчете не только на специалистов, но и на широкого интеллигентного читателя.

«Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и переводы. Вступ. статья ред. текстов, прозаический и поэтический пер., примеч. к древнерусскому тексту и словарь В. И. Стеллецкого. Стихотворное переложение и пояснения к нему Л. И. Тимофеева. М., 1965.

«Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1. М.—Л., 1965; вып. 2. М.—Л., 1967; вып. 3. М.—Л., 1969; вып. 4. М.—Л., 1973.

«Словарь» подробно останавливается на значении каждого слова в «Слове о полку Игореве», приводит параллели из других древнерусских и фольклорных памятников, а также наиболее значительные из толкований, имеющиеся в научной литературе. Издание не закончено, доведено только до буквы «П» включительно.

«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла». К вопросу о времени написания «Слова». Сборник статей. М.—Л., 1966.

Сборник вводит в исследовательскую лабораторию изучения взаимоотношения текста «Слова» с текстом летописных повестей о Куликовской победе 1380 г., «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Вопрос об этом взаимоотношении имеет первостепенное значение для доказательства подлинности «Слова».

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья Д. С. Лихачева. Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева.

Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Изд. 2-е. Л., 1967. («Библиотека поэта. Большая серия»).

В книгу включены многочисленные переводы и переложения «Слова» XIX—XX вв., а также поэтические вариации на темы «Слова», в том числе Ф. Глинки, Н. М. Языкова, И. Козлова, М. Загоскина, А. Н. Островского, Ив. Бунина, К. Случевского, Вл. Соловьева, В. Брюсова, М. Волошина, С. Городецкого, А. Прокофьева, П. Антокольского, В. Звягинцевой, В. Саянова, Н. Рыленкова, В. Сосноры и мн. др.

«Слово о полку Игоревѣ» та його поетичні переклади і переспіви». Видання підготував Леонід Махновець. Київ, 1967 (на українському мові).

Приведен текст первого издания 1800 г. «Слова» и переводы, переложение и отклики Маркиана Шашкевича, М. Максимовича, Ст. Руданського, Т. Шевченко, Ю. Федьковича, В. Мова (Лиманського), Ив. Франко, В. Кендзерського, Панаса Мирного, В. Гринченко, М. Чернявского, М. Вербицкого, М. Рыльского, Л. Новиченко, Павла Тычины и мн. др.

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

Автор комментирует лексику и стиль «Слова», приводя многочисленные параллели из различных древнерусских памятников.

«Слово о полку Игореве». Подгот. текста, пер. и примеч. Д. С. Лихачева. — В кн.: Изборник. М., 1969, с. 196—213 (сер. «Библиотека всемирной литературы»).

«Изборник» может быть рекомендован читателям, которые хотели бы представить себе «Слово» в окружении других памятников древнерусской литературы XI—XIII вв. Советуем прочесть «Повесть временных лет», «Почтение» Владимира Мономаха, «Слово Даниила Заточника», «Слово о гибели Русской земли», «Житие Александра Невского», «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

В книге дана детальная и выразительная характеристика всех князей, упоминаемых в «Слове», и их взаимоотношений. Это широкий, развернутый исторический комментарий к «Слову».

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Объект детального изучения — летописцы — современники автора «Слова». Среди них выделяется один — боярин Петр Бориславич, в котором акад. Б. А. Рыбаков предполагает возможного автора «Слова». Книга вводит читателя в культурную и политическую обстановку XII в.